

РОССИЙСКОЕ ПРАВО: НОРМЫ И ПРАКТИКА

А.В. Ермаков, В.С. Зайцев, А.В. Березина

Искусственный интеллект как объект гражданских прав

5

ОХРАНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Н.Г. Пономарева

Использование института интеллектуальной собственности для правовой охраны традиционных знаний, генетических ресурсов и выражений фольклора народов Евразии

26

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

С.А. Зуйков

Доказывание заинтересованности в досрочном прекращении охраны товарного знака наличием спора между сторонами иска

36

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

О.А. Пятаева

Определение места категории «трансфер технологий» в ряду инновационных дефиниций

44

С.С. Бородин, С.В. Домнина, Н.А. Развейкина, Е.Г. Шиханова

Правовое регулирование краудсорсинга как инструмента инновационной деятельности

58

С.В. Чернявский, А.А. Шулу, В.С. Чернявский

Проблемы стимулирования инновационного развития нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий

72

УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

Ю.С. Васильева

Стратегический маркетинг в управлении инновационным развитием организации

90

ПРОМЫШЛЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

А.В. Шиванов, А.С. Степанов, Е.Г. Криуле

Использование патентной информации при исследовании тенденций развития объекта техники

110

В.В. Орлова, О.В. Ревинский

Понятия товарного знака и промышленного образца в разных странах

123

СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

Ю.В. Рахлей

Правовые аспекты личного бренда

134

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

А.М. Грибанова

Система интеллектуальной собственности Сингапура

147

М.М. Милехин

Система интеллектуальной собственности Малайзии

157

Т.Ю. Ларина

Региональные правовые акты АСЕАН в сфере интеллектуальной собственности: их значение для интеграционных процессов

168

Учредители

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Российское Авторское Общество

Редакционный совет

А. О. Аракелова; Б. М. Борисов (г. София, Республика Болгария); Ю. Л. Бошицкий (г. Киев, Украина); А. В. Данилов-Данильян; И. А. Дроздов; Ю. С. Зубов; Г. П. Ивлиев; Б. Б. Леонтьев; Н. З. Мазур; М. Массаро (г. Турин, Италия); К. С. Мауленов (г. Алматы, Казахстан); В. Н. Синельникова; Р. И. Ситдикова; С. А. Страдина (г. Рига, Латвия); М. А. Федотов

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-45608

Адрес редакции

Москва, 117279, ул. Миклухо-Маклая, д. 55а. Тел.: (499) 743-01-64 доб. 164, <http://journal.rgiis.ru>. e-mail: journal@rgiis.ru

Журнал включен в Перечень ВАК Минобрнауки России по специальностям юридических и экономических наук (5.1.3. Частнопрововые (цивилистические) науки и 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика) с 28.11.2022

Редакционная коллегия

Т. Т. Алиев; О. В. Видякина; А. Т. Волков; И. В. Дойников; А. В. Ермаков; С. С. Ипполитов; Е. О. Китаева; Е. В. Королева; А. Ю. Ларин; В. И. Мухомад; С. Г. Павликов; В. П. Павлов; В. С. Савина; А. Г. Серго; В. Р. Смирнова; Л. Н. Устинова

RUSSIAN LAW: NORMS AND PRACTICE

A.V. Ermakov, V.S. Zaytsev, A.V. Berezina

Artificial intelligence as an object of civil rights 5

PROTECTION OF INTELLECTUAL PROPERTY

N.G. Ponomareva

The use of the Intellectual Property for the legal protection of traditional knowledge, genetic resources and expressions of folklore of peoples of Eurasia 26

ARBITRAGE PRACTICE

S.A. Zuykov

Evidence of interest in the early termination of trademark protection by the existence of a dispute between the parties to the claim 36

INTELLECTUAL PROPERTY AND INNOVATIVE DEVELOPMENT

O.A. Pyataeva

Determining the place of the category «technology transfer» among the innovative definitions 44

S.S. Borodin, S.V. Domnina, N.A. Razveykina, E.G. Shikhanova

Legal regulation of crowdsourcing as an innovation tool 58

S.V. Cherniavskiy, A.A. Shulus, V.S. Cherniavskiy

Problems of stimulating innovative development of oil producing and oil refineries 72

INTELLECTUAL PROPERTY MANAGEMENT

Yu.S. Vasilyeva

Strategic marketing in the management of innovative development of the organization 90

INDUSTRIAL PROPERTY

A.V. Shivanov, A.S. Stepanov, E.G. Kriule

Application of patent information in research of trends in the development of an object of technology 110

V.V. Orlova, O.V. Revinskiy

Concepts of Trademark and Design in Various Countries 123

MEANS OF INDIVIDUALIZATION

Yu.V. Rakhley

Legal aspects of a personal brand 134

FOREIGN EXPERIENCE

A.M. Gribanova

Intellectual Property System of Singapore 147

M.M. Milekhin

Intellectual Property System of Malaysia 157

T.Yu. Larina

ASEAN regional legal acts in the field of intellectual property: their significance for integration processes 168

Founding group

The Russian State Academy of Intellectual Property, Russian Authors Society

Editorial Board

A. O. Arakelova; B. M. Borisov (Sofia, Republic of Bulgaria); Yu. L. Boshitskiy (Kiev, Ukraine); A. V. Danilov-Danilyan; I. A. Drozdov; Yu. S. Zubov; G. P. Ivliev; B. B. Leontev; N. Z. Mazur; M. Massaro (Turin, Italy); K. S. Maulenov (Almaty, Kazakhstan); V. N. Sinelnikova; R. I. Sitdikova; S. A. Stradinya (Riga, Latvia); M. A. Fedotov

Certificate of registration of mass media ПИ № 0С77-45608**Address of editorial office**h.55a, Miklukho-Maklaya st., 117279 Moscow, Tel.: (499) 743-01-64 доб. 164, <http://journal.rgiis.ru>, e-mail: journal@rgiis.ru**The journal is included in the List of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the specialties of Legal and Economic Sciences (5.1.3. Private Law (Civilistic) Sciences and 5.2.3. Regional and Sectoral Economics) since 28.11.2022****Editorial Staff**

T. T. Aliev; O. V. Vidyakina; A. T. Volkov; I. V. Doinikov; A. V. Ermakov; S. S. Ippolitov; E. O. Kitaeva; E. V. Koroleva; A. Yu. Larin; V. I. Mukhopad; S. G. Pavlikov; V. P. Pavlov; V. S. Savina; A. G. Sergo; V. R. Smirnova; L. N. Ustinova

Состав редакционного совета журнала «Копирайт»

1. Аракелова Александра Олеговна, д.иск., ФГБОУ ВО РГАИС, ректор, главный редактор;
2. Борисов Борислав Михайлович, д.э.н., профессор, директор Института интеллектуальной собственности и лидерства (г. София, Республика Болгария);
3. Бошицкий Юрий Ладиславович, к.э.н., профессор, ректор Киевского университета права НАН Украины (г. Киев, Украина);
4. Данилов-Данильян Антон Викторович, к.э.н., профессор НИУ ВШЭ, действительный государственный советник 1-го класса;
5. Дроздов Игорь Александрович, к.ю.н., Фонд «Сколково», председатель правления;
6. Зубов Юрий Сергеевич, к.пед.н., руководитель Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент);
7. Ивлиев Григорий Петрович, к.ю.н., президент Евразийского патентного ведомства (ЕАПВ) Евразийской патентной организации;
8. Леонтьев Борис Борисович, д.э.н., профессор, академик РАЕН, генеральный директор ЗАО «Федеральный институт сертификации и оценки интеллектуальной собственности и бизнеса»;
9. Мазур Наталья Зиновьевна, д.э.н., генеральный директор ООО «ВКО-Интеллект»;
10. Массаро Мариэлла, европейский патентный поверенный, магистр европейского права, юридическая фирма Studio Legale Jacobacci & Associati, адвокат и партнер (г. Турин, Италия);
11. Мауленов Касым Сырбаевич, д.ю.н., профессор, Международный университет информационных технологий (г. Алматы, Казахстан);
12. Синельникова Валентина Николаевна, д.ю.н., профессор, НИУ ВШЭ;
13. Ситдикова Роза Иосифовна, д.ю.н., доцент, Казанский федеральный университет;
14. Страдина Светлана Аркадьевна, д.э.н., Балтийская международная академия (г. Рига, Латвия);
15. Федотов Михаил Александрович, д.ю.н., профессор, член Союза журналистов России.

Состав редакционной коллегии журнала «Копирайт»

1. Алиев Тигран Тигранович, д.ю.н., профессор;
2. Видякина Ольга Валентиновна, к.э.н., доцент;
3. Волков Андрей Тимофеевич, д.э.н., профессор;
4. Дойников Игорь Валентинович, д.ю.н., профессор;
5. Ермаков Андрей Вячеславович, к.ю.н., доцент;
6. Ипполитов Сергей Сергеевич, д.ист.н.;
7. Китаева Елена Олеговна, к.иск.;
8. Королева Елена Владимировна, д.э.н., доцент;
9. Ларин Александр Юрьевич, к.ю.н., доцент;
10. Мухопад Владимир Иванович, д.э.н., профессор;
11. Павликов Сергей Герасимович, д.ю.н., профессор;
12. Павлов Владимир Павлович, д.ю.н., профессор;
13. Савина Виктория Сергеевна, д.ю.н., доцент;
14. Серго Антон Геннадьевич, д.ю.н., профессор;
15. Смирнова Вероника Ремовна, д.э.н., доцент;
16. Устинова Лилия Николаевна, д.э.н., профессор.

РОССИЙСКОЕ ПРАВО: НОРМЫ И ПРАКТИКА

Искусственный интеллект как объект гражданских прав

Научная статья

УДК 34.096

Андрей Вячеславович Ермаков¹,
Владимир Сергеевич Зайцев²,
Александра Васильевна Березина³

^{1, 2, 3} Российская государственная академия
интеллектуальной собственности, Москва, Россия

¹ кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского
и предпринимательского права,
e_rmakov@rambler.ru

² преподаватель кафедры гражданского
и предпринимательского права,
zvs2002@gmail.com

³ аспирант,
cytron@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье была проанализирована правовая составляющая понятия искусственный интеллект. Используя компаративный метод, сравнивая сходные правовые

институты, авторы пришли к выводу о возможности регламентации искусственного интеллекта в качестве одной из разновидностей программ для ЭВМ, с безусловным учетом определенных особенностей данной самообучающейся системы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровые права, программы для ЭВМ, когнитивные функции, юнит.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР № 5-ГЗ-2022 «Рынок нематериальных объектов гражданского права в цифровой среде: выработка научно обоснованной концепции правовой регламентации отношений провайдеров и потребителей в контексте развития технологий искусственного интеллекта».

Для цитирования: Ермаков А.В., Зайцев В.С., Березина А.В. Искусственный интеллект как объект гражданских прав // Копирайт. 2022. № 4. С. 5–25.

Artificial intelligence as an object of civil rights

Andrey V. Ermakov ¹,
Vladimir S. Zaytsev ²,
Alexandra V. Berezina ³

^{1, 2, 3} Russian State Academy of Intellectual Property,
Moscow, Russia

¹ PhD in Law, Associated Professor,
Head of the Department of Civil and Business Law,
E_ermakov@rambler.ru

² Lecturer of the Department of Civil and Business Law,
zvs2002@gmail.com

³ postgraduate student,
cytron@yandex.ru

Abstract. *In the article, the legal component of the concept of artificial intelligence has been analyzed. Using a comparative method, comparing similar legal institutions, the authors came to the conclusion about the possibility of regulating artificial intelligence as one of the varieties of computer programs, with unconditional consideration of certain features of this self-learning system.*

Key words: artificial intelligence, digital rights, computer programs, cognitive functions, unit.

Funding: The work was carried out within the framework of research work No. 5-GZ-2022 «The market of intangible objects of civil law in the digital environment: the development of a scientifically based concept of legal regulation of relations between providers and consumers in the context of the development of artificial intelligence technologies».

For citation: Ermakov A.V., Zaytsev V.S., Berezina A.V. Artificial intelligence as an object of civil rights // Copyright. 2022. No. 4. P. 5–25.

Существующие подходы к определению понятия «искусственный интеллект»

Понятие «искусственный интеллект», с точки зрения правового регулирования, пока не получило точной, общепризнанной дефиниции. Его место в системе права представляется в большой степени неопределенным, несмотря на попытки как ученых, так и законодателей выработать системный подход к его детерминации в рамках правового континуума, да и в целом в рамках социума.

Попытки понять, что есть искусственный интеллект, предпринимались с момента возникновения электронно-вычислительных машин. Вопрос, может ли мыслить машина, рассматривался в начале 1950-х годов Аланом Тьюрингом в ходе его ставшего без преувеличения легендарным теста [1]. Стандартная интерпретация этого теста звучит следующим образом: «Человек взаимодействует с одним компьютером и одним человеком. На основании ответов на вопросы

он должен определить, с кем он разговаривает: с человеком или компьютерной программой. Задача компьютерной программы – ввести человека в заблуждение, заставив сделать неверный выбор» [2]. До сих пор данный тест не считается пройденным ни одной машиной. Следовательно, можно говорить о том, что с точки зрения эмпирического опыта до сих пор не создана машина, способная имитировать мышление человека.

Таким образом, даже этот факт указывает на то, что искусственный интеллект до сих пор является скорее декларативным понятием, не имеющим четкого наполнения, как технического, так и правового.

Этому могут быть даны различные объяснения. В частности, как ученые, так и практики, работающие в области искусственного интеллекта, уходят от формальных определений и предпочитают описывать непосредственно математическую базу, алгоритмы, архитектуры решений искусственного интеллекта и машинного обучения.

Так, Э. Хант, автор книги «Искусственный интеллект», писал, что «искусственный интеллект будет означать просто набор дисциплин, изучаемых в соответствующих курсах по искусственному интеллекту» [3]. Автор выделял **три направления взаимодействия искусственного интеллекта с окружающим миром, которые, по сути, являются его основой – распознавание образов, решение задач, машинное восприятие и понимание** [3].

Автор книги «Искусственный интеллект. Стратегии и методы решения сложных проблем» Джордж Ф. Люгер определил искусственный интеллект как **область компьютерной науки, занимающейся автоматизацией разумного поведения** [4].

На сайтах IT-компаний также можно найти определения данного феномена.

В частности, в «Лаборатории Касперского» полагают, что искусственный интеллект призван в полной мере **наделить машину способностью человеческого разума к реагированию** [5].

Очевидно, что все приведенные определения имеют лишь опосредованное отношение к искусственному интеллекту как правовому явлению.

Для права важна не способность машины копировать мыслительную деятельность человека, а то, что в гражданском обороте появилась некая сущность, способная без участия субъектов гражданских отношений своими действиями порождать правовые последствия, не контролируемые ими в полной мере.

Именно поэтому ни одна из указанных дефиниций не может быть положена в основу нормативного регулирования, т.к. в них не содержится ответа на главные правовые вопросы, связанные с указанным явлением цифровой реальности: является ли искусственный интеллект самостоятельным правовым явлением, и, если является, то в каком качестве?

При этом необходимо отметить, что в Российской Федерации нормативное определение искусственного интеллекта впервые было дано в Указе Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»: искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Определение практически дословно было повторено в Федеральном законе от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных». Законодатель только подробнее раскрыл понятие информационно-коммуникационной инфраструктуры, указав, что в нее входят информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, иные технические средства обработки информации.

Представляется, что эти понятия не отражают описываемое явление в полной мере. Так, например, вызывает определенные сомнения корректность употребления термина «технологические решения», т.к. он является весьма широким. Нет в данном понятии и фиксации степени самостоятельности искусственного интеллекта при выполнении поставленных перед ним задач.

В юридической науке более полная и точная дефиниция содержится в работах П.М. Морхата, который в качестве искусственного интеллекта рассматривал «полностью или частично автономную самоорганизующую (и самоорганизующуюся) компьютерно-аппаратно-программную виртуальную (virtual) или киберфизическую (cyber-physical), в том числе биокибернетическую (bio-cybernetic), систему (юнит), не живую в биологическом смысле этого понятия, с соответствующим математическим обеспечением, наделенную/обладающую программно-синтезированными (эмулированными) способностями и возможностями...» [6]. Именно здесь впервые искусственный интеллект определяется не как пространственно-размытый континуум, некий комплекс технологий непонятной природы, а как существующий в цифровой и даже в материальной среде юнит, как некая пространственно-

ограниченная система. Однако и данное определение не представляется бесспорным и требует дополнительной оценки.

Детерминация искусственного интеллекта

Точная правовая дефиниция невозможна без понимания сущности явления. Поэтому оценивая существующие нормативные и научные определения искусственного интеллекта, прежде всего следует обратиться к трудам ученых, исследующих его не как правовой институт, а как особую компьютерно-интегрированную систему.

Так, в фундаментальной книге «Искусственный интеллект. Современный подход», опубликованной С. Расселом и П. Норвигом, приводится восемь определений различных авторов, концентрирующихся на четырех возможных направлениях детерминации данного явления (по два определения на каждое направление) [7].

В соответствии с предложенной классификацией авторы предлагают рассматривать искусственный интеллект как одну из следующих опций:

1. Системы, которые думают рационально: под рациональным мышлением понимается мышление, основанное на логике (приводится известный силлогизм про смертность Сократа).

2. Системы, которые думают подобно людям: примечательно, что мышление «подобно людям» отделяется (хотя и не противопоставляется) от «рационального мышления» – указывается, что люди не идеальны, «не все они становятся шахматными гроссмейстерами, даже если досконально изучали правила игры в шахматы, и, к сожалению, далеко не каждый получает высшие оценки на экзаменах» [7].

3. Системы, которые действуют подобно людям: подход далее раскрыт описательно с точки зрения требований, которым должен отвечать компьютер (программа), чтобы пройти тест Тьюринга:

- обработка текстов на естественных языках;
- система представления знаний – фактически речь идет о памяти системы (записи прочитанного/узнанного);
- средства формирования логических выводов;
- средства машинного обучения, которые позволяют приспосабливаться к новым обстоятельствам, а также обнаруживать и экстраполировать признание стандартных ситуаций;
- машинное зрение для восприятия объектов;
- средства робототехники для манипулирования объектами и перемещения в пространстве.

4. Системы, которые действуют рационально: подход, основанный на использовании рационального агента. **Агентом считается все, что действует** (от лат. *agere* – «действовать»), но предполагается, что компьютерные агенты обладают некоторыми другими атрибутами, которые отличают их от обычных «программ», такими как способность функционировать под автономным управлением, воспринимать свою среду, существовать в течение продолжительного периода времени, адаптироваться к изменениям и обладать способностью взять на себя достижение целей, поставленных другими [7].

При сопоставлении нормативной дефиниции искусственного интеллекта с предложенной классификацией становится очевидно, что в Российской Федерации совмещены два из предложенных подходов. Искусственный интеллект определяется как нечто среднее между системами, которые думают как люди, и системами, которые действуют как люди. Однако оба этих определения имеют существенные недостатки. И, если первая классификация сталкивается с отсутствием возможности на данном этапе развития науки четко описать процесс мышления человека, то вторая, ассоциируя интеллект с действиями, явно игнорирует тот факт, что не всегда мыслительный процесс сопровождается действиями или носитель интеллекта может действия осуществлять (например,

Стивен Хокинг, по общему мнению являвшийся носителем мощнейшего интеллекта, был существенно ограничен в действиях). Более того, ассоциация интеллекта исключительно с человеком представляется несколько некорректной, т.к. не все действия или идеи человека можно признать разумными. Кроме того, в природе существуют другие носители интеллекта, помимо людей. Например, те же дельфины или обезьяны способны, по мнению зоологов, на осознанные действия. Таким образом, антропоцентрические дефиниции в данном случае представляются не совсем точными.

Вызывает сомнение и определение, в основу которого будет положена рациональность действий. Как уже было указано, не всегда интеллект реализуется через действия. Более того, любой манипулятор, запрограммированный человеком, действует рационально, но при этом в его действиях нет даже имитации интеллекта.

Соответственно, наиболее приемлемым подходом, хотя это и не соответствует законодательным императивам, является рассмотрение искусственного интеллекта как системы, которая «думает рационально». При этом рациональность искусственного интеллекта в большинстве случаев его практического использования не совпадает с рациональностью формального логического подхода (не основывается на формальной логике). Системы искусственного интеллекта (включая нейронные сети), как правило, не строят свои выводы с использованием логических цепочек (за исключением методов логического программирования, которые, к сожалению, мало используются на практике). Выводы (ответы), формируемые искусственным интеллектом, являются следствием анализа значительного массива материала. Они являются следствием построения вероятностной математической модели (линейной, нелинейной, нейросетевой). Можно говорить о том, что искусственный интеллект, формулируя выводы, действует на основании статистических обобщений, которые являются реализацией «факторного

анализа». В большинстве моделей искусственного интеллекта система вывода (модель вывода) формируется на основании «обучения», в ходе которого устанавливаются связи (зависимости) между входными и выходными данными. Данный порядок существенно отличается от формальной логики и права, где вывод формируется на основании фактов и правил; при этом правила уже необходимы для вывода, а не создаются в процессе работы.

Специфику данного способа обработки данных можно проиллюстрировать на следующем примере.

Искусственный интеллект, применяющий машинное обучение при анализе, например судебной практики, установил бы зависимость между юридическими фактами (отраженными в решениях) и самими решениями (выигрыш/проигрыш) по множеству дел «в среднем». Была бы подобрана модель, описывающая влияние (вероятностное) каждого из фактов и их различных комбинаций.

После того как модель построена, искусственный интеллект предскажет исход следующего дела, по которому факты известны.

При этом важно понимать, что при таком подходе не используется само формальное право. Для построения модели берутся только факты и конечные выводы (да/нет) из судебных дел.

Таким образом, несмотря на безусловное наличие логики в «мышлении» искусственного интеллекта, она не соответствует тому подходу, который изначально был продекларирован в работе Рассела/Норвига [7]. Это не логика Аристотеля, а своеобразная, машинная логика, т.е. логика, характерная для компьютерных программ определенного типа – осуществляющих вероятностно-статистические расчеты на основании одной из выбранных математических моделей. При этом возможность проведения таких расчетов напрямую не зависит от того, на каком носителе (компьютере, облачном сервисе

или каком-либо роботизированном аппарате) воспроизводится программный алгоритм. Следовательно, и необходимость включения в состав искусственного интеллекта каких-либо элементов, помимо данного алгоритма, представляется трудно доказуемой.

Подводя итог проведенному в данной части статьи научному анализу, возможно сделать несколько выводов.

1. Законодательно следует различать, с одной стороны, саму ЭВМ, носители информации (диски, флеш-накопители и т.д.), средства сбора и ввода информации, средства передачи информации (так называемые информационно-коммуникационные системы), с другой, выбранную в конкретной ситуации математическую модель, реализующую искусственный интеллект, и воплощенную в коде конкретной программы для ЭВМ.

2. Определять искусственный интеллект через когнитивные функции человека или через результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека, с очевидностью некорректно. Искусственный интеллект – это программная модель, причем весьма специфичная – модель, «мыслящая рационально», мыслящая по законам математики (факторного анализа, вероятностей), а не формальной логики (за некоторыми исключениями) или человеческого здравого смысла. Однако именно благодаря этой специфике появляется возможность разграничить так называемый искусственный интеллект и иные (обычные) компьютерные программы, исполняющие четкий набор команд (инструкций).

Место искусственного интеллекта в виртуальном континууме

Подход к искусственному интеллекту как к уникальному юниту предполагает разрешение вопросов, во-первых, его обособления в рамках цифровой среды, во-вторых,

существования безусловных значимых различий между искусственным интеллектом и иными объектами цифровой реальности, и, в первую очередь, программами для ЭВМ. Очевидно, что от ответов на данные вопросы зависит возможность определения искусственного интеллекта как особого правового феномена.

Решение первого из них существует довольно давно. Так как в основе искусственного интеллекта лежит компьютерная программа, к ней можно применить методы, используемые Роспатентом при опционной регистрации данного объекта гражданских прав.

Для того, чтобы новый объект был признан существующим, необходимо представить в регистрирующий орган материалы, идентифицирующие программу для ЭВМ. Они представляются в форме исходного текста (полного или фрагментов) или иной форме, присущей языку программирования, на котором написана представленная на регистрацию программа для ЭВМ, в объеме, достаточном для ее идентификации (т.е. компьютерный код).

И хотя даже неспециалистам понятно, что подобного рода идентификация условна и зачастую достаточно незначительных изменений, не касающихся сути программы, чтобы обойти правовую охрану данного объекта интеллектуальных прав, это не опровергает тот факт, что можно в рамках цифрового пространства выделить конкретную программу, «юнит», который и будет рассматриваться как обособленный объект гражданских прав. В данном случае искусственный интеллект, безусловно, юнит цифровой реальности, а не материализованная через аппаратный комплекс программа.

Обособив искусственный интеллект в цифровой среде, очертив его пространственно-виртуальные границы, необходимо определить внутреннее содержание данного объекта, позволяющее говорить о возникновении нового явления.

Для этого следует обратиться к определениям искусственного интеллекта, которые уже даны учеными, а также к уже сделанным в настоящей работе выводам. Очевидно, что искусственный интеллект отличается от иных объектов виртуальной реальности возможностью полной или частичной автономности в принятии решений. Так, традиционные программы для ЭВМ представляют собой **набор инструкций, заложенных непосредственно человеком** (методы основной задачи программы изначально известны человеку, т.е. известно до простейших логически-математических операций, как достигается желаемый результат), при этом для заданных входных данных известен и ответ.

При исполнении программ, реализующих методы искусственного интеллекта, и в частности машинного обучения, **неизвестен либо непосредственный способ достижения результата** (т.е. предполагается машинное обучение), **либо сам результат** (известны методы, которыми этого результата, может быть, было бы можно достичь (гипотеза), и фактически проверяется гипотеза о достижимости результата) [8].

Именно это порождает ощущение некой самостоятельности принятия решений искусственным интеллектом, независимости полученных результатов от людей, создавших такую программу, обучивших ее или поставивших перед ней задачу. Именно это позволяет говорить об искусственном интеллекте как о новом феномене цифровой реальности, отделить его от других цифровых объектов. Более того, относительная «свобода воли» при принятии им решений позволяет некоторым ученым ставить вопрос о правосубъектности искусственного интеллекта. Несмотря на неоднозначность такой позиции, требуется серьезный анализ приводимых в ее поддержку аргументов.

Правосубъектность искусственного интеллекта

Данный вопрос, как уже упоминалось, связан с невозможностью в полном объеме контролировать как действия самоорганизующейся программы, так и последствия этих действий. Вопрос распределения прав и обязанностей между субъектами права в отношении результатов деятельности искусственного интеллекта порождает теории, в соответствии с которыми, по мнению ряда ученых, наиболее логичным представляется создание так называемого электронного лица – аналога лица юридического, которое будет действовать в цифровой среде и основой которого будет искусственный интеллект, или, что более точно, юнит искусственного интеллекта (см., в частности, [9, с. 36–55]). Соответственно, и права, например, на результаты интеллектуальной деятельности, созданные программным способом, и обязанности, возникшие в результате деятельности систем искусственного интеллекта, например, при причинении вреда оборудованием, которое им управляется, будут возникать непосредственно у данного электронного лица.

Наиболее полный анализ данного вопроса содержится в диссертационном исследовании П.М. Морхата «Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы» [10]. Им были сделаны выводы, в соответствии с которыми «правосубъектность юнита искусственного интеллекта является (и должна являться) мультимодальной – гетерогенной (в части комплексов «прав» и обязанностей юнита) в зависимости от функционально-целевого назначения и возможностей такого юнита, и в силу этого аппроксимированной к конкретному целеполаганию производства и задействования такого юнита, т.е. его функционально-целевому назначению. Иначе говоря, правосубъектность юнита искусственного интеллекта должна

быть своего рода «плавающей» в зависимости от типа юнита искусственного интеллекта, от его изначальной экспектативной или текущей реальной функционально-целевой нагрузки. Правовое положение может различаться на шкале вариантов – от симплифицированной формы (формализованной онтологии, отражаемой юридико-техническим образом) правового положения такого юнита исключительно как инструмента человека до случая наделения правосубъектностью «электронного лица» и далее, в самом максимуме, до полной правосубъектности юнита искусственного интеллекта – например, в будущем при задействовании юнита искусственного интеллекта в отсутствие человеческого экипажа в дальнем космосе, на других планетах (т.е. где это насущно необходимо, но не создаст никаких рисков для человека)» [10, с. 29].

Анализируя приведенные положения в совокупности с определением, которое П.М. Морхат дал искусственному интеллекту как таковому, возможно сделать вывод, что он рассматривает искусственный интеллект как совокупность программного обеспечения и его компьютерно-аппаратного носителя. И именно эта совокупность должна определить его правосубъектность.

Однако, как представляется, данный подход не может быть признан корректным по следующим причинам.

1. Отсутствует смысл в наделении искусственного интеллекта правосубъектностью по данному критерию, т.к. определенная функциональность не является его обязательным признаком. Одна и та же программа может быть использована на разных носителях с разным функционалом. Соответственно, функциональность не является признаком искусственного интеллекта, это скорее признак того носителя, который содержит искусственный интеллект.

2. Не до конца понятно, как будет фиксироваться данная правосубъектность: на какой основе может быть составлен перечень электронных лиц, если одна и та же программа

способна быть или не быть субъектом в зависимости от функций носителя. Перечень носителей не может являться выходом из данной ситуации, т.к. невозможно его составить и он не имеет непосредственного отношения к искусственному интеллекту, к программе, реализующей когнитивные функции как таковой.

3. С точки зрения гражданского права наделение субъектностью необходимо для того, чтобы лицо несло имущественную ответственность по своим обязательствам. В настоящий момент такая возможность у гипотетического электронного лица отсутствует, т.к. непонятно, каким имуществом его наделить.

4. Ни одна из реализаций искусственного интеллекта в настоящий момент не обладает сознанием. Более того, все реализации искусственного интеллекта очень специализированы и могут решать только конкретные узко очерченные задачи. Вопрос осознания той же реализацией искусственного интеллекта еще и правовых последствий принятых решений не стоит. Полагаем, что выделение такого, не осознающего свои действия «субъекта», не имеет смысла.

Не может существенным образом повлиять на данную концепцию ни факт создания искусственным интеллектом результатов интеллектуальной деятельности, например, музыкальных произведений, ни факт причинения вреда без участия человека.

В первом случае показательным является пример с калейдоскопом.

Калейдоскоп – игрушка, генерирующая практически бесконечное количество узоров с помощью кусочков цветного стекла и системы зеркал. Его традиционная форма представляет собой трубочку с глазком, цветными стеклами и зеркалами внутри. Но такой же калейдоскоп может быть реализован и программно. Ни в первом, ни во втором случае авторских прав на созданную в калейдоскопе картинку у калейдоскопа

не возникает. Не возникает их и у хозяина калейдоскопа. При этом он вполне может зафиксировать полученное изображение, использовать его, в том числе реализуя за деньги. Примерно такой же механизм возможно применить и к результатам деятельности искусственного интеллекта – созданным с его помощью картинам, музыке, стихам.

Вопрос распределения ответственности при причинении вреда механизмами, управляемыми искусственным интеллектом без участия человека, также не является новой или неразрешимой правовой проблемой – автоматическое управление различными процессами существует достаточно давно. Также необходимо вспомнить, что за вред, причиненный домашним животным (объектом, а не субъектом права, при этом объектом, достаточно автономным от его владельца), несет ответственность его хозяин, причем без вины. То есть и в отношении аппаратов, управляемых искусственным интеллектом, в некоторых ситуациях вполне возможным является применение концепции источника повышенной опасности, как и в отношении иных, неконтролируемых в полной мере человеком, объектов.

Таким образом, очевидно, что искусственный интеллект – это объект. Вместе с тем природа данного объекта не является определенной.

Категоризация искусственного интеллекта в качестве объекта гражданских прав

Как ни странно, именно в этом вопросе не существует серьезной проблемы, ввиду ограниченности возможного выбора опций. Очевидно, что, исходя из перечня, содержащегося в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), их три: выделение искусственного интеллекта в отдельную, новую, категорию объектов; отнесение его к цифровым правам; признание его разновидностью программ для ЭВМ.

Логичным представляется выделение новой категории объектов в том случае, если возникает явление, которое невозможно отнести к уже существующим. Поэтому систематически правильно первоначально рассмотреть возможность отнесения искусственного интеллекта к цифровым правам или программам для ЭВМ.

При анализе возможности отождествления искусственного интеллекта с цифровыми правами, становится очевидным, что правовой статус последних является неопределенным, несмотря на принятые нормативные акты [11, с. 31–54], и это позволяет отнести к ним все, что не отнесено к другим группам объектов, существующим в виртуальной реальности.

Поэтому, с одной стороны, в целом серьезных препятствий для включения искусственного интеллекта в группу цифровых прав нет. С другой стороны, это не позволяет каким-либо образом определить природу данного явления. Более того, очевидно явное несоответствие понятия «имущественные права» (к которым и относятся права цифровые) и сущности искусственного интеллекта, который ни в коей мере не является ничьим правом, а представляет собой овеществленный в виде кода цифровой объект.

Именно природа данного явления позволяет увидеть его несомненное сходство с программой для ЭВМ, проанализировать возможность признания искусственного интеллекта одним из видов компьютерных программ.

В соответствии с ГК РФ, «программой для ЭВМ является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения». Процитированное определение программ для ЭВМ является фактически повторением аналогичной дефиниции Закона РФ

от 23.09.1992 № 3523-1 (ред. от 02.02.2006) «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных», которая содержалась в ст. 1 данного законодательного акта. Не пытаясь оценить его корректность и актуальность, необходимо вернуться к основному отличию искусственного интеллекта от традиционной программы, и понять, позволяют ли различия между данными объектами говорить о необходимости их сегрегации в рамках правовой системы. Таким отличием является то, что искусственный интеллект может самообучаться и действовать независимо от человека. Однако очевидно, что это автоматически не порождает нового качества, нового объекта. Более того, если проанализировать в совокупности признаки программы для ЭВМ, содержащиеся в ее нормативном определении, можно с очевидностью утверждать, что **искусственный интеллект и есть программа**. Действительно, он представляет собой не что иное, как выраженную «в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата» (ст. 1261 ГК РФ). И, хотя не каждая программа для ЭВМ использует вероятностные расчеты, как это зачастую происходит при функционировании искусственного интеллекта, их использование не противоречит природе данного результата интеллектуальной деятельности.

Исходя из этого, **искусственный интеллект можно определить как основанную на рациональных (как правило, вероятностно-статистических) принципах анализа информации, полностью или частично автономную в принятии решений совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата**. Сама неочевидность результата, получаемого вследствие работы искусственного интеллекта, не меняет

его правовой сущности, а требует только определенной модернизации правовых механизмов.

К таким новациям, как было указано, относится признание в некоторых ситуациях искусственного интеллекта источником повышенной опасности и, возможно, введение категории произведений науки, литературы и искусства, созданных искусственным интеллектом, которые не порождают личных неимущественных прав, т.к. у них, по сути, нет автора. Однако данные изменения не позволяют утверждать, что возник новый объект гражданских прав и появилось правовое явление нового порядка. **Искусственный интеллект вполне вписывается в уже существующие законодательные рамки, являясь, по сути, одним из видов компьютерных программ.**

Список источников

1. Тьюринг А. Вычислительные машины и разум. – М.: АСТ. 2018. 128 с.
2. Тест Тьюринга [Электронный ресурс]. URL:https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B5%D1%81%D1%82_%D0%A2%D1%8C%D1%8E%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B0 (дата обращения: 19.10.2022).
3. Хант Э. Искусственный интеллект. – М.: Мир. 1978. С. 12.
4. Джордж Ф. Люгер. Искусственный интеллект. Стратегии и методы решения сложных проблем; четвертое издание. – М.: Вильямс. С. 27.
5. Искусственный интеллект и машинное обучение в кибербезопасности – прогноз на будущее [Электронный ресурс]. URL:<https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/ai-cybersecurity> (дата обращения: 19.10.2022).
6. Морхат П.М. Право и искусственный интеллект. – М.: Юрсервитум. 2021. С. 49.
7. Рассел С., Норвиг П. Искусственный интеллект. Современный подход; второе издание. – М.: Вильямс. 2018. С. 35–40.
8. Что такое искусственный интеллект? Машинное обучение и глубокое обучение [Электронный ресурс] // URL:<https://aws.amazon.com/ru/machine-learning/what-is-ai/> (дата обращения: 19.10.2022).
9. Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 36–55.

10. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дис. ...докт. юрид. наук. Специальность 12.00.03. – М., 2018. 420 с.
11. Цифровые права как новый объект гражданского права. Событие. Комментарии экспертов // Закон. 2019. № 5. С. 31–54.

References

1. T'yuring A. Vychislitel'nyye mashiny i razum. – М.: AST. 2018. 128 s. (in Russ.).
2. Test T'yuringa [online]. URL:https://ru.wikipedia.org/wiki/Test_T'yuringa (19.10.2022) (in Russ.).
3. Khant E. Iskusstvennyy intellekt. – М.: Mir. 1978. S. 12 (in Russ.).
4. Dzhordzh F. Lyuger. Iskusstvennyy intellekt. Strategii i metody resheniya slozhnykh problem (Chetvertoye izdaniye). – М.: Vil'yams. S. 27 (in Russ.).
5. Iskusstvennyy intellekt i mashinnoye obucheniye v kiberbezopasnosti – prognoz na budushcheye [online]. URL:<https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/ai-cybersecurity> (19.10.2022) (in Russ.).
6. Morkhat P.M. Pravo i iskusstvennyy intellekt. – М.: Yurservitum. 2021. S. 49 (in Russ.).
7. Rassel S., Norvig P. Iskusstvennyy intellekt. Sovremennyy podkhod (vtoroye izdaniye). – М.: Vil'yams. 2018. S. 35–40 (in Russ.).
8. Chto takoye iskusstvennyy intellekt? Mashinnoye obucheniye i glubokoye obucheniye [online] // URL:<https://aws.amazon.com/ru/machine-learning/what-is-ai/> (19.10.2022) (in Russ.).
9. Yastrebov O.A. Pravosub'yektnost' elektronnoho litsa: teoretiko-metodologicheskiye podkhody. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 2018. T. 13. № 2. S. 36–55 (in Russ.).
10. Morkhat P.M. Pravosub'yektnost' iskusstvennogo intellekta v sfere prava intellektual'noy sobstvennosti: grazhdansko-pravovyye problemy: dis. ...dokt. yurid. nauk. Spetsial'nost' 12.00.03. – М., 2018. 420 s. (in Russ.).
11. Tsifrovyye prava kak novyy ob'yekt grazhdanskogo prava. Sobytiye. Kommentarii ekspertov. *Zakon*. 2019. № 5. S. 31–54 (in Russ.).

Статья поступила 07.11.2022, принята к публикации: 21.11.2022.

© Ермаков А.В., Зайцев В.С., Березина А.В., 2022.

ОХРАНА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Использование института интеллектуальной собственности для правовой охраны традиционных знаний, генетических ресурсов и выражений фольклора народов Евразии

Научная статья

УДК 347.77

Наталья Геннадьевна Пономарева,
Российская государственная академия
интеллектуальной собственности, Москва, Россия
заместитель заведующего кафедрой Патентного права
и правовой охраны средств индивидуализации,
кандидат юридических наук
genresnat@yandex.ru

***Аннотация.** Статья посвящена охране генетических ресурсов, традиционных знаний и выражений фольклора как результатов интеллектуальной деятельности человека. Такие объекты почти никогда не имеют четко определенных автора и даты, поскольку созданы обществом в неизвестный,*

уходящий в далекое прошлое, период. В статье рассмотрены вопросы преодоления правовой неопределенности таких объектов для целей их правовой охраны и защиты, проанализированы действующие международные и некоторые национальные нормы в этой сфере.

Ключевые слова: фольклор, генетические ресурсы, традиционные знания, интеллектуальная собственность.

Для цитирования: Пономарева Н.Г. Использование института интеллектуальной собственности для правовой охраны традиционных знаний, генетических ресурсов и выражений фольклора народов Евразии // Копирайт. 2022. № 4. С. 26–35.

The use of the Intellectual Property for the legal protection of traditional knowledge, genetic resources and expressions of folklore of peoples of Eurasia

Natalia G. Ponomareva,
Russian State Academy of Intellectual Property,
Moscow, Russia
Deputy Head of the Department of Patent Law
and Legal Protection of Means of Individualization,
PhD in Law
genresnat@yandex.ru

Abstract. *The article is devoted to the protection of genetic resources, traditional knowledge and folklore expressions as the results of human intellectual activity. However, such objects almost never have a clearly defined author and period of creation, since they were*

created by the folk community in an unknown period going back to the distant past. The article discusses the issues of overcoming the legal uncertainty of such objects for the purposes of their legal safeguard and protection. The current international and some national norms in this area are considered.

Key words: genetic resources, traditional knowledge, folklore, intellectual property.

For citation: Ponomareva N.G. The use of the Intellectual Property for the legal protection of traditional knowledge, genetic resources and expressions of folklore of peoples of Eurasia // Copyright. 2022. No. 4. P. 26–35.

Несмотря на то, что в цифровой век трендом интеллектуальной собственности является правовая охрана ИТ-технологий, космической техники и электроники, фармацевтики и высокомолекулярной химии, Всемирная организация интеллектуальной собственности (далее – ВОИС) считает важной охрану генетических ресурсов, традиционных знаний и выражений фольклора (далее – ГР, ТЗ и Ф) как полноправных результатов интеллектуальной деятельности, полноправных объектов системы интеллектуальной собственности (далее – ИС)¹.

ГР, ТЗ и Ф – важная часть человеческих знаний о природе, здоровье, питании, сохранении жизни на Земле. Они имеются у каждого народа, страны и региона. Такие знания лежат в основе многих современных экологических и медицинских методов. Традиционные выражения культуры (фольклор) используются при создании современной одежды и прочих изделий легкой промышленности, сувенирной продукции, в художественных фильмах, мультфильмах, музыкальных

¹ См., например: Предложение об активизации нормотворческой работы ВОИС по таким темам, как генетические ресурсы, связанные с традиционными знаниями, и договор о законах по образцам [Электронный ресурс] URL:https://www.wipo.int/edocs/mdocs/govbody/ru/wo_ga_55/wo_ga_55_11.pdf (дата обращения: 16.05.2022).

произведениях. Передаваемые из поколения в поколение, они могут способствовать улучшению качества жизни создавших их народов, жизнеспособности национальных культур. ГР, ТЗ и Ф образуют базу для создания новых и развития имеющихся, связанных с традиционной культурой, предприятий, промыслов.

Являясь результатами интеллектуальной деятельности человека – интеллектуальной собственностью, ГР, ТЗ и Ф зачастую не имеют четко определенного автора, поскольку созданы местными сообществами в неизвестный период прошлого. Из-за этой правовой неопределенности такие объекты невозможно встроить ни в современную систему авторского права или смежных прав, ни в систему промышленной собственности.

В то же время в мире имеют место случаи присвоения авторства произведений народного творчества (фольклора), неправомерного получения патентов на изобретения, основанные на ГР, ТЗ и Ф. При этом выгода от коммерциализации данных изобретений не распределяется между носителями ГР, ТЗ и Ф – ее получают третьи лица.

Приведем широко известный пример, когда патент на медицинское изобретение с использованием эндемичного растения – куркумы, полученный в Соединенных Штатах Америки (далее – США), был оспорен на основании древних традиционных медицинских записей. Патентное ведомство США (USPTO) в 1995 г. выдало патент на способ стимуляции заживления ран с помощью куркумы Медицинскому центру Университета Миссисипи, действие которого оспорил впоследствии индийский Совет по научным и промышленным исследованиям (CSIR; далее – Совет) [1]. Данный Совет требовал отмены действия патента по причине несоответствия изобретения критериям патентоспособности, установленным законодательством в стране выдачи. Поскольку куркума широко применяется в традиционной аюрведической

медицине как ранозаживляющее и дезинфицирующее средство, изобретение, в основу которого легли именно эти свойства растения, не являлось новым.

В итоге патент был признан недействительным на основании древнего санскритского текста, ставшего известным из уровня техники ранее даты приоритета изобретения. Так, Индией был создан первый прецедент недопущения получения прав третьими лицами на традиционные знания.

Одной из проблем использования сведений о национальных традиционных знаниях для целей предотвращения их патентования третьими лицами является то, что они сами не подлежат охране, т.к. часто раскрыты в источниках информации – старых или даже древних.

Но, согласно Договору о патентной кооперации (Patent Cooperation Treaty; далее – РСТ), для выдачи патента эксперты всех патентных ведомств мира обязаны учесть уровень техники с глубиной примерно 100 лет, в том числе патентные источники, опубликованные после 1920 г. Это ограничение во времени приводит к тому, что в большинстве случаев патентные ведомства не учитывают источники информации, известные ранее 1920 г. [2].

Минимум обязательных для использования при патентном (в частности, международном) поиске документов указан в Правиле 34.1 Инструкции к РСТ². В него включены опубликованные заявки, авторские свидетельства, свидетельства о полезности, патенты с 1920 г. таких стран, как СССР, США, Германия, ГДР и ФРГ, Франция, Швейцария, Япония, Китай, Корея, Российская Федерация, Австрия, Австралия, Канада, а также непатентная научная литература.

Очевидно, что в этот минимум документации РСТ необходимо включить сведения о ГР, ТЗ и Ф для учета их

² Инструкция к Договору о патентной кооперации. [Электронный ресурс] URL:https://www.wipo.int/export/sites/www/pct/ru/texts/pdf/pct_regs.pdf (дата обращения 23.11.22).

в мировом уровне техники при выдаче патента на изобретение или полезную модель, оценке новизны промышленного образца.

Так же считают Н.Б. Лысков и А.А. Полякова, которые на примере Индии анализируют необходимость правовой охраны традиционных знаний, разбираются в языковых барьерах и сложностях при проведении информационного поиска по данному объекту интеллектуальной собственности [3].

Вопрос создания международного акта, распространяющего систему интеллектуальной собственности на генетические ресурсы, традиционные знания и традиционные выражения фольклора, решается с 2010 г. в рамках деятельности Межправительственного комитета по интеллектуальной собственности, генетическим ресурсам, традиционным знаниям и фольклору ВОИС (далее – МКГР). Страны – члены ВОИС определили высокую важность генетических ресурсов (растений, микроорганизмов и животных) для развития биологии, микробиологии, медицины и фармакологии. Также признано, что народные, традиционные знания, связанные с этими ресурсами, обладают научной ценностью и влиянием на жизненное и экономическое процветание культуры коренных народностей и местных общин в мире.

Запланированный к разработке международно-правовой акт в рамках МКГР ВОИС должен будет решить вопросы справедливого доступа к ресурсам и народным системам знаний как к объектам сферы интеллектуальной собственности. В данном документе будут предложены возможные варианты совместного использования преимуществ и выгод, которые они могут обеспечить.

Так, многими государствами признана проблема, заключающаяся в том, что в патентной заявке на изобретения с использованием генетических ресурсов или народных знаний, необходимо достаточно подробно публично раскрывать

информацию о них, что может противоречить интересам народов и коренных сообществ.

В разрабатываемом правовом акте предполагается создание особой нормы о раскрытии патентуемого изобретения.

Другой нормой данного международного акта, как планируется, должно стать обязательное (возможно в рамках пополнения минимума документации РСТ) использование баз данных с информацией о ГР и ТЗ, доступных экспертам патентных ведомств для предотвращения предоставления охраны изобретениям, основанным на народных традиционных знаниях.

Ожидается, что новый международно-правовой акт гармонизирует разнообразные национальные системы в интересах развития коренных и местных народов и общин, создаст правовую определенность для бизнеса, повысит качественный уровень патентной системы.

В работу по защите традиционных знаний также включилось ЮНЕСКО, выпустившее Рекомендации о сохранении фольклора³. Документ включает нормы о сборе, каталогизации, письменной фиксации, хранении в архивах или музеях, обеспечении сохранности традиционных знаний через образовательные программы.

В ст. 8 Конвенции о биологическом разнообразии ООН⁴ (далее – Конвенция) говорится о том, что страны-участницы в своих национальных законодательствах также должны обеспечить сохранение всех знаний, на которых основан традиционный образ жизни коренных и местных общин. В 2010 г. в дополняющем эту Конвенцию Нагойском протоколе о доступе к генетическим ресурсам и справедливом и равноправном разделении выгоды, являющейся результатом их использования, еще детальнее указано, что та выгода,

³ См.: URL:<https://docs.cntd.ru/document/902084650>, URL:https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000123437_rus.

⁴ См.: URL:https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml.

которая может быть извлечена из использования генетических ресурсов, должна быть справедливо и равноправно разделена между членами сообщества. Использованием назван и доступ к генетическим ресурсам, и получение технологий.

Что касается национальных законодательств стран евразийского региона, то в XXI в. они меняются с учетом значимости охраны ГР, ТЗ и Ф.

Правда, в настоящее время национальными законодательствами стран евразийского региона правовая охрана предоставляется в большей степени фольклору [4] и в меньшей степени – традиционным знаниям и генетическим ресурсам. При этом возможности и инструментарий института ИС учитывается недостаточно. Например, в Туркменистане создают цифровой банк данных нематериального культурного наследия. «Культурные ценности», согласно ст. 1 Закона Туркменистана от 12.07.2010 № 92-IV «О культуре», включают национальные и этнические традиции и обычаи, *предметы и технологии*, а в Законе Туркменистана от 19.10.2012 № 341-IV «Об охране объектов национального историко-культурного наследия» указано на недопустимость передачи права на национальное культурное достояние страны иным государствам.

В Законе Кыргызской Республики от 31.07.2007 № 116 «Об охране традиционных знаний» указано, что «правовые отношения в области использования генетических ресурсов и порядок доступа к генетическим ресурсам Кыргызской Республики регулируются в соответствии с законодательством».

Вопросы правовой охраны традиционных знаний активно обсуждаются в Азербайджане. В этой связи научный интерес представляет выпущенное в 2016 г. исследование Председателя Агентства по авторскому праву Азербайджанской Республики Камрана Иманова «Охрана знаний и культурных традиций в устойчивом развитии» [5].

В свою очередь, профессор Гродненского государственного университета имени Янки Купалы (Республика Беларусь) И.Э. Мартыненко, отмечая важность охраны нематериального культурного наследия государств – участников СНГ, предложил ввести новую учебную дисциплину [6]. Представляется, что такое предложение следует расширить введением предметов для изучения национальных традиций не только в сфере исторических и культурных ценностей, но и в сфере генетических ресурсов, традиционных знаний и выражений фольклора как объектов ИС.

Вероятно, одной из мер, которые можно предложить в этом направлении, явилось бы создание общей системы правовой охраны ГР, ТЗ и Ф институтом ИС для стран евразийского региона. При этом для создания такой системы необходимо решить множество задач, в том числе определить место ГР, ТЗ и Ф в общей евразийской стратегии по ИС, создать реестры генетических ресурсов, традиционных знаний и выражений фольклора для их охраны и сохранения.

Список источников

1. Jayaraman K.S. US patent office withdraws patent on Indian herb. Nature. 1997. 6. Vol. 389. [Электронный ресурс] URL:<https://www.nature.com/articles/37838#citeas> (дата обращения: 23.11.22). <https://doi.org/10.1038/37838>.
2. Пономарева Н.Г. Особенности правовой охраны традиционных знаний и генетических ресурсов: дис. канд. юрид. наук по специальности 12.00.03. – М., 2004. 133 с.
3. Лысков Н.Б., Полякова А.А. Охрана традиционных знаний в Индии ИС // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2019. № 10. С. 74–79.
4. Мартыненко И.Э. Правовая охрана нематериального культурного наследия государств – участников СНГ на международном и национальном уровнях // Вестник Воронежского государственного университета. Международное и европейское право. 2017. № 2 (29). С. 282–292.

5. Иманов Камран. Охрана знаний и культурных традиций в устойчивом развитии. – Баку. 2016. 16 с. [Электронный ресурс] URL:http://anl.az/el_ru/kniqi/2016/1-768142.pdf (дата обращения: 10.10.2022).
6. Мартыненко И.Э. Правовая охрана историко-культурного наследия в образовательных организациях: Публикация на портале Исполкома СНГ. Официальный сайт [Электронный ресурс] URL:<https://goo.su/WneOe> (дата обращения: 10.09.2022).

References

1. Jayaraman K.S. US patent office withdraws patent on Indian herb. *Nature*. Vol. 389, 6 (1997). <https://doi.org/10.1038/37838>.
2. Ponomareva N.G. Osobennosti pravovoy okhrany traditsionnykh znaniy i geneticheskikh resursov: dis. kand. yurid. nauk po spetsial'nosti 12.00.03. – Moscow. 2004. 133 s. (in Russ.).
3. Lyskov N.B., Polyakova A.A. Okhrana traditsionnykh znaniy v Indii IS. *Patenty i litsenzii. Intellektual'nyye prava*. 2019. № 10. S. 74–79 (in Russ.).
4. Martynenko I.E. Pravovaya okhrana nematerial'nogo kul'turnogo naslediya gosudarstv – uchastnikov SNG na mezhdunarodnom i natsional'nom urovnyakh. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Mezhdunarodnoye i evropeyskoye pravo*. 2017. № 2 (29). S. 282–292 (in Russ.).
5. Imanov Kamran. Okhrana znaniy i kul'turnykh traditsiy v ustoychivom razvitii. Baku. 2016. 16 s. [online] URL:http://anl.az/el_ru/kniqi/2016/1-768142.pdf (10.10.2022) (in Russ.).
6. Martynenko I.E. Pravovaya okhrana istoriko-kul'turnogo naslediya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh: Publikatsiya na portale Ispolkoma SNG. Ofitsial'nyy sayt [online] URL:<https://goo.su/WneOe> (10.09.2022) (in Russ.).

Статья поступила 25.11.2022, принята к публикации: 06.12.2022.

© Пономарева Н.Г., 2022

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Доказывание заинтересованности в досрочном прекращении охраны товарного знака наличием спора между сторонами иска

Научная статья

УДК 347.772

Сергей Анатольевич Зуйков,
«Зуйков и партнеры», Москва, Россия
управляющий партнер,
евразийский патентный поверенный
sergey@zuykov.com

Аннотация. *В делах о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака нередко в качестве дополнительного аргумента о заинтересованности заявителя приводится наличие того или иного спора между таким лицом и правообладателем товарного знака. В статье рассматривается, какие категории и виды споров могут подтвердить заинтересованность.*

Ключевые слова: товарный знак, досрочное прекращение охраны товарного знака, судебная практика.

Для цитирования: Зуйков С.А. Доказывание заинтересованности в досрочном прекращении охраны товарного знака наличием спора между сторонами иска // Копирайт. 2022. № 4. С. 36–43.

Evidence of interest in the early termination of trademark protection by the existence of a dispute between the parties to the claim

Sergey A. Zuykov,

Zuykov and partners, Moscow, Russia

Managing Partner, Eurasian Patent Attorney

sergey@zuykov.com

Abstract. *In cases of early termination of the legal protection of a trademark, the existence of a particular dispute between such a person and the trademark owner is often cited as an additional argument about the applicant's interest. The article discusses which categories and types of disputes can confirm such an interest.*

Key words: trademark, early determination of the legal protection of a trademark, court practice.

For citation: Zuykov S.A. Evidence of interest in the early termination of trademark protection by the existence of a dispute between the parties to the claim // Copyright. 2022. No. 4. P. 36–43.

Заинтересованность в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака (далее – заинтересованность) в соответствии со ст. 1486 Гражданского кодекса РФ от 18.12.2006 № 230-ФЗ (далее – ГК РФ) – категория во многом оценочная, поскольку данное понятие не имеет легального определения и ориентироваться можно преимущественно на разъяснения Верховного Суда РФ¹ и практику нижестоящих судов.

¹ Пункт 165 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой ГК РФ».

Достаточно очевидно, что доказанное намерение использовать обозначение в отношении однородных товаров подтверждает заинтересованность (например, если истец – производитель однородных товаров, подавший заявку на регистрацию тождественного или сходного до степени смешения обозначения).

Однако не всегда заинтересованность доказывается только таким однозначным образом – суд может принимать во внимание и иные аспекты. В обзорах судебной практики можно встретить примеры различных сочетаний факторов заинтересованности [1], в том числе случаи, когда сочетаются основной признак (например, производство однородных товаров) и дополнительный – например, подача иска правообладателем спорного знака в отношении такого производителя, т.е. наличие у производителя негативных последствий в виде судебных разбирательств.

В недавнем деле № СИП-983/2021² о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака «Асприкс/Asprix» заявитель в обоснование своей заинтересованности указывал на рассмотрение Роспатентом возражения правообладателя спорного товарного знака против предоставления правовой охраны товарному знаку, принадлежащему самому заявителю, по мотиву его сходства со спорным товарным знаком и вероятности их смешения в гражданском обороте.

В свою очередь, правообладатель обращал внимание на то, что наличие рассматриваемого Роспатентом административного дела, участниками которого являются стороны, не может подтвердить заинтересованность, поскольку упомянутый спор не относится к спорам о защите исключительных прав.

Следует отметить, что изначально именно фактор наличия спора о защите исключительных прав был упомянут

² Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 01.06.2022 № С01-491/2022 по делу № СИП-983/2021.

в качестве одного из доказательств заинтересованности в п. 5 Справки по результатам обобщения судебной практики по рассмотрению споров о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака в связи с его неиспользованием, утвержденной постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 24.07.2015 № СП-23/20³.

В то же время в рассматриваемом деле суд пришел к выводу о том, что заинтересованность в досрочном прекращении правовой охраны спорного товарного знака доказана, в том числе, вследствие наличия административного спора.

Суд указал, что в делах о досрочном прекращении правовой охраны знака наличие между истцом и ответчиком другого спора – о защите исключительного права на спорный товарный знак либо иного, в котором основанием иска является наличие у ответчика этого товарного знака, может стать одним из доказательств заинтересованности лица – поскольку заинтересованность в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака может быть обусловлена необходимостью защиты от предъявления требований со стороны правообладателя, не использующего товарный знак.

Суд также отметил, что при подаче возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку с противопоставлением другого знака одним из допустимых способов защиты правообладателя спорного знака является требование о досрочном прекращении правовой охраны противопоставленного товарного знака (который в случае установления факта неиспользования не смешивается со спорным товарным знаком). Податель возражения не может не осознавать, что его оппонент в административном споре будет использовать

³ Данное положение нередко используется судами, хотя сама справка в этой части цитируется не так часто. См. Обзоры судебной практики, представленные в Классификаторе постановлений президиума Суда по интеллектуальным правам [2; 3].

все допустимые способы защиты от заявленного в административном порядке требования.

Так, в деле № СИП-121/2017 ⁴ общество подало иск о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака

, в подтверждение своей заинтересованности ссылаясь на то, что правообладатель спорного знака подал возражение против предоставления правовой

охраны знакам самого общества

и на основании п. 6 ст. 1483

ГК РФ. Это обстоятельство было расценено судом в качестве подтверждения заинтересованности общества в иске.

Особый интерес представляют дела, в которых заинтересованность подтвердилась спором не между сторонами иска. В деле № СИП-316/2020 ⁵ доказательством заинтересованности оказался спор ответчика с лицом, аффилированным с истцом. Истец являлся единственным участником общества, к которому правообладатель спорного товарного знака «Medonic», предъявил требования о защите исключительного права, в связи с чем суд посчитал, что заинтересованность компании в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака дополнительно была обусловлена необходимостью защиты от предъявления требований со стороны правообладателя, его не использующего.

⁴ Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 02.11.2017 № С01-806/2017 по делу № СИП-121/2017.

⁵ Решение Суда по интеллектуальным правам от 16.10.2020 по делу № СИП-316/2020 (отменено в связи с утверждением кассационной инстанцией мирового соглашения Постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 17.02.2021 № С01-1497/2020 по делу № СИП-316/2020).

В деле № СИП-426/2019⁶ между истцом и ответчиком имелся не только спор о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на спорный товарный знак

AURORA HALL ,

но и попытка истца оспорить отказ антимонопольного органа в возбуждении дела о том, что ответчик приобрел исключительное право на спорный товарный знак недобросовестно и недобросовестно его использует.

Также между истцом и ответчиком существовал конфликт по вопросу предоставления правовой охраны спорному товарному знаку – истец подал соответствующее возражение в Роспатент.

Суд указал, что наличие между истцом и ответчиком спора о защите исключительных прав в отношении оспариваемого товарного знака, спора о признании действий по использованию товарного знака актом недобросовестной конкуренции, а также административного спора подтверждает заинтересованность истца в досрочном прекращении правовой охраны спорного знака.

Аналогично в деле № СИП-428/2015⁷ суд отметил, что наличие спора между сторонами в связи с неправомерным использованием истцом товарного знака ответчика

, а также спора о признании действий по использованию

товарного знака актом недобросовестной конкуренции, не только не означает, что интерес истца является незаконным

⁶ Решение Суда по интеллектуальным правам от 18.01.2022 по делу № СИП-426/2019 (оставлено в силе Постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 25.04.2022 № С01-1067/2020 по делу № СИП-426/2019).

⁷ Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 17.03.2016 № С01-35/2016 по делу № СИП-428/2015.

и не подлежит защите, а напротив, может свидетельствовать о наличии заинтересованности истца в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака.

Таким образом, не только «традиционные» споры о защите исключительного права на товарный знак, упомянутые в справке Суда по интеллектуальным правам, подтверждают заинтересованность в досрочном прекращении товарного знака наряду с иными доказательствами, но также могут быть приняты во внимание и споры, связанные с оспариванием предоставления правовой охраны товарному знаку или признанием недобросовестной конкуренцией приобретения исключительного права на товарный знак и использования такого знака. В некоторых случаях можно наблюдать сочетание всех упомянутых категорий споров – что характерно для ситуаций, в которых идет масштабная борьба за средство индивидуализации.

Список источников

1. Гладкая Е.И., Подъяпольский В.В. Аналитический обзор практики по спорам в сфере интеллектуальной собственности. Признание лица заинтересованным в досрочном прекращении правовой охраны товарного знака // СПС «КонсультантПлюс». 2014. [Электронный ресурс] URL:<http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.04.2021).
2. Заякина А.В., Осадчая О.А., Ульянова Е.В., Чеснокова Е.Н. Обзоры судебной практики за 1 квартал 2016 г., представленные в Классификаторе постановлений Президиума Суда по интеллектуальным правам // СПС «КонсультантПлюс». 2016. [Электронный ресурс] URL:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/> (дата обращения: 01.05.2021).
3. Кольздорф М.А., Осадчая О.А., Ульянова Е.В., Чеснокова Е.Н. Обзоры судебной практики за 4 квартал 2017 г., представленные в Классификаторе постановлений президиума Суда по интеллектуальным правам // СПС «КонсультантПлюс». 2018.

[Электронный ресурс] URL:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/>
(дата обращения: 01.04.2021).

References

1. Gladkaya E.I., Podyapolskiy V.V. Analiticheskiy obzor praktiki po sporam v sfere intellektual'noy sobstvennosti. Priznaniye litsa zainteresovannym v dosrochnom prekrashchenii pravovoy okhrany tovarnogo znaka // SPS «KonsultantPlyus». 2014. [online] URL:<http://www.consultant.ru/> (01.04.2021) (in Russ.).
2. Zayakina A.V., Osadchaya O.A., Ul'yanova E.V., Chesnokova E.N. Obzory sudebnoy praktiki za 1 kvartal 2016 g., predstavlenyye v Klassifikatore postanovleniy Prezidiuma Suda po intellektual'nym pravam // SPS «Konsul'tantPlyus». 2016. [online] URL:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/> (01.05.2021) (in Russ.).
3. Kolzdorf M.A., Osadchaya O.A., Ulyanova E.V., Chesnokova E.N. Obzory sudebnoy praktiki za 4 kvartal 2017 g., predstavlenyye v Klassifikatore postanovleniy prezidiuma Suda po intellektual'nym pravam // SPS «Konsul'tantPlyus». 2018. [online] URL:<http://www.consultant.ru/cons/cgi/> (01.04.2021) (in Russ.).

Статья поступила 21.10.2022, принята к публикации: 31.10.2022.

© Зуйков С.А., 2022

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Определение места категории «трансфер технологий» в ряду инновационных дефиниций

Научная статья
УДК 338.49

Ольга Алексеевна Пятаева,
Российская государственная академия
интеллектуальной собственности, Москва, Россия
кандидат экономических наук,
заведующая кафедрой Цифровой экономики
и предпринимательства
o.pyataeva@rgiis.ru
ORCID 0000-0001-6373-1642

Аннотация. В статье представлены результаты терминологического анализа различных категорий, характеризующих инновационное развитие. Авторский подход предполагает, что рассматриваемые категории могут находиться в различных слоях «инновационного ядра», а в его сердцевине происходит «разработка, обеспечение правовой охраной, воплощение на материальном носителе и вывод на рынок» инновационных решений. При этом

обоснована трактовка любой «инновации» как «инновационной технологии».

Говоря об этапах процесса разработки таких технологий, автор выделяет варианты траекторий выведения их на рынок, а также ключевые точки соответствующих «потерь». Место «трансфера технологий» как совокупности инструментов и механизмов обеспечения рассматриваемых траекторий, таким образом, обозначено в ряду инновационных дефиниций.

Сделаны выводы о возможностях практического использования полученных методических наработок.

Ключевые слова: инновационное развитие, инновационная активность, инновационная деятельность, инновационный потенциал, инновация, трансфер инновационных технологий, «инновационное ядро».

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР № 2-ГЗ-2020 «Трансфер технологий в инновационной экономике (отраслевой подход)».

Для цитирования: Пятаева О.А. Определение места категории «трансфер технологий» в ряду инновационных дефиниций // Копирайт. 2022. № 4. С. 44–57.

Determining the place of the category «technology transfer» among the innovative definitions

Olga A. Pyataeva,
Russian State Academy of Intellectual Property,
Moscow, Russia
PhD in Economics, Head of Digital Economy
and Entrepreneurship Chair,
o.pyataeva@rgiis.ru
ORCID 0000-0001-6373-1642

Abstract. *The article presents the results of terminological analysis of various categories that characterize innovative development. The author's approach assumes that the categories under consideration can be represented in different layers of the innovation core and in its core occurs development, provision of legal protection, implementation on a material carrier and market innovative solutions. At the same time, the interpretation of any innovation as innovative technology was substantiated.*

Further, speaking about the stages of the process of development of such technologies, the author highlighted the options of trajectories of their introduction to the market, as well as the key points of relevant «losses». The place of «technology transfer» as a set of tools and mechanisms to ensure such trajectories was thus identified in a number of innovative definitions.

In conclusion, conclusions were made about the possibilities of practical use of the obtained methodical works.

Key words: innovation development, innovation, innovation potential, technology transfer, innovation core.

Funding: The work was carried out within the framework of research work No. 2-GZ-2020 «Technology transfer in the innovation economy (industry approach)».

For citation: Pyataeva O.A. Determining the place of the category «technology transfer» among the innovative definitions // Copyright. 2022. No. 4. P. 44–57.

Необходимость формирования комплексного подхода к решению вопросов *инновационного развития* в настоящее время не может быть подвергнута сомнению. Сказанное справедливо в отношении как российской экономики в целом, так и отдельных ее отраслей; при этом актуальность рассматриваемого вопроса была обозначена в последние несколько лет различными мероприятиями законодательно-нормативного плана. Следует отметить, например, тот факт,

что в паспорт нового Федерального проекта «Наука и университеты» 2021–2024 гг. был включен финансируемый пункт о создании и деятельности центров трансфера технологий. Кроме того, в действие был введен Федеральный закон от 31.07.2020 № 309-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике», фиксирующий совершенствование нормативно-правового поля инновационной деятельности. Особенного внимания заслуживают и мероприятия по формированию национальной инновационной системы в связи с реформой институтов развития под экосистему ВЭБ.РФ, а также другие инициативы. Все они позволяют сделать вывод, что вопрос обеспечения высоких темпов инновационного развития уже приобрел беспрецедентную остроту и значимость на всех уровнях: макро-, мезо-, микро-.

Что касается конкретных групп показателей, позволяющих оценить достижение заявленных темпов, то в их перечень входят, прежде всего, «инновационная активность», «инновационный потенциал», «эффективность инновационной деятельности», т.е. различные срезы анализа процессов разработки, внедрения, использования инноваций. При этом единую смысловую коннотацию имеет из группы представленных лишь термин «инновация» благодаря трудам Й. Шумпетера (1912 г.). Определив «реализацию инноваций» в качестве «единственной фундаментальной функции в истории», исследователь зафиксировал ключевую роль последней в обеспечении всего цикла инновационного развития [1]. Не менее важным аспектом рассматриваемой теории стало выделение этапов инновационного цикла, – от разработки концепции инновационного продукта (начальный этап) до серийного его производства (завершающий этап). Актуальность такого подхода (в т.ч. к инновационному развитию – как к «циклическому процессу») подчеркивалась в последующие годы Н. Кондратьевым (1922 г.), С. Кузнецом (1920-е гг.), Г. Меншем (1970-е гг.),

С. Глазьевым (1990-е гг.), В. Прайдом (2000-е гг.) и другими исследователями [2].

Представляется, что в качестве важнейшего механизма обеспечения инновационного развития следует рассматривать «инновационную активность». Показатель «инновационной активности», по определению автора статьи, является *определенной степенью реагирования системы на внешние и внутренние вызовы инновационного развития*. С его помощью можно зафиксировать конкретные «точки рождения» инновационных возможностей для экономических агентов, а затем «оцифровать» их – оценить в количественном выражении. Очевидно также и то, что категория «инновационное развитие» характеризует процесс, в то время как «инновационная активность» – результат конкретных действий, реализуемых экономическими агентами.

Важно отметить: реализующие инновационную активность экономические агенты должны обладать «способностью» создавать инновации. Набор свойств экономических агентов определен автором статьи как *инновационный потенциал, или потенциальная готовность и способность к генерированию инновационных идей, реализации инновационного процесса на всех стадиях и во всех подсистемах его обеспечения*. Очевидным, таким образом, является следующий факт: уровень инновационного потенциала становится ключевым фактором повышения инновационной активности (а последняя, как было показано ранее, – основной характеристикой инновационного развития).

Создание собственно инновационных решений, очевидно, происходит в контексте *инновационной деятельности*. Согласно определению, представленному в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике», под инновационной понимается «деятельность (включая научную, технологическую, организационную и коммерческую), направленная на реализацию инновационных

проектов, а также на создание инновационной инфраструктуры и обеспечение ее функционирования»¹.

Справедливым представляется также доктринальный подход [3]: *инновационной* является деятельность, направленная на «освоение инновации и выход с ней на рынок». Она включает научно-техническую, организационную, финансовую и коммерческую составляющие, представляет собой необходимую «среду» для разработки и реализации инновационных решений и реализуется в контексте «инновационного цикла» («жизненного цикла инноваций»). Изначально в его составе выделялись пять (в некоторых источниках – четыре [4]) этапа «разработки» инновации: создание, освоение, рост, замедление роста, спад [5]. Очевидно, речь здесь идет, прежде всего, о «маркетинговом» подходе, характеризующем процесс продвижения инновационного товара / услуги на рынке. Обращение же к *теории интеллектуальных прав* позволяет сделать соответствующее уточнение [6, 7]: «интеллектуальные продукты, попавшие в производство, реализованные в этой сфере и приведшие к ее значительным изменениям могут быть охарактеризованы как инновации» [8]. Кроме того, «инновации», несомненно, представляют собой «новые способы, средства, методы производства, оказания услуг и пр.», а значит, в широком смысле являются *технологиями*.

Возможность использования этого термина косвенно подтверждается положениями п. 1 ст. 769 Гражданского кодекса РФ: «в том случае, если результатом выполнения опытно-конструкторских работ является образец нового изделия либо конструкторская документация на него, результатом выполнения технологических работ является новая технология». Смежный термин, *инновационная технология*, трактуется,

¹ Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 25.05.2020) «О науке и государственной научно-технической политике» // Российская газета, № 167, 03.09.1996.

например, как «набор методов и средств, поддерживающих этапы реализации нововведения» [9].

На основании представленных положений автор предлагает здесь и далее в статье трактовать инновационный процесс как «инновационно-технологический», а результатом его считать разработку «инновационной технологии».

На рисунке 1 представлен цикл создания и вывода на рынок инновационной технологии, позволяющий взглянуть на рассматриваемый процесс с позиций как «маркетинговой» теории, так и теории интеллектуальных прав [5].

Рис. 1. Жизненный цикл создания и вывода на рынок инновационной технологии²

На первом этапе инновационного цикла создается *результат интеллектуальной деятельности* (нематериальный объект). На «кривой жизненного цикла инновации» эта стадия соответствует этапам фундаментальных и прикладных исследований [10]. В завершение рассматриваемого этапа организацией

² Источник: Герман Е.А. Теоретическая инноватика: учеб. пособие / Е.А. Герман. – СПб., 2018; дополнено автором.

может быть принято решение о целесообразности либо нецелесообразности обеспечения решения правовой охраной.

На втором этапе инновационного цикла происходит обеспечение созданного решения правовой охраной.

При этом возможны ситуации, когда по поданной заявке на выдачу патента либо свидетельства принимается отрицательное решение [11] (это происходит, согласно представленным в аналитических отчетах Роспатента данным, в 17,5% случаев)³.

На третьем этапе нематериальный объект воплощается в материальном носителе.

М.А. Рожкова выделяет в контексте такого воплощения: а) «обнародование», б) «воспроизведение» и в) «интегрирование», а также правовую природу «первичного» и «вторичного» воплощения [12].

На практике третий и второй этапы часто реализуются параллельно, что весьма оправданно: для получения патента, например, требуется создать заявку, содержащую описание технологии и пр., т.е. «обнародовать» ее суть.

Далее в отношении созданной, запатентованной, воплощенной в материальном носителе инновационной технологии принимается решение о траектории ее вывода на рынок. При этом права на ее внедрение могут быть использованы в организации-разработчике либо переданы для реализации на сторону. Оба варианта фактически представляют собой *трансфер технологий*. Озвученные в предыдущих публикациях автора выводы о многообразии таких траекторий и возможности применения к каждой из них категории «трансфер» [13, 14], позволяют не останавливаться на более подробном рассмотрении этого вопроса.

На четвертом этапе происходит выход созданной и обеспеченной правовой охраной инновационной технологии на товарный рынок.

³ Усредненные данные за 2017–2021 гг. (полезные модели, промышленные образцы, изобретения, товарные знаки).

Здесь следует сделать важное уточнение, касающееся траектории инновационного пути последней. Она может быть:

- внедрена в производство: в организации-разработчике либо в другой организации, получившей права на его внедрение;
- не выведена на товарный рынок (в российской практике доля «нереализованных» решений составляет не менее 97% [6], в зарубежной – порядка 30–40% [15]).

Описанные выше этапы процесса разработки и внедрения инновационной технологии представлены на рисунке 2.

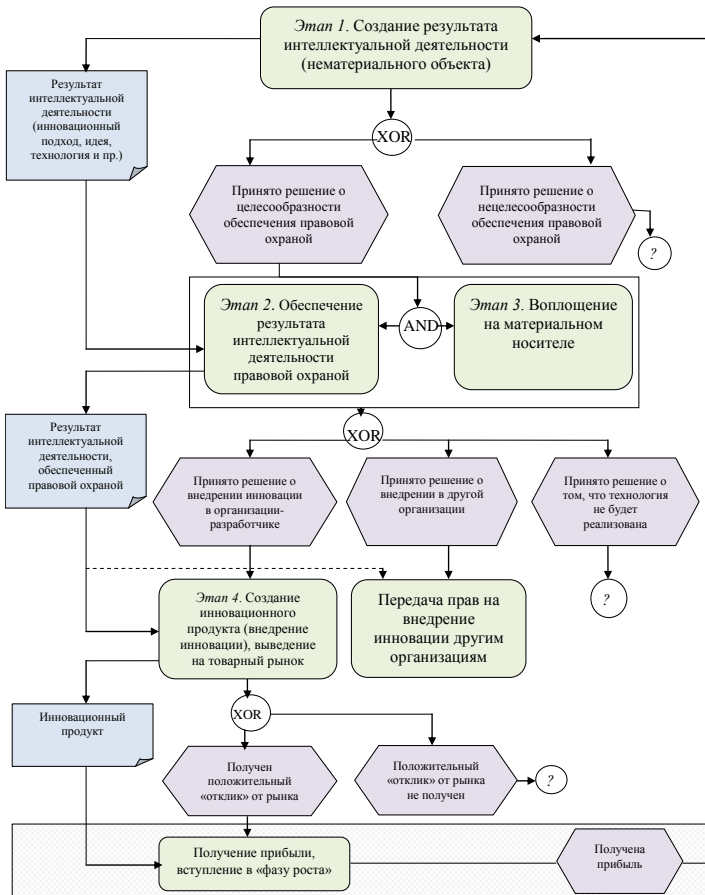

Рис. 2. Процесс разработки и внедрения инновационной технологии⁴

⁴ Источник: разработано автором.

Обобщая представленные выше позиции, следует обозначить ключевую взаимосвязь категорий, характеризующих процесс разработки и внедрения инновационной технологии:

- *инновационное развитие* является, с одной стороны, – ключевой целью, а с другой, – системным фоном реализации инновационного процесса;
- *инновационная активность* представляет собой основную характеристику инновационного развития;
- инновационный процесс реализуется в контексте *инновационной деятельности*;
- последняя, в свою очередь, выступает «платформой» для реализации *инновационного потенциала* экономических агентов.

Объектами же инновационной деятельности выступают отдельные *инновации*, которые оказываются воплощенными либо не воплощенными в конкретные продукты или услуги. При этом, как уже было показано выше, различные инструменты и механизмы взаимодействия экономических агентов в процессе разработки и внедрения инноваций обеспечивают более результативный их трансфер, в результате чего все большая доля разработанных инновационных технологий (и все более оперативно) переводится в практическую плоскость.

Выявленные соотношения позволяют определить место категории «трансфер технологий» в ряду инновационных дефиниций (рис. 3).

Рис. 3. Место «инновационных» категорий в структуре «инновационного ядра»⁵

⁵ Источник: разработано автором.

Предложенные автором определения позволяют сделать вывод о наличии различных «слоев» инновационного процесса, а сам этот процесс представить в виде «инновационного ядра»:

- периферическая категория «оболочки» ядра, *инновационное развитие*, может здесь рассматриваться в широком смысле, как результат для экономики в целом;
- *инновационная активность* чаще представляется в узком смысле, как результат конкретных действий, реализуемых экономическими агентами;
- сами эти агенты, очевидно, являются ключевыми точками роста инноваций и реализуют собственный *инновационный потенциал*;
- по-настоящему важными в контексте создания инноваций являются процессы, происходящие в «сердцевине» ядра (в частности, *трансфер технологий*).

Полученные выводы представляются важными в контексте будущих исследований. Интересными, например, могут быть результаты «структурного» анализа уровня и качества инструментов и механизмов трансфера технологий (т.е. процессов, происходящих в «сердцевине» ядра). Однако «динамический» анализ взаимосвязи индикаторов трансфера технологий и показателей инновационной активности (экономических агентов) и инновационного развития может представить весьма наглядную картину причин неэффективности инновационной деятельности (например, в отечественной экономике).

Список источников

1. Hittmar S. (2013) Schumpeter's View on Innovation and Entrepreneurship. Management Trends in Theory and Practice, (ed.), Faculty of Management Science and Informatics, University of Zilina & Institute of Management by University of Zilina. P. 245–268.

2. Сайбель Н., Косарев А. Эволюция теории инноваций // Финансы и кредит. 2017. Т. 23, вып. 4. С. 838–850.
3. Казьмин А.А. Инновационная активность фирм и интенсивность конкуренции: учет фактора технологического уровня секторов экономики: автореферат дис. ...кандидата экономических наук: 08.00.05 / Казьмин Алексей Анатольевич. – Санкт-Петербург, 2016.
4. Баринаева В.А., Земцов С.П. Инновационный цикл как базовая модель динамики и организации инновационной деятельности // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 1. С. 14–19.
5. Герман Е.А. Теоретическая инноватика: учеб. пособие / Е.А. Герман. – СПб., 2018. С. 158–160.
6. Мухопад В.И. Коммерциализация интеллектуальной собственности. – М.: Магистр. 2019. С. 140–141.
7. Мухамедшин И.С. Коммерциализация объектов в сфере ИС. – М., Проспект, 2018. С. 56–57.
8. Макаров Е.И., Дьяконова С.Н. Интеллектуальная собственность как реализованная инновация // ИВД. 2012. № 2. С. 329–334.
9. Шораджабов А.А. Инновационные технологии как фактор улучшения качества продукции // Символ науки. 2018. № 12. С. 42–44.
10. Levitt T. (1965) Exploit the Product Life Cycle. *Harvard Business Review*. 43. 81–94.
11. Руководство по проведению экспертизы заявок на изобретения. Роспатент. [Электронный ресурс] URL:https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/ruk_part1.pdf (дата обращения: 01.09.2022).
12. Рожкова М.А. О некоторых вопросах оборота исключительных прав и материальных носителей объектов интеллектуальной собственности // Журнал российского права. 2014. № 9. С. 213.
13. Пятаева О.А., Соловьева И.А. Трансфер технологий в энергетической отрасли: оценка и анализ зарубежного опыта // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2022. Т. 16. № 2. С. 111–121.
14. Pyataeva O., Borisova E., Skryabin O. (2021) Opportunities to increase the efficiency of transfer of innovative technologies in the fuel and energy complex / 37th IBIMA International Conference. – Cordoba, Spain, 31 May 2021.

15. Ковалев А.В. Условия и модели реформирования естественных монополий в России: автореферат дис. ...кандидата экономических наук: 08.00.01 / Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2003.

References

1. Hittmar S. Schumpeter's View on Innovation and Entrepreneurship. Management Trends in Theory and Practice, (ed.), Faculty of Management Science and Informatics, University of Zilina & Institute of Management by University of Zilina, 2013. P. 245–268.
2. Saybel' N., Kosarev A. Evolyutsiya teorii innovatsiy. *Finansy i kredit*. 2017. T. 23, vyp. 4. S. 838–850 (in Russ.).
3. Kaz'min A.A. Innovatsionnaya aktivnost' firm i intensivnost' konkurentsii: uchet faktora tekhnologicheskogo urovnya sektorov ekonomiki: avtoreferat dis. ...kandidata ekonomicheskikh nauk: 08.00.05 / Kaz'min Aleksey Anatol'yevich. – Sankt-Peterburg, 2016 (in Russ.).
4. Barinova V.A., Zemtsov S.P. Innovatsionnyy tsikl kak bazovaya model' dinamiki i organizatsii innovatsionnoy deyatel'nosti. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*. 2016. № 1. S. 14–19 (in Russ.).
5. German E.A. Teoreticheskaya innovatika: ucheb. posobiye / E.A. German. – SPb., 2018. S. 158–160 (in Russ.).
6. Mukhopad V.I. Kommertsializatsiya intellektual'noy sobstvennosti. – M.: Magistr. 2019. S. 140–141 (in Russ.).
7. Mukhamedshin I.S. Kommertsializatsiya ob'yektov v sfere IS. – M., Prospekt, 2018. S. 56–57 (in Russ.).
8. Makarov E.I., D'yakonova S.N. Intellektual'naya sobstvennost' kak realizovannaya innovatsiya. *IVD*. 2012. № 2. S. 329–334 (in Russ.).
9. Shoradzhbov A.A. Innovatsionnyye tekhnologii kak faktor uluchsheniya kachestva produktsii. *Simvol nauki*. 2018. № 12. S. 42–44 (in Russ.).
10. Levitt T. (1965) Exploit the Product Life Cycle. *Harvard Business Review*. 43. 81–94.
11. Rukovodstvo po provedeniyu ekspertizy zayavok na izobreteniya. Rospatent. [online] URL:https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/ruk_part1.pdf (01.09.2022) (in Russ.).

12. Rozhkova M.A. O nekotorykh voprosakh oborota isklyuchitel'nykh prav i material'nykh nositeley ob'yektov intellektual'noy sobstvennosti. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 2014. № 9. S. 213 (in Russ.).
13. Pyatayeva O.A., Solov'yeva I.A. Transfer tekhnologii v energeticheskoy otrasli: otsenka i analiz zarubezhnogo opyta. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Ekonomika i menedzhment. 2022. T. 16. № 2. S. 111–121 (in Russ.).
14. Pyataeva O., Borisova E., Skryabin O. (2021) Opportunities to increase the efficiency of transfer of innovative technologies in the fuel and energy complex / 37th IBIMA International Conference. – Cordoba, Spain, 31 May 2021.
15. Kovalev A.V. Usloviya i modeli reformirovaniya estestvennykh monopoliy v Rossii: avtoreferat dis. ...kandidata ekonomicheskikh nauk: 08.00.01 / Volgogr. gos. un-t. – Volgograd, 2003 (in Russ.).

Статья поступила 22.09.2022, принята к публикации: 25.10.2022.

© Пятаева О.А., 2022

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Правовое регулирование краудсорсинга как инструмента инновационной деятельности

Научная статья

УДК: 347.78

Сергей Сергеевич Бородин ¹,
Светлана Валентиновна Домнина ²,
Надежда Андреевна Развейкина ³,
Елена Геннадьевна Шиханова ⁴

¹ Фонд по поддержке социальных проектов,
Москва, Россия

² Самарский государственный экономический университет,
Самара, Россия

^{3,4} Самарский университет, Самара, Россия

¹ юрист,
borodinss@lenta.ru

² доктор экономических наук, доцент,
swdomnina@mail.ru

³ кандидат юридических наук, доцент,
razveykina@ssau.ru

⁴ кандидат педагогических наук, доцент,
shikhanova.eg@ssau.ru

Аннотация. Авторы рассматривают краудсорсинг в качестве одного из инструментов инновационной деятельности как минимум с двух взаимосвязанных позиций: с точки зрения правовой регламентации и комплекса мер мотивации для участия неопределенного круга лиц в краудсорсинговых проектах. В рамках указанных аспектов анализируется теория вознаграждения, разработанная для обоснования концепции авторского права. Делается вывод о том, что в настоящее время в российском законодательстве отсутствуют гражданско-правовые нормы, специально регулирующие краудсорсинговую деятельность; кроме того, к краудсорсингу могут быть применимы нормы других отраслей, например, трудового права, что требует разграничения правовых институтов. На обсуждение ставится вопрос о необходимости разработки отдельного комплекса правовых норм, учитывающих особенности краудсорсинговой деятельности. Рассмотрены положительные и отрицательные стороны краудсорсинга с позиции бизнеса и потребителей. Предложены меры по укреплению отношений в сфере краудсорсинга как инструмента инновационной деятельности: создание нормативно-правовой базы, совершенствование мотивации, экономического стимулирования с использованием различных моделей вознаграждения, расширение использования инструментов цифровой экономики, а также форм государственно-частного социального сотрудничества.

Ключевые слова: краудсорсинг, мотивация, теория вознаграждения, авторское право, законодательство, правовое регулирование, инновации, государственно-частное социальное сотрудничество.

Для цитирования: Бородин С.С., Домнина С.В., Развейкина Н.А., Шиханова Е.Г. Правовое регулирование краудсорсинга как инструмента инновационной деятельности // Копирайт. 2022. № 4. С. 58–71.

Legal regulation of crowdsourcing as an innovation tool

Sergey S. Borodin ¹,
Svetlana V. Domnina ²,
Nadezhda A. Razveykina ³,
Elena G. Shikhanova ⁴

¹ Fund for the Support of Social Projects, Moscow, Russia

² Samara State University of Economics, Samara, Russia

^{3,4} Samara National Research University, Samara, Russia

¹ lawyer,
borodins@lenta.ru

² Doctor of Economic Sciences, Associate Professor,
swdomnina@mail.ru

³ PhD in Law, Associate Professor,
razveykina@ssau.ru

⁴ PhD of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
shikhanova.eg@ssau.ru

Abstract. *The relevance of this research is related to the fact, that there are no civil-law norms specifically regulating crowdsourcing activity in Russian legislation as well as in other countries; besides, rules of not only copyright, but also other legal institutions can be applied to crowdsourcing, which requires their differentiation. The discussion is caused by the question of the need to develop a separate set of legal standards that take into account the peculiarities of crowdsourcing activities. The purpose of the article is to consider crowdsourcing as one of the tools of innovation activity from at least two interrelated positions: in terms of legal regulation and a set of motivation measures for the indefinite number of people who are participate in crowdsourcing projects. Within these aspects, the theory of remuneration, developed*

to substantiate the concept of copyright, is analyzed. The study is concluded the positive and negative sides of crowdsourcing from a business and consumer perspective. It is proposed measures to strengthen relations in the field of crowdsourcing as a tool for innovation: creating a regulatory framework, improving motivation, economic incentives using various reward models, expanding the use of digital economy tools, as well as forms of public-private social cooperation.

Key words: copyright, crowdsourcing, digitalization of innovation, theory of remuneration.

For citation: Borodin S.S., Domnina S.V., Razveykina N.A., Shikhanova E.G. Legal regulation of crowdsourcing as an innovation tool // Copyright. 2022. No. 4. P. 58–71.

Стимулирование инноваций может производиться с использованием различных вариантов генерации идей и разработки продуктов: внутри организации (in-house), передачи части или всех этих задач сторонним лицам (аутсорсинг), привлечения к соответствующей деятельности широкой общественности, от экспертов до заинтересованных потребителей конечного продукта (краудсорсинг). Разработки внутри компании и аутсорсинг уже имеют правовую базу, хотя и вызывают вопросы практической реализации. В то время, как краудсорсинг становится широко применяемым инструментом в современных инновационных компаниях, особенно за рубежом, однако в России не имеет нормативно-правового регулирования.

Понятие краудсорсинга не является новым в науке и практике. Несмотря на то, что М. Лалит и Й. Рэдди [1] связывают распространение данного феномена в мировом масштабе лишь с улучшением цифровой грамотности и более дешевым доступом к данным, не стоит недооценивать значение научных достижений в этой области, сделанных задолго до введения этого понятия. Различные аспекты привлечения частных лиц

и общественности к разработке программного обеспечения, а также произведений литературы, науки и искусства, затрагиваются в работах О. Акара [2]; К. Моудгала [3]; Р.А. Будника [4]; А.И. Савельева [5]. Вопросы мотивации к созданию творческих результатов рассматривали, в том числе, Д. Бурк [6], В. Фишер [7], Г.Ф. Шершеневич [8]. Целенаправленное вовлечение общества в инновационные разработки исследуется Е.В. Голубевым [9], С.А. Измалковой [10]. В зарубежной литературе акцентируется внимание на проблеме мотивации к такой деятельности в работах [11; 12; 13]. Однако правовые аспекты данного явления начали привлекать внимание ученых сравнительно недавно как в России, так и за рубежом (вопросы правовых последствий краудсорсинга, например [14]; вопросы управления интеллектуальной собственностью, например [15]; реализация трудовых отношений в форме краудсорсинга, например [16; 17]) и, на наш взгляд, не имеют должной научной аргументации.

Краудсорсинг основан на привлечении потенциально неопределенного круга лиц к генерации идей и инноваций. При этом участие экспертов, непрофессионалов и потребителей будущего конечного продукта может быть как на условиях получения определенного материального вознаграждения, так и без него.

Процесс работы в краудсорсинговом проекте также может быть организован различными способами. Отсутствие материального вознаграждения не обязательно влечет за собой снижение творческой активности участников краудсорсинга.

Так, обратимся к результатам исследований эстонских ученых в области мотивации создания программных продуктов с открытым исходным: «около 16,5% из 79 респондентов назвали альтруизм главным мотиватором, 30% назвали идентификацию с сообществом с открытым исходным кодом (имея в виду социальное признание), и даже 51 респондент (70,9%) указал на возможность улучшить свои навыки

программирования. Многие из опрошенных участников принимают участие в разработке с открытым исходным кодом, чтобы выразить свои знания и получить положительные отзывы и рекомендации. Более половины респондентов (51,9%) участвуют в разработке программного обеспечения с открытым исходным кодом для создания сети. Особым мотиватором в конечном счете является выражение личной свободы, чему способствует открытый исходный код» [18]. На основе изложенного авторы делают вывод, что «нефинансовые стимулы и внутренняя мотивация играют почти столь же важную роль и могут объяснить тот факт, что такие краудсорсинговые мероприятия с добавленной стоимостью выполняются охотно, даже несмотря на то, что они часто не оплачиваются» [18, с. 58–63].

В связи с приведенными выше данными исследований особый интерес представляет теория вознаграждения, обосновывающая концепцию авторского права. Основные ее идеи могут быть ярко проиллюстрированы через взгляды Г.Ф. Шершеневича, одного из основоположников концепции XIX – начала XX века. В первую очередь, он разграничивал хозяйственную деятельность, направленную на непосредственное извлечение материальной выгоды, и духовный труд, мотивом которого может выступать стремление к самовыражению, обретению известности, оказанию воздействия на определенные сферы общественной жизни. Цивилист пришел к выводу, что творчество, имеющее значение для общества, не может быть простимулировано экономическими мерами, поскольку цели духовной деятельности лежат в иной плоскости (иное противоречило бы, по его мнению, самой идее интеллектуального труда и снижало бы его роль в обществе) Ученый отмечал, что «... интеллектуальный труженик побуждается к своей работе внутренними стимулами, вытекающими из его духовных потребностей, но не материальными соображениями [...]. Допустить подобное соображение

значит подорвать силу результатов духовной деятельности» [8, с. 3–5]. В том же направлении рассуждал философ права Р. Иеринг, проводя анализ издательского договора: «Автор, выговорит он себе вознаграждение или нет, нередко имеет главнейшим образом в виду, заключая договор, не деньги, а обнародование своего произведения, для удовлетворения своего личного честолюбия или научного интереса» [19, с. 88–89].

Это также подтверждается описанными в источниках экспериментами Breaux and Schaub (2014) [20], в которых сравнивается эффективность (точность и стоимость) необученных краудворкеров и обученных инженеров. Авторы экспериментов сообщают, что использование краудсорсинга может сократить затраты до 60% при сохранении точности задачи, а для некоторых задач повысить точность на 16%, основываясь на способах декомпозиции задач.

В свою очередь, Р.И. Ситдикова отмечает, что «высокие гонорары за созданное произведение не всегда напрямую связаны с дальнейшей успешной творческой деятельностью автора» [21, с. 48]. На то, что произведения могут создаваться по разнообразным причинам, без стимулирующего эффекта от введения исключительных прав, указывают и иностранные ученые [6, с. 403]. Продолжая рассмотрение представлений Г.Ф. Шершеневича, отметим, что он, отрицая возможность материальной стимуляции творчества, говорил о том, что авторы вправе получать определенные ресурсы, позволяющие поддерживать приемлемый уровень жизни и продолжать систематически создавать произведения науки, литературы и искусства. Он считал, что целью авторского права выступает не просто охрана результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД), а такое материальное обеспечение автора, которое устраняет для него необходимость поиска источников существования и гарантирует независимость [8, с. 9]. Таким образом, теория вознаграждения подразумевает, что, хотя материальная мотивация автора не приводит к росту его

творческой активности, гонорар за произведенный интеллектуальный труд необходим для сохранения самой возможности подобной деятельности. Примечательно, что американский исследователь В. Фишер указывает, что автор должен получить вознаграждение за те усилия и временные затраты, которые он производит для совершенствования своих способностей. Если лицо решает вложить больше времени, чем другие, в дело, которое принесет общественную пользу, то размер части общественного дохода, которая ему полагается, тоже будет больше усредненного [7, с. 1760–1761]. Такой подход акцентирует внимание на распределении благосостояния в пользу автора в связи с той ролью, которую он на себя принимает, добровольно занимаясь творческой деятельностью. Обратим внимание и на сходство этой идеи с нормированием авторского вознаграждения, характерным для советского права [22, с. 104–133]. В связи с этим представляется, что у подобной концепции может существовать дальнейшая перспектива в условиях цифровой экономики, в том числе в части ее адаптации к условиям краудсорсинга.

Анализ литературы позволил выявить две очевидных проблемы: отсутствие в настоящее время комплексных исследований вопросов краудсорсинга как инструмента инновационной деятельности и неоднозначность подходов к пониманию вопроса о необходимости мотивации и правового регулирования краудсорсинга.

В настоящее время в российском законодательстве отсутствуют нормы, специально регулирующие краудсорсинг. В зависимости от формы, которую он принимает в инновационной деятельности, могут применяться нормы о договоре возмездного оказания услуг, нормы о конкурсах, нормы об открытых лицензиях на использование произведений науки, литературы и искусства. В отдельных случаях краудсорсинговая деятельность приводит к последующему

возникновению трудовых отношений с исполнителями (опыт Yandex).

Отметим, что в отдельных странах (например, Японии) в отсутствие норм, позволяющих создавать любительские работы на основе охраняемых РИД, возникло и функционирует развитое творческое пространство, ориентированное на создание любительских производных работ на основе творений профессиональных авторов, хотя национальным законодательством запрещена такая деятельность без разрешения правообладателя. Благодаря такому подходу рынок «профессиональных произведений» получает дополнительное стимулирование [23, с. 52–55]. Д. Тодд говорит о схожем явлении – так называемых «фанфиках», которые представляют собой творческие сочинения, выполненные на основе популярных работ, включая использование оригинальных персонажей. Они создаются поклонниками данных произведений и распространяются, как правило, безвозмездно через информационно-телекоммуникационные сети. При этом, хотя создание «фанфика» нарушает авторские права, правообладатели, в основном, не требуют прекращения такой деятельности [24, с. 226–232]. Подобная мотивация находится за пределами права. Вместе с тем отсутствие правовой регламентации подобных отношений создает неопределенность, что может сужать сферу такого вовлеченного участия пользователей-авторов только до областей, связанных с искусством и развлечениями.

Проведенное исследование позволяет выделить положительные и отрицательные стороны краудсорсинга как для бизнеса, так и для общественности, потенциальных потребителей.

К **положительным последствиям** можно отнести а) для бизнеса: снижение затрат на разработку инновационных бизнес-идей, приверженность аудитории, создание положительного имиджа фирмы, б) для потребителей: реализацию творческого начала, признание, сопричастность,

получение товаров с необходимыми характеристиками, качеством, развитие инфраструктуры.

К **отрицательным последствиям** относятся а) для бизнеса: риски похищения идей, снижение конфиденциальности информации, трудность контроля, б) для потребителей: низкая стоимость вознаграждения или его отсутствие, неопределенность авторства идеи.

Чтобы снизить отрицательные последствия краудсорсинга и обеспечить его безопасность, необходимо укрепление отношений в данной сфере посредством нормативно-правового регулирования, мотивации, совершенствования стимулирования через различные модели вознаграждения, использование инструментов цифровой экономики (сетевых бизнес-моделей, краудсорсинговых платформ) и сочетания различных форм государственно-частного социального сотрудничества.

Таким образом, на уровне национального законодательства существует необходимость разработки отдельного правового института, учитывающего особенности краудсорсинговой деятельности и предусматривающего различные модели мотивации участников краудсорсинга. При этом нормативное регулирование целесообразно формировать с учетом нескольких альтернативных моделей краудсорсинговой деятельности: без вознаграждения, с частичным вознаграждением, с нормированием обязательного вознаграждения авторов-участников краудсорсинговых проектов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Lalit M.S., Reddy Y.R. Crowdsourcing security: Opportunities and challenges // Proceedings - International Conference on Software Engineering. 2018. P. 37–40. DOI: 10.1145/3195836.3195862.
2. Acar O.A. Harnessing the creative potential of consumers: money, participation, and creativity in idea crowdsourcing // Marketing Letters. 2018. 29(2). P. 177–188. DOI: 10.1007/s11002-018-9454-9.
3. Moudgalya K. Crowdsourced information technology content for education and employment // Proceedings – IEEE 18th

- International Conference on Advanced Learning Technologies, ICALT.2018.8433447. P. 39–41. DOI: 10.1109/ICALT.2018.00016.
4. Будник Р.А. Информационные свойства продуктов творчества // *European Social Science Journal*. 2014. Т. 2. № 8. С. 546–551.
 5. Savelyev A. Software-as-a-service - legal nature: shifting the existing paradigm of copyright law // *Computer Law & Security Report*. 2014. Т. 30. № 5. С. 560–568. DOI: 10.1016/j.clsr.2014.05.011.
 6. Burk D.L. Law and Economics of Intellectual Property: In Search of First Principles // *Annual Review of Law and Social Science*. 2012. Vol. 8. P. 397–414.
 7. Fisher W.W. III. Reconstructing the Fair Use Doctrine // *Harvard Law Review*. 1988. Vol. 101. № 8. June. P. 1659-1795. DOI: 10.2307/1341435.
 8. Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения. [Текст] / Г.Ф. Шершеневич. Казань: Тип. Императорского Университета. 1891. 313 с.
 9. Голубев Е.В. Инновации в системе территориального управления на примере краудсорсинга // *Проблемы экономики и менеджмента*. 2012. №10 (14). С. 40–46.
 10. Измалкова С.А. Роль технологических платформ и технологий краудсорсинга в управлении инновационной деятельностью при формировании региональных инфраструктурных проектов // *Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки*. 2014. № 4-1. С. 193–203.
 11. Mo J., Sarkar S., Menon S. Know when to run: Recommendations in crowdsourcing contests // *MIS Quarterly: Management Information Systems*. 2018. 42(3). P. 919–943. DOI: 10.25300/MISQ/2018/14103.
 12. Pee L.G., Koh E., Goh M. Trait motivations of crowdsourcing and task choice: A distal-proximal perspective // *International Journal of Information Management*. 2018. 40. P. 28–41. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2018.01.008.
 13. Liang H., Wang M.-M., Wang J.-J., Xue Y. How intrinsic motivation and extrinsic incentives affect task effort in crowdsourcing contests: A mediated moderation model // *Computers in Human Behavior*. 2018. 81. P. 168–176. DOI: 10.1016/j.chb.2017.11.040.
 14. Wolfson S.M., Lease M. Look before you leap: Legal pitfalls of crowdsourcing // *Proceedings of the ASIST Annual Meeting*. 2011. 48. P. 1–10. DOI: 10.1002/meet.2011.14504801135.

15. Bauer J., Franke N., Tuertscher P. Intellectual property norms in online communities: How user-organized intellectual property regulation supports innovation // *Information Systems Research*. 2016. 27(4). P. 724–750. DOI: 10.1287/isre.2016.0649.
16. Tavits G. Occupational health and safety requirements and flexible organisation of the working time: Legal regulation of labour relations in Estonia (Book Chapter) // *Labour Law Reforms in Eastern and Western Europe*. 2017. P. 293–305. DOI: 10.3726/b11454.
17. Долженко Р.А. Методические основы институционального проектирования новых форм трудовых отношений // *Вестник ОмГУ. Серия: Экономика*. 2015. № 1. С. 72–80.
18. Šundić M., Leitner K-H. Crowdsourcing as an innovative strategy // *Digiworld Economic Journal*. 2013. № 89, 1st Q. P. 55–73.
19. Иеринг Р. Интерес и право / пер. А. Борзенко. – Ярославль: Тип. Губ. зем. Управы. 1880. 149 с.
20. Hui Guo, Ozg ur Kafalı, Anne-Liz Jeukeng, Laurie Williams, Munindar P. Singh. C,ORBA: crowdsourcing to obtain requirements from regulations and breaches // *Empirical Software Engineering*. 25. 2020. P. 532–561. DOI: 10.1007/s10664-019-09753-2.
21. Ситдикова Р.И. Обеспечение частных, общественных и публичных интересов авторским правом. – М.: Статут. 2013. 159 с.
22. Гаврилов Э.П. Авторское право. Издательские договоры. Авторский гонорар. – М.: Юрид. лит. 1988. 176 с.
23. Лессиг Л. Свободная культура / пер. с англ. – М.: Прагматика Культуры. 2007. 272 с.
24. Тодд Д. Цифровое пиратство. Как пиратство меняет бизнес, общество и культуру / пер. с англ. Л. Плостак, У. Мапциной. – М.: Альпина Бизнес Букс. 2013. 320 с.

References

1. Lalit M.S., Reddy Y.R. Crowdsourcing security: Opportunities and challenges. *Proceedings – International Conference on Software Engineering*. 2018. P. 37–40. DOI: 10.1145/3195836.3195862.
2. Acar O.A. Harnessing the creative potential of consumers: money, participation, and creativity in idea crowdsourcing. *Marketing Letters*. 2018. 29(2). P. 177–188. DOI: 10.1007/s11002-018-9454-9.

3. Moudgalya K. Crowdsourced information technology content for education and employment. *Proceedings - IEEE 18th International Conference on Advanced Learning Technologies*. 2018. 8433447. P. 39-41. DOI: 10.1109/ICALT.2018.00016.
4. Budnik R.A. Informational properties of creative products. *European Social Science Journal*. Vol. 2. № 8. 2014. P. 546–551 (in Russ.).
5. Savelyev A. Software-as-a-service – Legal nature: Shifting the existing paradigm of copyright law. *Computer Law & Security Report*. 2014. Vol. 30. № 5. P. 560–568. DOI: 10.1016/j.clsr.2014.05.011.
6. Burk D.L. Law and Economics of Intellectual Property: In Search of First Principles. *Annual Review of Law and Social Science*. 2012. Vol. 8. P. 397–414. DOI: 10.1146/annurev-lawsocsci-102811-173857.
7. Fisher W. Reconstructing the Fair Use Doctrine. *Harvard Law Review*. 1988. № 101(8). P. 1659–1795. DOI: 10.2307/1341435.
8. Shershenevich G.F. Avtorskoye pravo na literaturnyye proizvedeniya = Copyright to literary works. Kazan: *Imperial University Publishing*, 1891 (in Russ.).
9. Golubev Y.V. Crowdsourcing as an example of innovations at local level of management. *Problemy ekonomiki i menedzhmenta = Problems of Economics and Management*. 2012. № 10 (14). P. 40–46 (in Russ.).
10. Izmalkova S.A. Role of technological platforms and technologies of crowdsourcing in management of innovative activity when forming regional infrastructure projects. *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskkiye i yuridicheskkiye nauki. = News of TulSU. Economic and legal sciences*. 2014. № 4-1. P. 193–203 (in Russ.).
11. Mo J., Sarkar S., Menon S. Know when to run: Recommendations in crowdsourcing contests. *MIS Quarterly: Management Information Systems*. 2018. № 42(3). P. 919–943. DOI: 10.25300/MISQ/2018/14103.
12. Pee L.G., Koh E., Goh M. Trait motivations of crowdsourcing and task choice: A distal-proximal perspective. *International Journal of Information Management*. 2018. № 40(C). P. 28–41. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2018.01.008.
13. Liang H., Wang M-M., Wang J-J., Xue Y. How intrinsic motivation and extrinsic incentives affect task effort in crowdsourcing contests: A mediated moderation model. *Computers in Human Behavior*. 2018. № 81. P. 168–176. DOI: 10.1016/j.chb.2017.11.040.
14. Wolfson S.M., Lease M. Look before you leap: Legal pitfalls

- of crowdsourcing // Proceedings of the ASIST Annual Meeting. 2011. № 48(1). P. 1–10. DOI: 10.1002/meet.2011.14504801135.
15. Bauer J., Franke N., Tuertscher P. Intellectual property norms in online communities: How user-organized intellectual property regulation supports innovation // Information Systems Research. 2016. № 27(4). P. 724–750. DOI: 10.1287/isre.2016.0649.
 16. Tavits G. Occupational health and safety requirements and flexible organization of the working time: Legal regulation of labour relations in Estonia (Book Chapter). In: T. Davulis (Ed.) Labour Law Reforms in Eastern and Western Europe (pp. 293–305). Peter Lang AG. 2017. DOI: 10.3726/b11454.
 17. Dolzhenko R.A. The methodological basis of institutional design of the new labour relations forms. *Vestnik OmGU. Seriya: Ekonomika = Bulletin of OmSU. Series: Economy*. 2015. № 1. P. 72–80 (in Russ.).
 18. Šundić M., Leitner K-H. Crowdsourcing as an innovative strategy: A Study on Innovation Platforms in Austria and Switzerland. *Digiworld Economic Journal*. 2013. № 89 1st Q. P. 55–72.
 19. Iering R. *Interes i pravo = Interest and law* / trans. Borzenko A. Yaroslavl: *The lip. land Government publ.* 1880. 149 p. (in Russ.).
 20. Hui Guo, Ozg ur Kafalı, Anne-Liz Jeukeng, Laurie Williams, Munindar P. Singh. CORBA: crowdsourcing to obtain requirements from regulations and breaches. *Empirical Software Engineering*. 2020. 25. P. 532–561. DOI: 10.1007/s10664-019-09753-2.
 21. Sitdikova R.I. *Obespecheniye chastnykh, obshchestvennykh i publichnykh interesov avtorskim pravom = Ensuring private, public and state interests by copyright*. Moscow: *Statut Publ.* 2013. 159 p. (in Russ.).
 22. Gavrilov E.P. *Avtorskoye pravo. Izdatel'skiye dogovory. Avtorskiy gonorar = Copyright. Publishing contracts. Author's fee*. Moscow: *Legal literature Publishing*. 1988. 176 p. (in Russ.).
 23. Lessig L. *Svobodnaya kul'tura = Free culture* / Translated from English. Moscow: *Pragmatika Kul'tury Publ.* 2007. 272 p. (in Russ.).
 24. Todd D. *Tsifrovoye piratstvo. Kak piratstvo meniyayet biznes, obshchestvo i kul'turu = Digital Piracy. How piracy changes business, society and culture* / Translated from English Plostak L, Marcina U. Moscow: *Alpina Business Books Publ.* 2013. 320 p. (in Russ.).

Статья поступила 12.10.2022, принята к публикации: 09.11.2022.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ И ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Проблемы стимулирования инновационного развития нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий

Научная статья

УДК 338.2

Сергей Владимирович Чернявский ¹,

Алексей Апполинарьевич Шурус ²,

Владимир Сергеевич Чернявский ³

^{1,3} Центральный экономико-математический институт РАН (ЦЭМИ РАН), Москва, Россия

² Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия

¹ доктор экономических наук, профессор,
vols85-85@mail.ru

² доктор экономических наук, профессор,
uiikis@rgiis.ru

³ кандидат экономических наук,
vchern2007@gmail.com

Аннотация. Развитие корпоративных форм хозяйствования в нефтедобыче и нефтепереработке невозможно без внедрения новейших технико-технологических разработок, повышающих эффективность добычи, углубляющих процессы переработки и дальнейшего использования нефтяных продуктов, чему в настоящее время препятствует высокий износ основных фондов, низкий уровень загрузки производственных мощностей, отсутствие стимулов к внедрению инноваций и использованию достижений научно-технического прогресса и др. С целью обеспечения дальнейшего инновационного развития корпоративных форм хозяйствования в нефтедобыче и нефтепереработке необходима разработка системы его стимулирования, позволяющая использовать заработанные средства, как на поощрение работников, так и на финансирование мероприятий, обеспечивающих инновационное развитие.

Ключевые слова: инновационное развитие, инновационные технологии, нормативы налогообложения, квазиарента, глубина переработки нефти, индекс комплексности Нельсона.

Для цитирования: Чернявский С.В., Шулус А.А., Чернявский В.С. Проблемы стимулирования инновационного развития нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий // Копирайт. 2022. № 4. С. 72–89.

Problems of stimulating innovative development of oil producing and oil refineries

Sergey V. Cherniavskiy ¹,
Alexey A. Shulus ²,
Vladimir S. Cherniavskiy ³

^{1,3} Central Economic and Mathematics Institute
of the Russian Academy of Sciences (CEMI RAS),
Moscow, Russia

² Russian State Academy of Intellectual Property,
Moscow, Russia

¹ Doctor of Economic Sciences, Professor,
vols85-85@mail.ru

² Doctor of Economic Sciences, Professor,
uiikis@rgiis.ru

³ PhD in Economics,
vchern2007@gmail.com

Abstract. *The development of corporate forms of management in oil production and oil refining is impossible without the introduction of the latest technical and technological developments that increase the efficiency of production that deepen the processes of processing and further use of oil products, which is currently imposed by the high wear of fixed assets; low level of loading of production capacities; the lack of incentives for the introduction of innovation and the use of NTP achievements, etc. In order to ensure the further innovative development of corporate forms of management in oil production and oil refining, it is necessary to develop a system of stimulation of it, which allows the use of earned funds, both to promote employees and to finance measures that ensure innovative development.*

Key words: innovative development, innovative technologies, taxation standards, quasi-round, oil refining depth, Nelson complexity index.

For citation: Cherniavskiy S.V., Shulus A.A., Cherniavskiy V.S. Problems of stimulating innovative development of oil producing and oil refineries // Copyright. 2022. No. 4. P. 72–89.

Эффективное функционирование корпоративных форм хозяйствования в нефтедобыче и нефтепереработке в современных условиях невозможно без инновационного развития предприятий, внедрения новейших технико-технологических разработок, повышающих эффективность добычи, углубляющих

процессы переработки и дальнейшего использования нефтяных продуктов.

Анализ показывает, что в настоящее время основными проблемами в нефтедобыче и нефтепереработке являются:

- высокий износ основных фондов;
- низкий уровень загрузки производственных мощностей;
- отсутствие стимулов к внедрению инноваций и использованию достижений научно-технического прогресса [1, с. 114].

Важность активизации и стимулирования инновационных процессов подчеркивается в Указе Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», в котором обращается внимание на необходимость «...первенства в исследованиях и разработках, высокого темпа освоения новых знаний и создания инновационной продукции как основных факторов, определяющих конкурентоспособность национальной экономики и эффективности национальной стратегии безопасности» [2].

В настоящее время существуют различия в формировании и реализации инновационных процессов развития отечественных и зарубежных корпораций. Учитывая это, вертикально интегрированным нефтяным компаниям (далее – ВИНК) следует определить новые концептуальные подходы в реализации модели инновационного развития бизнеса и отрасли в целом, предусматривающие активизацию процессов создания, развития и внедрения эффективных российских разработок, направленных на совершенствование процессов добычи и переработки нефти.

Качество проектов зависит от того, насколько в них предусматриваются меры по использованию достижений науки и техники, а также комплексного решения инновационных и инвестиционных проблем, направленных на высокий

уровень конкурентоспособности производства и выпускаемой продукции.

В связи с этим разработка инновационно-инвестиционных проектов должна предусматривать: четкое определение цели и задач, стратегию, учитывающую перспективный спрос продукции на рынке, ее конкурентоспособность при реализации; определение источников финансирования (на нефтеперерабатывающих предприятиях такими источниками могут быть его участники в соответствии с их интересами окупаемости вкладываемого капитала); расчеты рисков и угроз, связанных с требованием рынка на новую продукцию, источниками и объемами финансирования и другими факторами; выбор подрядных и субподрядных организаций для разработки проектов, их социально-экономического обоснования, строительства, обеспечения оборудованием с использованием цифровой экономики; тщательное определение календарного плана с учетом оценки возможностей исполнителей, их квалификации [3], наличия соответствующих ресурсов.

При этом одной из главных задач в данной области является разработка механизма стимулирования инновационных и инвестиционных процессов в корпоративных структурах ВИНК, основанного на дифференциации нормативов налогообложения соответствующей части прибыли, представляющей собой рентный доход от реализации инвестиционных программ по внедрению современных инновационных технологий [4, с. 116].

В рамках механизма изъятия горной ренты в нефтедобыче предлагается, с целью стимулирования повышении эффективности производства за счет внедрения современных инновационных технологий, оставлять корпоративным структурам в нефтедобыче нормальную в отрасли или регионе прибыль и принадлежащую им квазиренту, или соответствующую ее часть. Квазирента, в соответствии с воззрениями

А. Маршалла, который отмечал, что «...всякая машина может давать доход, носящий характер ренты и иногда называемый «рентой», хотя, в общем, представляется более правильным называть его «квазирентой» [5, т. I с. 114], понимается как рента промышленного капитала (т.е. рента машин и прочего оборудования) [6, с. 25].

В нефтедобыче, где весьма значительное влияние на рентабельность производства оказывают природные условия добычи, предлагается определять как разность между нормативными, принятыми при установлении цены на нефть затратами и фактическими затратами на добычу барреля или тонны нефти, в случае, если фактические затраты ниже нормативных. Полученную разницу следует умножить на объем добычи данного месторождения [6, с. 27]. С целью стимулирования заинтересованности недропользователей в повышении эффективности производства путем внедрения новых инноваций, обеспечивающих повышение технологического уровня производства, указанную сумму квазиренты предлагается изымать по пониженной ставке налогообложения прибыли или оставлять недропользователям полностью [6, с. 27]. Исходя из того, что квазирента, по сути дела, представляет собой часть предпринимательской прибыли, обусловленной дополнительными вложениями в основные фонды (промышленный капитал) за счет роста эффективности производства и повышения качества продукции, она подлежит налогообложению по установленным нормативам. В этих условиях источником дополнительного стимулирования добывающих и перерабатывающих подразделений ВИНК на государственном уровне может выступить часть прибыли (квазиренты), изымаемая в бюджет в виде налога на прибыль.

В связи с тем, что ВИНК представляют собой объединенные на финансовой и экономической основе технологически взаимосвязанные производства, в частности: геологическая разведка, добыча нефти, переработка нефти и нефтехимия,

сбыт нефтепродуктов, то стимулирование инновационных и инвестиционных процессов в указанных корпоративных структурах должно включать как минимум две стадии: добычу и переработку нефти.

Однако в нефтеперерабатывающей промышленности принципиально иные условия и особенности производства, чем в нефтедобыче. На первый план здесь выступает технологический уровень производств, обеспечивающих наибольшую глубину переработки нефти. В этих условиях сумма квази-ренды нефтеперерабатывающего предприятия или конкретного производства должна определяться иными методами. Например, путем сравнения затрат на производство продукции до и после внедрения инновационных технологий, умноженных на соответствующий объем производства.

При внедрении отдельных современных инновационных технологий и производств величина квази-ренды может определяться и как увеличение выручки от реализации за счет изменения структуры и роста объемов производства высокооктановых светлых нефтепродуктов и дизельного топлива и снижения объемов производства мазута до и после внедрения инноваций.

В случае определения величины квази-ренды нефтеперерабатывающего предприятия в целом, могут сравниваться суммы прибыли предприятия, пересчитанные на определенные объемы производства, до и после внедрения инноваций.

При необходимости определения величины квази-ренды нефтеперерабатывающего предприятия исходя из его технологического уровня производства по сравнению со среднеотраслевыми значениями расчет может вестись на основе сравнения среднеотраслевой и фактической рентабельности конкретного предприятия.

В дальнейшем рассчитанная сумма квази-ренды должны быть разделена на две части: перечисляемую в бюджет и оставляемую в распоряжении нефтеперерабатывающего

предприятия (корпоративной структуры). Представляется целесообразным часть квазиаренды, оставляемую в распоряжении нефтеперерабатывающего предприятия (корпоративной структуры), в свою очередь, также делить на две части: направляемую на стимулирование работников, участвующих во внедрении инновационных технологий и на финансирование инноваций.

Положения о конкретных принципах образования и распределения предложенных стимулирующих фондов должны разрабатываться в конкретных корпоративных структурах.

Однако норматив деления квазиаренды на части, перечисляемой в бюджет и оставляемой в распоряжении нефтеперерабатывающего предприятия (корпоративной структуры) должен устанавливаться на федеральном уровне в зависимости от важности и значения конкретных инновационных технологий для развития отрасли и всего народного хозяйства. Обоснованная дифференциация указанных нормативов в зависимости от важности и значения конкретных инновационных технологий может стать важным инструментом осуществления единой государственной научно-технической и инновационной политики в отрасли. При этом, следует отметить, что указанное предложение, касающееся стимулирования инвестиционной и инновационной политики применимо не только в нефтеперерабатывающей, но и во всех прочих отраслях промышленности и народного хозяйства.

Анализ инвестиционной активности нефтеперерабатывающих корпоративных структур позволяет выявить долю прибыли, направляемую на модернизацию производственных активов. Так, в период 2014–2016 гг. восемь крупнейших корпораций направляли на реализацию инвестиционных программ головных организаций от 30% до 65% от прибыли до уплаты налогов, процентов и амортизации (ЕБИТДА) [7, с. 12].

Исходя из этого, размер квазиаренды, оставляемой на инновационное развитие нефтеперерабатывающих заводов

(в первые пять лет после внедрения), целесообразно определять в диапазоне 30–65% для основных процессов вторичной переработки нефти.

При этом очевидно, что наибольший объем инвестиционных платежей должен направляться на процессы, позволяющие повысить качественные характеристики продукции (глубина переработки сырья, выход светлых нефтепродуктов, соответствие современным экологическим стандартам и прочее).

Для более детального определения важнейших процессов переработки предлагается использовать индекс комплексности Нельсона, отражающий технологическую сложность и характеризующий глубину переработки нефти на соответствующей установке или на нефтеперерабатывающем заводе в целом.

У. Нельсон установил прямую зависимость качественных характеристик нефтепродуктов (в том числе влияющих на капитализацию предприятия) и стоимости нефтеперерабатывающих установок, необходимых для их производства. За базовый процесс переработки Нельсон взял установку атмосферной перегонки, присвоив ей индекс, равный 1. В соответствии с этим индекс комплексности Нельсона (ед.) определяется как соотношение затрат на создание установки вторичного процесса (руб.) к затратам на создание установки атмосферной дистилляции (руб.).

В таблице 1 представлены значения индекса Нельсона для различных технологических процессов и ключевые качественные характеристики получаемых нефтепродуктов при их внедрении [7, с. 12].

Таблица 1

Значения индекса Нельсона для различных технологических процессов переработки нефти

Технологический процесс	Индекс Нельсона	Качественные характеристики нефтепродуктов
Атмосферная перегонка (прямая перегонка нефти)	1	Объем переработки

Продолжение таблицы 1

Вакуумная разгонка (однократная равновесная)	1	Объем переработки
Производство и извлечение водорода	1	Получение вспомогательного сырья для деструктивных процессов
Производство битума	1,5	Объем производства битумопроизводных материалов
Каталитическая гидроочистка	1,7	Снижение содержания серы
Вакуумная перегонка	2	Получение котельного топлива М-100
Висбрекинг	2	Увеличение выхода средне-дистиллятных фракций на 40–60%
Термический крекинг	3	Выход светлых нефтепродуктов 40–50%
Каталитическое гидрооблагораживание	3	Уменьшение содержания непредельных соединений (олефинов, аренов) и исчерпание гетероатомов (прежде всего серы) в топливах до эксплуатационного уровня
Изомеризация	3	Повышение октанового числа до уровня 85–90 пунктов
Каталитический риформинг	5	Повышение октанового числа до уровня 92–98 пунктов по исследовательскому методу
Коксование	5,5	Повышение глубины переработки до 75%
Каталитический крекинг	6	Повышение глубины переработки до 80%
Каталитический гидрокрекинг	6	Выход светлых нефтепродуктов до 70%

Окончание таблицы 1

Полимеризация	9	Повышение выхода автомобильного полимер-бензина до 80–90% на сырье
Производство оксигенатов (ЭТБЭ, МТБЭ, ТАМЭ)	10	Присадки для автомобильного топлива (повышение октанового числа от 95 пунктов и выше)
Алкилирование	11	Октановое число 96 пунктов и выше с низким содержанием серы
Производство ароматических углеводородов	20	Получение высококачественных бензола, толуола, ксилолов
Производство смазочных материалов	60	Выпуск высококачественных смазочных материалов широкого профиля, соответствующих спецификации ILSAC GF-6 (API SP)
Производство серы	85	Получение высококачественной товарной серы широкого применения, снижение негативного влияния на окружающую среду, повышение качества продукции до экокласса 5 и выше
Прокаливание	108	Высокий выход светлых нефтепродуктов (до 90%), получение высококачественного товарного кокса

Базовые процессы переработки сырья (атмосферная перегонка, вакуумная разгонка, производство и извлечение водорода, производство битума, каталитическая гидроочистка), имеющие значение индекса Нельсона менее 2, реализованы на большинстве отечественных нефтеперерабатывающих

заводов, при этом указанные процессы не дают необходимого качества и существенного прироста стоимости продукции. С одной стороны, модернизацию данных процессов целесообразно финансировать в рамках текущих производственных хозяйственных затрат, не выделяя на эти цели дополнительных финансовых ресурсов. Таким образом, доля квазиранты, оставляемая на развитие, для указанных процессов должна устанавливаться на уровне, равном 0.

С другой стороны, необходимо обозначить приоритетные процессы переработки нефти, внедрение которых позволит занять лидирующие позиции на мировом рынке производства высококачественных нефтепродуктов. В настоящее время наиболее высокие показатели индекса Нельсона в 10,8 единиц отмечаются на предприятиях США. Исходя из этого, целесообразно предприятиям, внедряющим технологические процессы с индексом Нельсона в 20 и более единиц, оставлять на дальнейшее инновационное развитие 100% квазиранты от их внедрения, подлежащих перечислению в бюджет в виде налога на прибыль.

Таким образом, установленный выше диапазон в 30–65% от полученной нефтеперерабатывающими предприятиями квазиранты, должен распределяться в зависимости от значеный индекса Нельсона в пределах от 2 до 11 единиц (табл. 2).

Таблица 2

**Предлагаемое распределение квазиранты
в соответствии с показателем индекса Нельсона**

	Значение индекса Нельсона, ед.	Доля квазиранты, оставляемая на развитие, %
1	менее 2	0
2	2–3	30
3	5–6	40
4	9–11	65
5	20 и более	100

При этом наибольшее увеличение доли квазиранты (на 25%) предусматривается при переходе из третьей в четвертую группу ввиду того, что процессы с индексом Нельсона в 9–11 единиц позволяют получать большую долю высокооктанового топлива, соответствующего современным экологическим требованиям, а также производить широкий спектр нефтехимической продукции высокого качества.

Исходя из предложенной дифференциации нормативов деления квазиранты проведем расчет деления полученных рентных доходов для АО «Ачинский НПЗ ВНК» (далее – НПЗ) от внедрения инвестиционно-инновационного проекта, направленного на повышение глубины переработки сырья, увеличение качества выпускаемых нефтепродуктов, а также повышение финансовой эффективности предприятия.

АО «Ачинский НПЗ ВНК» (дочернее предприятие ПАО «НК «Роснефть») является единственным крупным нефтеперерабатывающим предприятием в Красноярском крае, а также играет важную роль на рынке нефтепродуктов прилегающих регионов. Завод перерабатывает западносибирскую нефть. В настоящее время мощность НПЗ составляет 7,5 млн тонн нефти в год.

Основными нефтепродуктами в период 2012–2016 гг. являются автобензин, дизельное топливо и мазут. За счет снижения объема производства мазута на 29% в указанный период предприятию удалось поднять глубину переработки нефти до 69,8% в 2016 году (+8,5 п.п. к 2012 г.). Однако данный уровень является более низким, чем средний по корпоративной группе «Роснефть» (72%), отечественной отрасли в целом (75%), а также существенно ниже мировых показателей: Европа – 85%, США – 95%. Анализ технологического оснащения показывает, что производственные мощности объединения обеспечены только базовыми процессами вторичной переработки нефти, в совокупности позволяющими достичь

глубины не более 70–72%, и выход светлых нефтепродуктов не более 58–60% [7, с.14].

Для улучшения производственно-экономических показателей НПЗ и более полного удовлетворения потребностей в его продукции признана необходимой реализация инновационно-инвестиционного проекта, направленного на повышение глубины переработки сырья, качества нефтепродуктов и эффективности деятельности предприятия в целом.

В этих условиях наиболее целесообразным решением, обеспечивающим повышение эффективности НПЗ, будет внедрение в производственный процесс установки каталитического крекинга с использованием микросферического цеолитсодержащего катализатора, который позволяет получить существенно больший выход бензина (на 15,2%) при несколько более низком выходе (на 5,4%) дизтоплива, по сравнению с установкой, использующей шариковый аморфный катализатор, что делает проект с использованием микросферического цеолитсодержащего катализатора более привлекательным [8].

В части структуры выпуска нефтепродуктов после реализации инновационно-инвестиционного проекта на НПЗ прогнозируются следующие изменения (табл. 3).

Таблица 3

Повышение эффективности НПЗ после реализации инновационно-инвестиционного проекта [6, с. 18]

Показатель	Факт	Прогноз
	2016	2023
Проектная мощность, млн тонн	7,5	8,5
Объем переработки, млн тонн	7,1	8,3
Выход светлых нефтепродуктов, %	55,9	65
Глубина переработки, %	69,8	80
Нефтепродукты всего, млн тонн	6,8	7
в том числе:		

Окончание таблицы 3

Нафта	0,2	0,2
Автобензин	1,1	1,6
Керосины	0,1	0,1
Дизельное топливо	2,5	2,7
Мазут	2	1,1
Прочие	0,9	1,3
Рентабельность активов (ROA), %	4,2	8

В таблице 4 представлен расчет квазиренты от реализации проекта по созданию установки каталитического крекинга с микросферическим цеолитсодержащим катализатором на НПЗ.

Таблица 4

**Квазирента за счет реализации
инновационно-инвестиционного проекта**

Тип установки	Каталитического крекинга с микросферическим цеолитсодержащим катализатором	
Производительность, тыс. тонн в год	1000	
Выход ключевых нефтепродуктов, тыс. тонн в год	бензин	423
	дизтопливо	126
Средние цены на нефтепродукты (2016), руб. за тонну	бензин	43 170
	дизтопливо	39 721
Стоимость продукции в ценах 2016 г., тыс. руб.	23 265 756	
Квазирента от реализации проекта, тыс. руб. в год	5 816 439	

Окончание таблицы 4

Квазирента от реализации проекта, подлежащая перечислению в бюджет в виде налога на прибыль, тыс. руб.	1 163 287,8
Норматив распределения квазиренты, %	40
Квазирента от реализации проекта, оставляемая НПЗ на дальнейшее инновационное развитие	465 315,12

Таким образом, предложенный механизм стимулирования реализации инновационно-инвестиционного проекта позволит использовать полученные дополнительные средства на дальнейшее финансирование инновационно-инвестиционных программ в размере – 372 252,096 тыс. руб. (80% от квазиренты, оставляемой предприятию) и на премирование участвовавших в реализации проекта работников – 93 063,024 тыс. руб. (20% от квазиренты, оставляемой предприятию).

Кроме того, целесообразно часть квазиренты, оставляемой предприятиям на дальнейшее инновационное развитие, передавать в специально создаваемые корпоративные и региональные финансовые фонды, предназначенные для решения особенно важных инновационно-инвестиционных проектов, реализуемых в ВИНК.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ложникова А.В., Развадовская Ю.В., Шевченко И.К., Хлопцов Д.М., Чернявский С.В. Характеристики ресурсоемкости и ресурсоэффективности в сфере российского ТЭК // Terra Economicus. 2016. Т. 14. № 3. С. 112–130.
2. Официальный сайт Президента РФ. [Электронный ресурс] URL:<http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/page/1#sel=4:44:hD,4:45:Dh> (дата обращения: 01.11.2022).

3. Кособуцкий Б.Е. Повышение эффективности корпоративных форм хозяйствования в нефтеперерабатывающей промышленности: дис... канд. экон. наук по специальности 08.00.05. – М., 2018. 23 с.
4. Чернявский С.В. Добавочная прибыль (квазиренда): причины образования и принципы распределения // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2012. № 2. С. 115–121.
5. Маршалл А. Принципы экономической науки: пер. с англ.: в 3 т. – М.: Универс, 1993.
6. Чернявский С.В. Концепция реформирования изъятия дифференциальной горной ренты в нефтедобывающей промышленности России: автореф. дис. ...док. экон. наук: 08.00.10. – М., 2014. С. 353.
7. Салчева С.С. Оценка экономической эффективности инвестиций с государственным участием в глубокую переработку нефти: автореф. дис. ...канд. экон. наук: 08.00.05. – Тюмень, 2015. 224 с.
8. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации «Консорциум Кодекс». [Электронный ресурс] URL:<http://docs.cntd.ru/document/1200118518> (дата обращения: 01.11.2022).

References

1. Lozhnikova A.V., Razvadovskaya Yu.V., Shevchenko I.K., Khloptsov D.M., Chernyavskiy S.V. Kharakteristiki resursoyemkosti i resursoeffektivnosti v sfere rossiyskogo T-EK. *Terra Economicus*. 2016. T. 14. № 3. S. 112–130 (in Russ).
2. Ofitsial'nyy sayt Prezidenta RF. [online] URL:<http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449/page/1#sel=4:44:hD,4:45:Dh> (01.11.2022) (in Russ).
3. Kosobutskiy B.E. Povysheniye effektivnosti korporativnykh form khozyaystvovaniya v neftepererabatyvyushchey promyshlennosti: dis... kand. ekon. nauk po spetsial'nosti 08.00.05. – М., 2018. 23 s. (in Russ).

4. Chernyavskiy S.V. Dobavochnaya pribyl' (kvazirenta): prichiny obrazovaniya i printsipy raspredeleniya. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*. 2012. № 2. S. 115–121 (in Russ).
5. Marshall A. Printsipy ekonomicheskoy nauki: per. s angl.: v 3 t. – M.: *Univers*, 1993 (in Russ).
6. Chernyavskiy S.V. Kontsepsiya reformirovaniya iz'yatiya differentsial'noy gornoy renty v neftedobyvayushchey promyshlennosti Rossii: avtoref. dis. ...dok. ekon. nauk: 08.00.10. – M., 2014. S. 353 (in Russ).
7. Salcheva S.S. Otsenka ekonomicheskoy effektivnosti investitsiy s gosudarstvennym uchastiyem v glubokuyu pererabotku nefiti: avtoref. dis. ...kand. ekon. nauk: 08.00.05. – Tyumen', 2015. 224 s. (in Russ).
8. Elektronnyy fond pravovoy i normativno-tekhnicheskoy dokumentatsii Konsortsium Kodeks. [online] URL:<http://docs.cntd.ru/document/1200118518> (01.11.2022) (in Russ).

Статья поступила 01.12.2022, принята к публикации: 05.12.2022.

© Чернявский С.В., Шулус А.А., Чернявский В.С., 2022

УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ

Стратегический маркетинг в управлении инновационным развитием организации

Научная статья

УДК 338.2

Юлия Сергеевна Васильева,

Российская государственная академия

интеллектуальной собственности, Москва, Россия

кандидат экономических наук

yulya_v_s@mail.ru

Аннотация. *В настоящей статье рассматриваются используемые инструменты стратегического маркетинга, поддерживающие управление инновациями, применительно к жизненному циклу инновационного процесса.*

Ключевые слова: маркетинг, стратегический маркетинг, маркетинговые исследования, маркетинговые инструменты, патентные исследования, инновации, инновационный процесс, менеджмент, управление.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР № 12-Г3-2022 «Создание концепции экосистемы молодежного инноваторства для формирования рынка интеллектуальной собственности и развития интеллектуального потенциала России».

Для цитирования: Васильева Ю.С. Стратегический маркетинг в управлении инновационным развитием организации // Копирайт. 2022. № 4. С. 90–109.

Strategic marketing in the management of innovative development of the organization

Yulya S. Vasilyeva,

Russian State Academy of Intellectual Property,

Moscow, Russia

PhD in Economics

yulya_v_s@mail.ru

Abstract. *This article discusses the strategic marketing tools, used to support innovation management, in the context of innovation process life cycle.*

Key words: marketing, strategic marketing, marketing research, marketing tools, patent research, innovation, innovation process, management, administration.

Funding: The work was carried out within the framework of the research work No. 12-GZ-2022 «Creating the concept of an ecosystem of youth innovation for the formation of the intellectual property market and the development of the intellectual potential of Russia».

For citation: Vasilyeva Yu.S. Strategic marketing in the management of innovative development of the organization // Copyright. 2022. No. 4. P. 90–109.

У. Черчилль:
*«Кто владеет маркетинговой информацией,
тот владеет рынком».*

С появлением в конце XX в. систематического стратегического менеджмента меняется отношение к маркетингу

как единому целому успешного развития компании путем деления его на две составные части: стратегический и операционный. Сегодня мировые крупные успешные компании относятся к маркетингу не как к отдельной функции управления, а как к концепции в сфере управления инновационным развитием организации, представляющей собой комплексный подход использования менеджментом маркетинговых инструментов в разрезе жизненного цикла инновационного процесса (см. таблицу).

Инновационная деятельность является залогом успешного развития компании, позволяет ей быть лидером на рынке в течение продолжительного времени, а маркетинг обеспечивает информационную поддержку управленческих решений, направленных на достижение целей инновационной стратегии компании.

Таблица

**Управленческие задачи
инновационного менеджера¹**

Вид маркетинга	Стратегический		Операционный			
Этапы инновационного процесса	Дорыночный этап		Рыночный этап			
	Фундаментальные исследования, прикладные исследования и разработки	Внедрение (создание прототипа и промышленное освоение)	Выведение на рынок (серийное производство, сертификация)	Рост	Зрелость	Спад
Объект управления	<i>знания</i>	<i>знания. технология</i>	<i>инновация</i>	<i>серийный продукт</i>		

¹ Составлено автором.

Окончание таблицы

Управленческие задачи менеджера	Необходимость инноваций в рамках стратегии развития компании (изменения в структуре производства, снижение себестоимости, расширение ассортимента производимых товаров и др.)	Идентификация и оценка новой технологии. Определение принципов охраны РИД. Анализ возможностей получения будущих выгод от наличия прав на РИД	Распространение инновации среди потенциальных потребителей	Преобразование инновации в рыночный стандарт	Осознание новых возможностей создания и получения технологий и инноваций
Инструменты маркетинга	Маркетинговые и патентные исследования (патентная аналитика)	Технологический аудит. Стратегии формирования спроса	Выбор стратегии продвижения	Стимулирование сбыта (теория диффузии инновации)	Маркетинг на основе концепции «открытых инноваций»
Предмет управления	<i>Трансфер технологий (в организацию и / или из нее)</i>		<i>Коммерциализация технологий, объектов интеллектуальной собственности, инновационных продуктов и услуг.</i>		
Тип рынка	<i>Инвестиционный. Интеллектуальной собственности</i>		<i>Интеллектуальной собственности. Производства</i>		

1 этап инновационного процесса: Разработка инновации

На данном этапе маркетинг позволяет обосновать полезность и перспективность технологической основы инновационного проекта для рынка, что снижает риски проекта в будущем и доказывает необходимость инвестиций в него [1, с. 500].

Важное место здесь отводится маркетинговым и патентным исследованиям, которые включают:

- анализ потребностей в товарах,
- выявление свободных рыночных ниш,
- анализ предложений на рынке и свойств товаров-субститутов (аналогов), их недостатков,
- установление характеристик новых разработок и товаров, обеспечивающих их конкурентоспособность.

В процессе маркетинговых исследований необходимо собрать информацию о конъюнктуре рынка: что и как делается на рынке в настоящее время, какие есть недостатки в товарных предложениях и как можно их исправить (например, повышение качества, комфортности, снижение стоимости и т.д.), каково соотношение между спросом и предложением, состояние конкуренции, охарактеризовать потенциальных покупателей и т.д.

Для того, чтобы получить такую информацию, применяют различные методы маркетинга, которые условно делят на традиционные и инновационные.

К традиционным методам относят: наблюдение (включая анализ работы успешных продавцов), эксперименты и массовые анкетные опросы, глубинные интервью, экспертные оценки и т.п. По некоторым данным, до 50% всех исследований рынка в эру цифровой трансформации проводится с помощью компьютерных технологий и специализированных интернет-ресурсов [2, с. 136].

К инновационным маркетинговым исследованиям относятся:

- цифровые методы (мессенджеры, чат-боты, онлайн-консультанты в качестве канала коммуникации и другие (например, такой инструмент как Infer для определения готовности клиента к покупке «сканирует» веб-страницы, имея только адрес электронной почты)) [3, с. 489],

- этнографические методы (изучение потребителей с учетом их культурных особенностей в естественных условиях – домашние визиты, фоторепортажи, записи в дневник, скрытые наблюдения, «путешествие потребителя»).

Согласно теории, качественные маркетинговые исследования должны помочь сделать будущую инновацию самой лучшей и полезной для рынка (с учетом надобности и требований потребителей). Это могло бы помочь решить актуальную проблему низкой востребованности инновационной продукции российских компаний на рынке (в том числе компаний, работающих на мировом рынке, чья инновационная деятельность проинвестирована различными институтами развития). Главной причиной такого положения специалисты считают то, что инновации создаются на базе новых знаний, а не потребностей [4, с. 22]: зачастую в России не могут внедрить свои изобретения, а за рубежом компании внимательны к «мелочам», важным потребителю, они знают о них и привносят инновации в свои товарные предложения для того, чтобы эти потребности удовлетворять. В частности, промышленные компании все больше уделяют внимание дизайну изделий, охраняя такую инновацию в режиме промышленного образца (рисунок 1).

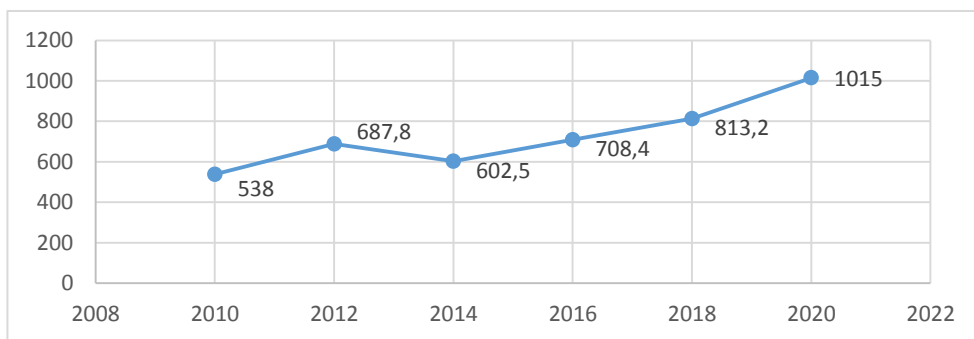

Рис. 1. Статистика роста количества регистрации заявок на промышленные образцы по данным ВОИС (общее количество поданных заявок напрямую и через Гаагскую систему, тыс. ед.) [5]

На этой стадии маркетингового исследования есть свои подводные камни, которые могут привести к принятию неверных стратегических решений менеджмента. Во-первых, не всякую выявленную потребность можно конвертировать в эффективное товарное предложение. Во-вторых, *исключительная* ориентация на потребности *основной массы клиентов* может навредить бизнесу инновационной компании в будущем, поскольку реакция потребителей на новые технологии / товары с новыми свойствами часто непредсказуема. Именно поэтому разработка инновационного продукта всегда связана с повышенными рисками для предприятия: согласно исследованиям, только порядка 20% новинок достигают рыночного успеха и лишь 13% компаний в течение первых трех лет достигают запланированных показателей по объему продаж новых продуктов [6, с. 2028].

Ведущие инновационные компании слишком стараются быть ближе к своему клиенту и вкладывают финансовые средства в технологии, необходимые для его удержания (маркетинговая теория *life time value*). Однако они забывают инвестировать в технологии, которые понадобятся их будущим потребителям. Не стоит игнорировать новые технологии, которые поначалу не отвечают нуждам основных потребителей, поскольку на практике:

- крупные центры фотокопирования, составлявшие основу клиентской базы компании Хегох, поначалу не хотели использовать малопроизводительные настольные копировальные устройства;
- подрядчики, выполняющие земляные работы, полагались на паровые и дизельные экскаваторы для прокладки кабелей компании Vucyrus-Erie с большими ковшами и не хотели переходить на гидравлические экскаваторы, поскольку те в первое время имели небольшой размер и невысокую производительность;

- клиенты компании IBM из числа правительственных организаций, коммерческих и промышленных компаний не видели никакой необходимости немедленно переходить на использование мини-компьютеров;
- представители старшей возрастной группы населения России долго отказывалась переходить от оплаты коммунальных услуг по квитанциям у кассира к оплате с помощью терминалов самообслуживания.

В приведенных примерах компании внимательно прислушивались к потребителям и обеспечивали их изделиями с нужными характеристиками во вред собственному бизнесу.

Практика стратегического менеджмента показывает, что большинство успешных и зрелых компаний опережают свою отрасль в развитии и извлекают сверхприбыли благодаря новым технологиям: от радикально новых подходов до последующих постепенных небольших изменений. Однако они же редко идут в первых рядах коммерциализации технологий следующего поколения, не способных поначалу удовлетворить потребности основных клиентов или обращенных к небольшим, развивающимся рынкам.

Таким образом, осуществляя управление инновационным развитием организации, особо важно выявлять технологические изменения, которые могут «подрывать» позиции зрелых компаний.

Определить стратегическую значимость «подрывной» технологии можно с помощью анализа скорости улучшения ее характеристик. Такие технологии развиваются, опережая потребности рынка в отношении улучшения характеристик, довольно быстро вторгаются на ранее стабильные рынки. При этом в отношении каких-то параметров, особенно важных для потребителей, такая «подрывная» технология может существенно уступать прежней. Например, создатели первых транзисторных приемников из корпорации Sony пожертвовали точностью передачи звука, но создали рынок

портативных радиоприемников, предложив новую совокупность свойств: малые размеры, легкий вес и мобильность. «Подрывные» технологии зрелые компании часто оценивают как малопривлекательные с финансовой точки зрения, особенно когда трудно предугадать, насколько потенциальный рынок может увеличиться в долгосрочной перспективе. В таких случаях менеджментом могут приниматься решения о создании специальной (малой) организации, независимой от основного бизнеса.

С учетом сказанного, на этапе маркетинговых исследований при планировании инновационного развития компании должны проводить также и патентные исследования. Их целью являются:

- анализ динамики изобретательской активности,
- получение среза перспективных и «подрывных» технологий,
- выявление фирм-конкурентов,
- получение данных об изобретениях предшественников и установление круга обладателей исключительных прав на эти объекты интеллектуальной собственности (юридических и физических лиц), чтобы не нарушать их права, так как это чревато значительными издержками, а существование запатентованного идентичного изобретения лишает смысла дальнейшую разработку идеи (изобретения),
- корректировка направления дальнейших НИОКР, чтобы предотвратить принятие ошибочного решения о коммерциализации заведомо менее эффективной разработки.

Отметим, что патентные исследования по своему характеру и содержанию относятся к прикладным научно-исследовательским работам (п. 4.1 ГОСТ 15.011-96).

2 этап инновационного процесса: Внедрение

Задачей маркетинга на данном этапе является разработка стратегий формирования спроса на будущий инновационный товар, в котором будут воплощены результаты исследований и разработок, а также определение ценовой политики.

Прежде чем менеджмент примет решение об охране результата интеллектуальной деятельности (или целой технологии), полученного в результате НИОКР, и его дальнейшем внедрении, необходимо оценить не только уровень новизны и изобретательского уровня (для охраны разработки в режиме права интеллектуальной собственности), но и коммерческую ценность новации.

Это непростая задача, поскольку потенциал нововведения и возможный вариант использования результата интеллектуальной деятельности (в собственном производстве или продажа прав интеллектуальной собственности) может возникнуть на любой стадии жизненного цикла инновационного процесса.

Сравнительные расчеты вариантов коммерческого использования изобретений показывают, что экономически выгоднее использовать новые разработки в собственном производстве и при реализации, изготовленной с их использованием, продукции, чем при продаже [7, с. 4]. Новые технологии уже десятилетия остаются одной из самых мощных движущих сил роста и ценности крупных компаний, владеющих научно-техническими достижениями: согласно рейтингу Financial Times, первые 50 лучших компаний в мире имеют рентабельность к инвестиционному капиталу более 15% благодаря тому, что производят продукцию с большой научно-технической составляющей [8, с. 68], то есть инновации в них капитализируются через развитие деятельности, которую они осуществляют.

Однако и на стадии промышленного производства правообладатель может принять решение о продаже прав

или выбрать лицензирование. И здесь важно обладать сведениями о конъюнктурных факторах рынка, внутренних и внешних возможностях и условиях реализации, которые позволят сделать экономически обоснованный выбор – использовать технологию в собственной деятельности или предоставить права на использование третьим лицам.

К числу инструментов, позволяющих прогнозировать коммерческий потенциал новых разработок и управлять продвижением новых технологий на рынки, относится технологический аудит (включающий, в том числе, и аудит интеллектуальной собственности).

Однако осуществить технический аудит могут не многие компании, т.к. это длительный и дорогостоящий процесс.

Поскольку сущность технологического аудита предполагает сбор информации и ее анализ, то считается, что он повышает мотивацию сотрудников (которые после опроса их мнений и результатов работы чувствуют, что их вклад в предприятие ценится), и способствует осознанию руководством ценности идей, научных разработок и технологий в сравнении с конкурентами. Технологический аудит помогает выявлять:

- направления изменения потребности в конечном продукте,
- сильные и слабые стороны компании в области технологий и ее готовность внедрять инновации,
- приоритеты инвестирования в научно-техническую деятельность,
- потенциал инновации как объекта коммерциализации (рыночные преимущества и перспективы).

Оценивая коммерческую ценность инновации, стоит учитывать, что довольно часто результаты интеллектуальной, научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности имеют межотраслевой характер, а, следовательно, и потенциальных потребителей сразу в нескольких отраслях. Приведем некоторые примеры иного применения технологии:

природные пищевые красители могут использоваться и в текстильной промышленности; на основе дизайна шасси самолета создали первую складную коляску; лазер как одно из значимых изобретений XX века нашел свое применение в самых разных сферах (измерение расстояния, фотохимия, намагничивание, сварка, оружие, нагревание и охлаждение, медицина); технология блокчейн сегодня применяется не только в цепочках поставок, но и в медицине, энергетике, финансовой сфере, предпринимаются попытки использования при охране интеллектуальной собственности.

Поиск способов тиражирования интеллектуального продукта является одной из особенностей маркетинга, т.к. объекты интеллектуальной собственности могут многократно продаваться на различных рынках разным потребителям, что дает мультипликацию доходов.

Кроме того, изначально результат исследований и разработок может быть оценен как высокозатратный и низкоприбыльный, но при этом иметь существенные социальные последствия. Например, введение цифровых услуг в госсекторе привело к созданию новых специальностей и рабочих мест, развитию ИТ-индустрии, экономии времени при решении бюрократических вопросов.

Другой задачей маркетинга на данном этапе жизненного цикла инновационного процесса является формирование спроса на будущий инновационный продукт. Особенно это актуально для российского рынка, где со спросом на инновации есть проблемы. Многие инновации не находят своего сбыта из-за низкого уровня благосостояния большей части потребителей, технологической отсталости промышленных предприятий, невосприимчивости бизнеса к инновациям.

Уровень инновационной активности российских предприятий значительно уступает показателям стран – лидеров в этой сфере. В среднем, доля инновационных предприятий стран-членов Европейского союза составляет 49,1% [9],

в России в 2021 г. 11,9% [10]. Удельный вес инновационной продукции в общем объеме отгруженных товаров (выполненных работ и услуг) составляет 5,5%. Для сравнения, в Бельгии – 15,7%, в Германии – 14,8%. При этом уровень новизны российской инновационной продукции уступает европейской, большинство начинающих предпринимателей изначально ориентируются на локальный рынок своего района, города или области, даже в случае наличия инновационного потенциала. Только у 4,6% компаний бизнес связан с высокими технологиями [11, с. 66, 68]. Даже у ведущей российской компании в сфере нанотехнологий «Роснано» доля экспортной выручки составляет только 25%, еще меньше она в «Сколково» – 12 % [12].

Консалтинговая компания КПМГ и Агентство стратегических инициатив в 2020 г. провели опрос [13] в отношении причин сложностей с внедрением инноваций. Среди опрошенных 148 крупных российских предприятий только 51% выполняли проекты по внедрению инноваций или цифровой трансформации. Самые инновационные индустрии в России относятся к отраслям производства летательных и космических аппаратов, медицинской техники [14]. Главными целями в работе с инновациями респонденты назвали следующие:

- защита текущего положения на рынке (31%),
- повышение операционной эффективности (20%),
- использование инструментов PR (14%),
- выход на новые рынки и выпуск новых продуктов (2%).

Инструменты маркетинга, которые будут способствовать формированию спроса на инновации, зависят от предполагаемого способа ее использования и должны быть согласованы с бизнес-моделью, которую выбрал менеджмент в качестве более эффективного пути монетизации инновации. Результаты исследований BCG (2009 и 2013 г.) и IBM (2012 г.) показывают, что успех компании во внедрении инновации зависит от умения применить соответствующую бизнес-модель, в частности:

- 56% наиболее новаторских компаний в мире применяют инновационные бизнес-модели,
- лидеры обновляют свою бизнес-модель в 2 раза чаще, чем отстающие компании,
- компании получают на 6% больше прибыли, если используют новаторскую бизнес-модель, не ограничиваясь усовершенствованием продуктов или процессов,
- 60% компаний сообщают об увеличении прибыли от внедрения инновации благодаря выбору соответствующей бизнес-модели [15, с. 17–18].

Также задачей маркетинга на данном этапе является установление цен.

Реальная стоимость готового инновационного продукта будет определяться конъюнктурой рынка.

Если менеджментом принимается решение о коммерциализации объекта интеллектуальной собственности, воплощенного в инновации, для определения рыночной стоимости применяются в совокупности три подхода к оценке: затратный, рыночный и сравнительный. При этом применимость подходов к оценке стоимости объекта интеллектуальной собственности на разных стадиях жизненного цикла разная (рисунок 2).

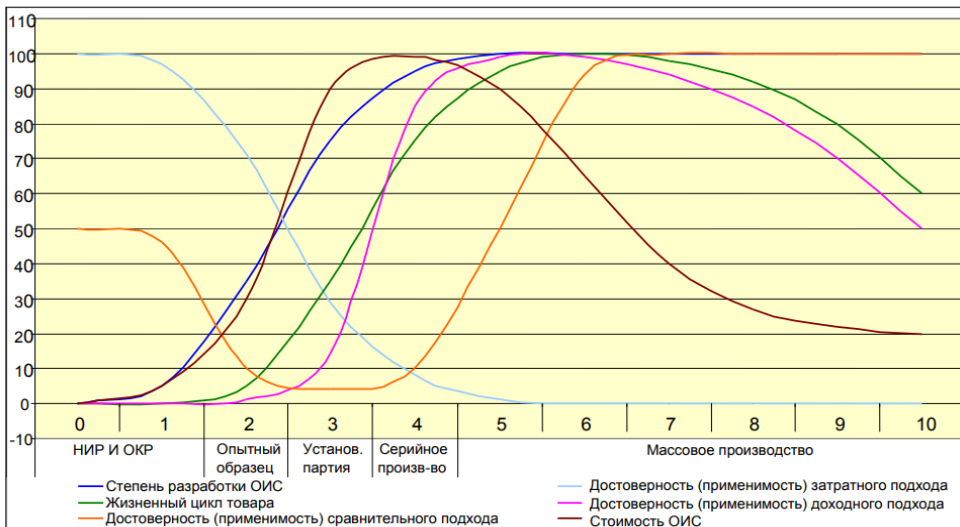

Рис. 2. Жизненный цикл инновации и применимость подходов к оценке ее рыночной стоимости [16, с. 25]

Максимально достоверны следующие методы:

- рыночного (сравнительного) подхода на стадии массового производства,
- затратного подхода на стадии научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок,
- доходного подхода на стадиях «опытный образец – установочная партия» и серийное производство.

Далее, на рыночной стадии инновационного процесса, для принятия управленческих решений более важное значение приобретают инструменты операционного маркетинга, которые направлены на стимулирование спроса на конечные результаты научных исследований и разработок, ускорение развития рынка, максимизацию выгоды от новшества. Используются стратегии продвижения (Marketing Pull и Technology Push), выбор которых зависит от вида инновации (вторичная или передовая, соответственно). Применяются особые каналы маркетинговых коммуникаций (в том числе для привлечения инвестиций): конференции, научные форумы, профессиональные сообщества и взаимодействие на рынке интеллектуальной собственности через различные цифровые платформы (IPEX, IP-Maris, «НТИ-Экспо» и т.п.). При стимулировании сбыта инновационной продукции учитываются особенности рынка инновационных технологий (которые могут обращаться как на рынке «бизнес для клиента», так и на рынке «бизнес для бизнеса») и характер отклика потребителей на инновацию, с учетом теории «диффузии инновации». В рекламной кампании используются результаты теоретических исследований и разработок, влияющих на имидж.

По мере роста рынка и перехода к фазе зрелости маркетинг помогает решать управленческие задачи удержания принадлежащей фирме доли рынка, в целях пролонгирования зрелости и избегания стадии спада. Важное значение в маркетинге приобретает так называемый «брендинг»,

обеспечивающий «переход ценности» от уникальных технологических характеристик инновации к бренду. Используются инструменты «открытых инноваций» при поиске идей для новых инновационных проектов.

В заключение отметим следующее.

Маркетинг является составной частью управления инновационной деятельностью организации.

На дорыночном этапе инновационного процесса к маркетингу следует относиться как к части стратегического бизнес-планирования, который помогает формировать перспективный спрос на инновацию, поскольку:

- маркетинговые исследования рынка ориентированы на долгосрочную перспективу. Часто возникает значительный временной разрыв между появлением результата интеллектуальной деятельности и его воплощением в инновационном товаре, признанием потребителем и получением коммерческой выгоды от использования; борьба за высокую добавленную стоимость еще не созданного рыночного продукта может разворачиваться не только между промышленными компаниями, но и между центрами превосходства (университетами, исследовательскими центрами и стартапами);
- надлежащий анализ патентной информации может дать представление о стратегиях потенциальных конкурентов, о технологических тенденциях, снизить риски нарушения чужих прав интеллектуальной собственности;
- технологический аудит и стратегии формирования спроса позволяют создать полную картину товарного предложения в будущем. Некоторые незначительные недоработки инновационного решения могут нивелировать полезность самой инновации (например, как в случае с терминалами самообслуживания – невозможность получения сдачи). Довольно часто

коммерческий успех товара-новинки напрямую зависит от хорошей организации послепродажного сервиса.

Вышеперечисленные маркетинговые инструменты – важные составляющие эффективного управления инновационной деятельностью организации, которые призваны снизить риски финансовых потерь, и могут способствовать развитию рынка интеллектуальной собственности.

Список источников

1. Семеркова Л.Н., Геращенко С.М., Геращенко М.М. Маркетинговый подход к коммерциализации инноваций в вузе // Экономика и образование. Серия «Экономика и управление». 2015. № 3. Т. 14. С. 496–513.
2. Малькова И.В. Инновационные методы маркетинговых исследований: Материалы I Международной научно-практической конференции «Инновационная экономика и менеджмент». – М.: Перо. 2017. С. 134–140.
3. Саранчукова В.А., Соболева Е.Д. и др. Природа, противоречия и перспективы процессов глобализации начала XXI века: монография (глава 5.10 «Технологическая конкуренция – одна из составляющих трилеммы развития российских предприятий»). – М.: Финансовый университет. 2020. С. 486–498.
4. Бурлаков В.В. Маркетинг как инструмент управления латентностью инноваций // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 3-1. С. 21–26.
5. Центр статистических данных по интеллектуальной собственности. Сайт ВОИС. [Электронный ресурс] URL:<https://www3.wipo.int/ipstats/> (дата обращения: 10.10.2022).
6. Борисов А.Б. Новый продукт: причины неудач и ключевые факторы успеха // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Том 11. № 8. С. 2027–2044.
7. Исследование BCG 2020 года. [Электронный ресурс] URL:https://www.digital-energy.ru/wp-content/uploads/2020/11/2_5312072541613852992.pdf (дата обращения: 12.10.2022).

8. Скляренко Р.П. Структура рынка наукоемкой продукции // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2017. № 3. С. 65–76.
9. Евростат. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL:https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Europe_2020_indicators_-_R%26D_and_innovation&oldid=335438#cite_ref-21 (дата обращения: 11.10.2022).
10. Росстат. Официальный сайт [Электронный ресурс] URL:<https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (дата обращения: 10.10.2022).
11. Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2021/2022. [Электронный ресурс] URL:https://gsom.spbu.ru/images/1/1/otchet_2022_final_1.pdf (дата обращения: 13.10.2022).
12. Соколов А. Институты развития провалили инновации // Ведомости. 02.03.2021. [Электронный ресурс] URL:<https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/03/01/859742-instituti-razvitiya> (дата обращения: 10.10.2022).
13. Подцероб М., Вербицкая (Петрова) Ю. Как крупнейшие компании внедряют инновации // Ведомости. 25.09.2020. [Электронный ресурс] URL:<https://www.vedomosti.ru/management/articles/2020/09/24/841148-krupneishie-kompanii> (дата обращения: 10.08.2022).
14. Исследование Агентства стратегических инициатив и КПИМГ открытости российских компаний к инновациям, 2020 г. [Электронный ресурс] URL:<https://asi.ru/news/153157/> (дата обращения: 10.10.2022).
15. Чик М., Франкенбергер К. Бизнес-модели: 55 лучших шаблонов. – М.: Альпина Паблишер. 2022. 432 с.
16. Ивлиева Н.Н., Шишляев Д.В. Основы оценки стоимости нематериальных активов и интеллектуальной собственности. – М.: Московская финансово-промышленная академия. [Электронный ресурс] URL:http://www.cons-s.ru/media/matherials/lec_nma.pdf (дата обращения: 01.10.2022).

References

1. Semerkova L.N., Gerashchenko S.M., Gerashchenko M.M. Marketingovyj podhod k kommercializacii innovacij v vuze.

- Ekonomika i obrazovanie. Seriya ekonomika i upravlenie.* 2015. 3. T. 14. S. 496–513 (in Russ.).
2. Mal'kova I.V. Innovacionnye metody marketingovyh issledovanij: I Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Innovacionnaya ekonomika i menedzhment». Moskva: Pero. 2017. S. 134–140 (in Russ.).
 3. Saranchukova V.A., Soboleva E.D. Priroda, protivorechiya i perspektivy processov globalizacii nachala XXI veka: monografiya (glava 5.10 Tekhnologicheskaya konkurenciya – odna iz sostavlyayushchih trilemmy razvitiya rossijskih predpriyatij). Moskva: Finansovyy universitet. 2020. S. 486–498 (in Russ.).
 4. Burlakov V.V. Marketing kak instrument upravleniya latentnost'yu innovacij. *Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava.* 2019. 3-1. S. 21–26 (in Russ.).
 5. Centr statisticheskikh dannyh VOIS po intellektual'noj sobstvennosti [online] URL:<https://www3.wipo.int/ipstats/> (10.10.2022) (in Russ.).
 6. Borisov A.B. Novyj produkt: prichiny neudach i klyucheveye faktory uspekha. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo.* 2021. T. 11. № 8. S. 2027–2044 (in Russ.).
 7. Issledovanie BCG 2020 g. [online] URL:https://www.digital-energy.ru/wp-content/uploads/2020/11/2_5312072541613852992.pdf (12.10.2022) (in Russ.).
 8. Sklyarenko R.P. Struktura rynka naukoemkoj produkcii. *Vestnik Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta.* 2017. № 3. S. 65–76 (in Russ.).
 9. Evrostat [online] URL:https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Europe_2020_indicators_-_R%26D_and_innovation&oldid=335438#cite_ref-21 (11.10.2022) (in Russ.).
 10. Rosstat [online] URL:<https://rosstat.gov.ru/statistics/science> (10.10.2022) (in Russ.).
 11. Global'nyj monitoring predprinimatel'stva. Rossiya 2021/2022 (online) URL:https://gsom.spbu.ru/images/1/1/otchet_2022_final_1.pdf (13.10.2022) (in Russ.).
 12. Sokolov A. Instituty razvitiya provalili innovacii. *Vedomosti.* 2021. [online] URL:<https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/03/01/859742-instituti-razvitiya> (10.10.2022) (in Russ.).

13. Podcerob M., Verbickaya (Petrova) Yu. Kak krupnejshie kompanii vnedryayut innovacii. *Vedomosti*. 2020. [online] URL:<https://www.vedomosti.ru/management/articles/2020/09/24/841148-krupneishie-kompanii> (10.08.2022) (in Russ.).
14. Issledovanie Agentstva strategicheskikh iniciativ i KPMG otkrytosti rossijskikh kompanij k innovaciyam 2020 g. [online] URL:<https://asi.ru/news/153157/> (10.10.2022) (in Russ.).
15. Chik M., Frankenberger K. *Biznes-modeli: 55 luchshih shablonov*. Moskva: Al'pina Pablisher. 2022. 432 s. (in Russ.).
16. Ivlieva N.N., Shishlyaev D.V. *Osnovy ocenki stoimosti nematerial'nyh aktivov i intellektual'noj sobstvennosti*. Moskva: Moskovskaya finansovo-promyshlennaya akademiya [online] URL:http://www.cons-s.ru/media/matherials/lec_nma.pdf (01.10.2022) (in Russ.).

Статья поступила 17.10.2022, принята к публикации: 25.10.2022.

© Васильева Ю.С., 2022

ПРОМЫШЛЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Использование патентной информации при исследовании тенденций развития объекта техники

Научная статья
УДК 347.78

Александр Владимирович Шиванов ¹,
Алексей Сергеевич Степанов ²,
Екатерина Геннадьевна Криуле ³

^{1, 2, 3} Акционерное общество «Центральный
научно-исследовательский институт машиностроения»,
Королев, Россия

¹ кандидат технических наук,
ShivanovAV@tsniimash.ru

² кандидат технических наук,
StepanovAS@tsniimash.ru

³ кандидат экономических наук,
KriuleEG@tsniimash.ru

Аннотация. В статье рассмотрен государственный стандарт по проведению патентных исследований, проанализирована научно-методическая и учебная литература на предмет наличия порядка и методики исследования тенденций развития

объекта техники на основе патентной информации. Сформулированы предложения по использованию информации, содержащейся в патентах, для выявления тенденций развития объектов техники.

Ключевые слова: патентное право, патент, техническое решение, объект техники, патентные исследования, тенденция развития, ГОСТ Р 15.011-2022.

Для цитирования: Шиванов А.В., Степанов А.С., Криюле Е.Г. Использование патентной информации при исследовании тенденций развития объекта техники // Копирайт. 2022. № 4. С. 110–122.

Application of patent information in research of trends in the development of an object of technology

Aleksandr V. Shivanov ¹,
Aleksey S. Stepanov ²,
Ekaterina G. Kriule ³

^{1,2,3} Joint Stock Company Central Research Institute
for Machine Building, Korolev, Russia

¹ Ph.D of Technical Sciences,
ShivanovAV@tsniimash.ru

² Ph.D of Technical Sciences,
StepanovAS@tsniimash.ru

³ Ph.D in Economics,
KriuleEG@tsniimash.ru

Abstract. *The article considers the state standard for conducting patent research, scientific, methodological and educational literature for the presence of the established procedure and methodology*

for studying trends in the development of an object of technology based on patent information. Based on the results of the analysis, proposals were formed on the use of information contained in patents to identify trends in the development of technology objects.

Key words: patent law, patent, technical solution, object of technology, patent research, development trend, GOST R 15.011-2022.

For citation: Shivanov A.V., Stepanov A.S., Kriule E.G. Application of patent information in research of trends in the development of an object of technology // Copyright. 2022. No. 4. P. 110–122.

Согласно приказу Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии (Росстандарт) от 08.06.2022 № 453-ст 19 сентября 2022 г. введен в действие национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 15.011-2022 «Система разработки и постановки продукции на производство. Патентные исследования. Содержание и порядок проведения» (далее – ГОСТ Р 15.011-2022). Указанный стандарт определяет единые требования к содержанию и порядку патентных исследований на территории Российской Федерации при проведении научно-исследовательских, опытно-конструкторских и других работ по государственным контрактам, контрактам (договорам), а также в рамках работ, реализуемых за счет собственных средств разработчиков.

При выборе направления исследования на начальном этапе создания и разработки конкурентоспособного объекта техники важная роль отводится проведению патентных исследований, в частности, анализу мирового уровня техники и выявлению тенденций ее развития. При проведении патентных исследований источниками данных, служащих основой для любых выводов и заключений, являются результаты анализа следующих видов информации: патентной, научно-технической и иной достоверной информации о передовых научно-технических достижениях в области техники.

В зависимости от объекта и целей исследований определяется характер и объем анализируемой информации.

Опыт авторов данной статьи по проведению экспертизы отчетов о патентных исследованиях, выполненных по государственным контрактам, свидетельствует о следующем. Исполнители работ достаточно успешно осуществляют как поиск научно-технической информации по объекту исследования, так и поиск соответствующей патентной информации, отражающей изобретательскую активность промышленно развитых стран. Однако, как правило, проведение анализа патентной информации, в части выявления тенденций развития объекта техники, вызывает определенные трудности. В большинстве случаев в отчетах о патентных исследованиях констатируются лишь тенденции развития объекта техники, заимствованные из имеющихся у исполнителя наработок в данной области или основанные только на анализе научно-технической информации. При этом патентная информация – техническая информация, содержащаяся в патентах (в описаниях, рефератах, чертежах, формулах), – остается не в полной мере исследована. Следует отметить, что именно патентная информация содержит в себе объективные сведения о технических решениях, разработанных как российскими, так и зарубежными компаниями (физическими лицами), которые соответствуют критериям патентоспособности (изобретательский уровень, новизна, промышленная применимость), на разработку и обеспечение правовой охраны которых затрачены значительные ресурсы (интеллектуальные, материальные, финансовые и др.).

Сложившаяся ситуация вызвана рядом причин, основными из которых являются относительная сложность исследования тенденций развития объекта техники и недостаточная методическая проработка данного вопроса в научно-методической, учебной литературе, ГОСТ и др. документах, связанных с проведением патентных исследований.

В новом ГОСТ Р 15.011-2022 тенденциям развития также не уделено должного внимания – упоминается только «выявление тенденций», «определение тенденций», «реализующие тенденции», «тенденции развития». При этом не раскрыто само понятие «тенденции развития объекта исследования», не приведено четкое описание порядка выявления тенденций развития на основе патентной информации. Представленная в ГОСТ Р 15.011-2022 «Форма Г. 1.2 – Тенденции развития объекта исследования» (см. таблицу 1), также не содержит какой-либо методической информации и не определяет порядок проведения соответствующего вида исследований, что также не способствует осуществлению должным образом анализа патентных источников на предмет выявления тенденции развития.

Таблица 1

**Форма Г. 1.2 – Тенденции развития
объекта исследования [1]**

Выявленные тенденции развития объекта исследования	Источники информации	Технические решения, реализующие тенденции	
		в объектах организаций	в исследуемом объекте
1	2	3	4

В предыдущем ГОСТ Р 15.011-96 [2], действующем с 1996 по 2022 гг., также была представлена только «Форма Г. 1.2 – Тенденции развития объекта исследования», аналогичная представленной в таблице 1. Порядок исследования патентной информации для выявления тенденции развития объекта в документе отражен не был.

В Методических рекомендациях по проведению патентных исследований [3], одобренных в свое время Госкомизобретений СССР, вопрос по проведению патентных исследований на определение тенденций развития объекта техники

был освещен наиболее полно и наукоемко. Так, для выявления тенденций в части изменений потребительских свойств различных видов техники предлагалось использовать два методических подхода – по темпу изменения потребительских свойств и с применением метода гистограмм. По данным методикам предполагалось осуществлять выборку и последующую аккумуляцию сведений о потребительских свойствах объектов техники из таких источников информации, как статьи в периодических изданиях, рекламные публикации. Результаты исследований по выявлению тенденций развития техники, согласно указанным методическим рекомендациям, целесообразно оформлять в соответствии с формой 1.3 отчета о патентных исследованиях, представленной в таблице 2. При этом предложенные методические подходы не предполагают выявление тенденций развития объекта техники непосредственно из патентной информации.

Таблица 2

Форма 1.3 – отчет о патентных исследованиях [3]

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ДАННОГО ВИДА ТЕХНИКИ					
Основные тенденции развития данного вида техники и направления поиска ведущих организаций (фирм)	Источники информации, подтверждающие тенденции и направления (в том числе, номера охраняемых документов)			Средства реализации тенденций	
				в объектах ведущих организаций (фирм)	в объекте разработки
1	2			3	4
			Технический уровень и тенденции развития техники		
				Отчет о патентных исследованиях	

В учебно-методическом пособии по проведению патентных исследований [4] для исследования тенденций развития отдельных технических направлений, связанных с совершенствованием продукции конкретного вида, используется метод анализа изобретательской активности.

В соответствии с этим методом на основании полученных из патентных источников информации данных строятся динамические (кумулятивные динамические) ряды патентования, отражающие рост общего количества изобретений по выявленным техническим направлениям. На основании сформированных рядов патентования определяются кривые динамики изобретательской активности, которые также отражаются графически и характеризуют конкретное техническое направление. Пример графического отображения указанных кривых по двум направлениям приведен на рисунке.

Кривые динамики изобретательской активности позволяют провести анализ и выявить перспективы развития того или иного направления техники.

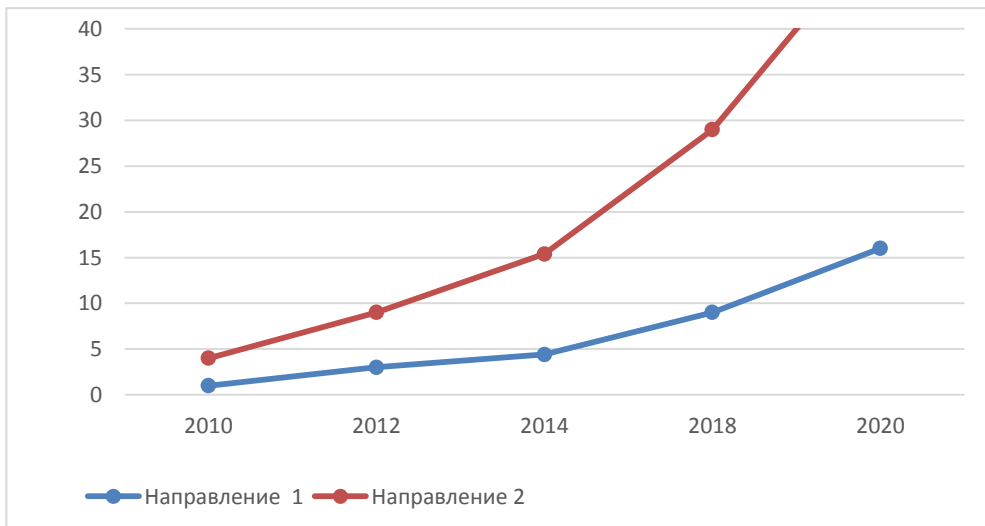

Рис. Пример графического отображения кривых динамики изобретательской активности по двум научно-техническим направлениям [4]

Однако предложенный методический подход по выявлению тенденций развития объекта техники также не использует патентную информацию.

В методических рекомендациях по проведению патентных исследований [5] для выявления тенденций развития объектов техники по патентным источникам информации используется следующий подход. По всем отобранным по объекту исследования изобретениям, защищенным патентами, выявляются цели таких технических решений и средств их достижения. На основании полученных данных строится матрица (таблица), содержащая сведения об описаниях изобретений в терминах «цели изобретений – средства достижения цели», форма которой приведена в таблице 3.

Таблица 3

**Матрица описаний технических решений
«цели изобретений – средства достижения цели» [5]**

Средства достижения цели	Цели изобретений		
	Ц ₁	...	Ц _n
Ср ₁
...
Ср ₁

Приведенная форма матрицы (таблица 3) позволяет отразить все существующие технические направления разработки объектов исследования [5]. Для выявления указанных направлений необходимо провести группировку охраняемых документов по используемым в них техническим средствам, позволяющим достичь заявленной цели. Согласно [5] сопоставление целей и технических средств их достижения и является основой исследований тенденций развития. Сравнение выявленных направлений развития по динамике изобретательской активности с учетом основных факторов современного производства позволяет определить перспективность той или иной тенденции.

С учетом анализа рассмотренных выше подходов к исследованию патентной информации для выявления тенденций развития объекта техники можно сделать следующие выводы.

Анализ технической информации, содержащейся в описаниях, рефератах, чертежах и формулах патентных документов, позволяет обозначить тенденции развития объекта техники и его составных частей. Согласно Методическим рекомендациям по проведению патентных исследований [3], выявленная закономерность развития техники называется тенденцией, которая характеризуется направлениями и темпами развития.

«Для выявления тенденций развития технологий необходимо:

определить номенклатуру потребительских свойств функционально однородного вида исследуемых объектов, в том числе свойств, наиболее подверженных изменениям;

определить возможные направления развития данного вида объектов (технических решений), обеспечивающих улучшение их потребительских свойств;

проанализировать информацию по каждому направлению с целью определения динамики развития» [3].

Потребительские свойства исследуемых объектов техники, которые наиболее часто совершенствуются, как правило, реализуются в технических решениях, обеспечивающих улучшение потребительских свойств.

Эти технические решения дают необходимый эффект (цель изобретений, улучшаемый технико-экономический показатель), являющийся необходимым условием изобретения.

С учетом сказанного выше, для выявления тенденций развития объекта техники по патентной информации предлагается осуществлять следующие мероприятия.

1. Первоначально выявляются «цели изобретений», которые отражаются в матрице описаний технических решений в терминах «№ патентов – цель изобретений» по форме таблицы 4.

Таблица 4

**Матрица описаний технических решений в терминах
«№ патентов – цель изобретений»**

№ патентов	Цели изобретений		
	Ц ₁	...	Ц _n
№ П ₁
...
№ П ₁

2. На основании анализа патентов изобретений по данному объекту техники, связанных с конкретной целью Ц_i, определяется коэффициент весомости каждой Ц_i по формуле:

$$КЦ_i = \sum N_i / \sum N,$$

где $\sum N_i$ – сумма патентов по *i*-й цели;

$\sum N$ – сумма патентов по всем целям.

3. На основании рассчитанных коэффициентов весомости КЦ_i формируется профиль целей изобретений Ц_i, представленный в таблице 5.

Таблица 5

Профиль целей изобретений

№ п/п	Цели изобретений	Коэффициенты весомости целей
1	Ц ₁	КЦ ₁
2
3	Ц _n	КЦ _n

Для дальнейшего анализа целесообразно использовать патенты с максимальным коэффициентом весомости цели изобретения. Потребительские свойства технических решений в этих патентах наиболее подвержены изменениям, именно они будут определять тенденции развития объекта техники.

4. Строится матрица описаний технических решений в терминах «средства достижения цели – цель изобретений». Возможная форма матрицы «средства достижения цели – цели изобретений» приведена в таблице 3. С учетом сказанного выше в таблицу необходимо занести наиболее весомые цели изобретений и средства их достижения.

5. Формируется матрица описаний технических решений в терминах «средства достижения цели – объект техники и его составные части» по форме таблицы 6.

Таблица 6

**Матрица описаний технических решений в терминах
«средства достижения цели – объект техники
и его составные части»**

Средства достижения цели	Объект техники и его составные части		
	O_1	...	O_n
$Ср_1$
...
$Ср_1$

Анализ данных, представленных в таблице 6, позволяет выявить объект техники и его составные части, которые наиболее подвержены изменению, совершенствованию и определяют направления тенденций их развития. Кроме того, из таблицы 6 также видно, за счет каких технических решений (средств достижения цели) будут реализовываться выявленные тенденции развития объекта техники.

Подводя итог сказанному выше, следует сделать вывод о том, что патентная информация содержит необходимые данные о развитии и совершенствовании объектов техники, ее составных частей. Правильное использование патентной информации позволит повысить достоверность выявленных по результатам проведенных исследований тенденций развития объекта техники.

Проведение патентных исследований тенденций развития объекта техники на основе патентной информации должно найти свое дальнейшее отражение в государственных стандартах, отраслевых нормативных правовых актах, соответствующей научно-методической и учебной литературе.

Список источников

1. ГОСТ Р 15.011-2022. Система разработки и постановки продукции на производство. Патентные исследования. Содержание и порядок проведения». [Электронный ресурс]. URL:https://allgosts.ru/03/140/gost_r_15.011-2022/ (дата обращения: 24.08.2022).
2. ГОСТ Р 15.011-96. Система разработки и постановки продукции на производство. Патентные исследования. [Электронный ресурс]. URL:<http://vsegost.com/Catalog/25/2501.shtml> (дата обращения: 24.08.2022).
3. Методические рекомендации по проведению патентных исследований. М.: ВНИИПИ, 1988. 142 с.
4. Практикум по патентным исследованиям: учебно-методическое пособие / Скорняков Э.П., Горбунова М.Э. – М.: ИНИЦ «Патент», 2011. 183 с.
5. Методические рекомендации по использованию патентной информации в процессе создания и введении в хозяйственный оборот объектов научно-технической деятельности. – М.: Миннауки России, 2000.

References

1. GOST R 15.011-2022. Sistema razrabotki i postanovki produkcii na proizvodstvo. Patentnye issledovaniya. Soderzhanie i poryadok provedeniya». [online]. URL:https://allgosts.ru/03/140/gost_r_15.011-2022/ (24.08.2022) (in Russ.).
2. GOST R 15.011-96. Sistema razrabotki i postanovki produkcii na proizvodstvo. Patentnye issledovaniya. [online]. URL:<http://vsegost.com/Catalog/25/2501.shtml> / (24.08.2022) (in Russ.).
3. Metodicheskie rekomendacii po provedeniyu patentnyh issledovaniy. Moscow: VNIPI Publ., 1988. 142 (in Russ.).

4. *Praktikum po patentnym issledovaniyam: uchebno-metodicheskoe posobie* / Skornyakov E.P., Gorbunova M.E. Moscow: *INIC Patent Publ.*. 2011. 183 (in Russ.).
5. *Metodicheskie rekomendacii po ispol'zovaniyu patentnoj informacii v processe sozdaniya i vvedenii v hozyajstvennyj oborot ob"ektov nauchno-tekhnicheskoj deyatel'nosti.* – Moscow: *Minnauki Rossii Publ.* 2000 (in Russ.).

Статья поступила 14.11.2022, принята к публикации: 01.12.2022.

© Шиванов А.В., Степанов А.С., Криуле Е.Г., 2022.

ПРОМЫШЛЕННАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Понятия товарного знака и промышленного образца в разных странах

Научная статья

УДК 347.772; 347.773

Вера Васильевна Орлова ¹,
Олег Витальевич Ревинский ²

^{1,2} Москва, Россия

¹ Государственное бюджетное учреждение «Альмега»,
специалист по социально-воспитательной работе,
verusykt@mail.ru

² Российская государственная академия
интеллектуальной собственности,
кандидат юридических наук,
профессор кафедры патентного права
и правовой охраны средств индивидуализации,
o_revinski@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются понятия «товарный знак» и «промышленный образец». Даются определения, отраженные в законодательствах России, Китая и Южной Кореи. Делается вывод о сходстве и различиях формулировок

понятийного аппарата, предлагается внести некоторые изменения в законодательство России.

Ключевые слова: товарный знак, промышленный образец, понятийный аппарат, законодательство.

Для цитирования: Орлова В.В., Ревинский О.В. Понятия товарного знака и промышленного образца в разных странах // Копирайт. 2022. № 4. С. 123–133.

Concepts of Trademark and Design in Various Countries

Vera V. Orlova ¹,
Oleg V. Revinskiy ²

^{1,2} Moscow, Russia

¹ SFO Almega, social-moral work specialist,
verusykt@mail.ru

² Russian State Academy of Intellectual Property,
PhD in Law, Professor of the Department of Patent Law
and Legal Protection of Means of Individualization,
o_revinski@mail.ru

Abstract. *The article considers the concepts of «trademark» and «design». Definitions reflected in legislations of Russia, China and South Korea are given. A conclusion is made on similarities and differences of conceptual framework expressions, as well as proposals are given on introducing amendments to the Russian legislation.*

Key words: trademark, design, conceptual framework, legislation.

For citation: Orlova V.V., Revinskiy O.V. Concepts of Trademark and Design in Various Countries // Copyright. 2022. No. 4. P. 123–133.

Внешний вид изделия, как известно, охраняется патентом на промышленный образец. Но чтобы определенное изделие имело популярность на рынке, необходимо придать товару различительную способность среди десятков или даже сотен других. Для этого служит такое средство индивидуализации товаров, как товарный знак.

И внешний вид изделия, и его товарный знак воспринимаются потребителем в первую очередь, и сопоставление этих двух объектов интеллектуальных прав весьма актуально.

Как в российском, так и в международном праве постоянно идут поиски наиболее эффективных способов охраны интеллектуальной собственности. Поэтому законодательство о промышленных образцах и товарных знаках совершенствуется и унифицируется.

В законодательстве разных стран близкие по смыслу понятия могут раскрываться по-разному. В этой связи интерес представляет анализ правовой базы Российской Федерации (далее – Россия), Южной Кореи и Китайской Народной Республики (далее – Китай) в сфере охраны промышленных образцов и товарных знаков.

В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ), товарный знак – это обозначение, цель которого – обеспечить различие между товарами или услугами разных производителей. Согласно ст. 1477 ГК РФ, на товарный знак, т.е. на обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, признается исключительное право, удостоверяемое свидетельством. Зарегистрировать свои права на товарный знак имеют возможность юридические лица и индивидуальные предприниматели (ст. 1478 ГК РФ). При этом использование охраняемого обозначения, на которое получено свидетельство на товарный знак, является обязательным требованием. В случае неиспользования товарного

знака непрерывно в течение трех лет его правовая охрана может быть прекращена досрочно (ст. 1486 ГК РФ).

В свою очередь, промышленный образец, согласно п. 1 ст. 1352 ГК РФ, – это решение внешнего вида изделия промышленного или кустарно-ремесленного производства. Промышленному образцу предоставляется правовая охрана, если он является новым и оригинальным по своим существенным (или основным) признакам. К таким признакам относят эстетические особенности внешнего вида изделия, в частности, форму, конфигурацию, орнамент, сочетание цветов, линий, контуры изделия, текстуру или фактуру материала изделия.

Зачастую между промышленным образцом и товарным знаком имеется сходство. Заключается оно в том, что визуально объекты могут быть идентичны, и часто один и тот же объект способен выступать и в качестве промышленного образца, и в качестве товарного знака. Например, когда промышленный образец может быть зарегистрирован как объемный товарный знак или содержит в своем составе товарный знак (элемент знака), который может принадлежать другому лицу. Однако, несмотря на визуальную идентичность, эти два объекта интеллектуальной собственности имеют абсолютно разные назначения и предоставляемый объем правовой охраны.

При всей схожести этих объектов между ними существуют и заметные различия, главное из которых – срок действия. Свидетельство на товарный знак действует бессрочно при условии продления каждые 10 лет (ст. 1491 ГК РФ). Что касается срока охраны промышленных образцов, то в России он составляет 5 лет с даты подачи заявки на патент с правом неоднократного продления на тот же срок, но при этом общий «цикл» действия данного патента не должен превышать 25 лет (ст. 1363 ГК РФ) [1].

Еще одно отличие заключается в том, что товарный знак отвечает за узнаваемость бренда в целом, а промышленный

образец – за конкретный дизайн вещи, т.е. художественно-конструкторское решение ее внешнего вида.

Рассмотрим соответствующие законы Китая и Южной Кореи.

В Китае в качестве товарного знака может быть зарегистрировано любое визуальное изображение, состоящее из слов, изображений, букв, чисел, трехмерных символов, комбинаций цветов или комбинацией всего вышеперечисленного, а также звуковой товарный знак [2].

Исключительное право на использование зарегистрированного товарного знака ограничивается товарными знаками, зарегистрированными после выдачи свидетельства, и товарами, использование товарного знака для которых указано в самом свидетельстве.

Получить свидетельство может как юридическое лицо, так и физическое лицо (даже без оформления индивидуального предпринимательства). При этом использование обозначения в качестве своего товарного знака обязательно. Срок действия свидетельства (или сертификата) на товарный знак в Китае составляет 10 лет с момента его регистрации и может быть продлен по истечении этого времени еще на десятилетний период при условии подачи соответствующего ходатайства и оплаты пошлины за продление.

Промышленный образец по законодательству Китая характеризуется любым новым очертанием формы, конфигурации, цветом или сочетанием этих элементов в продукте, который создает эстетическое впечатление и пригоден к промышленному применению. Срок действия патента на промышленный образец составляет 15 лет с даты подачи заявки (что является основным различием с российским законодательством) [3].

В законодательстве Южной Кореи можно найти следующие положения относительно товарных знаков и промышленных образцов.

Согласно Закону о товарных знаках Южной Кореи (далее – Закон), товарный знак регистрируется в отношении всех разумных методов выражения, используемых для того, чтобы отличить товары одного производителя от товаров другого¹. Однако, поскольку трудно защитить все такие методы юридически, Закон устанавливает ограничения на охраняемые составляющие товарного знака. Ранее эти составляющие ограничивались символом, буквой, диаграммой, трехмерной формой или любой их комбинацией, а также цветовыми комбинациями знака. С 1 июля 2007 г. охрана расширилась, включив в себя знак, образованный одним цветом или комбинацией цветов, голограмм, движущийся и всех типов визуально узнаваемых знаков.

Любое физическое или юридическое лицо, которое использует или намеревается использовать товарный знак в Южной Корее, может подать заявку на регистрацию товарного знака. Хотя Закон принял систему регистрации, заявитель должен иметь добросовестное намерение использовать свой товарный знак в Южной Корее. Тем не менее товарные знаки, которые не используются, также должны быть зарегистрированы. В то же время они будут подлежать аннулированию, если остаются неиспользованными в течение трех или более лет подряд после их регистрации.

Срок действия права на товарный знак начинается в момент регистрации и заканчивается через 10 лет. Тем не менее, срок может быть продлен каждые 10 лет через заявление о продлении. При этом в законодательстве есть ремарка, согласно которой не требуются доказательства использования обозначения.

Если зарегистрированный знак не использовался владельцем или его лицензиатом для обозначенных товаров в Южной Корее в течение периода, превышающего три года,

¹ См.: Национальный центр правовой информации / Перевод на английский язык. [Электронный ресурс] URL:law.go.kr.

без уважительной причины, может быть возбужден иск об аннулировании знака [4].

Термин «промышленный образец» включает в себя дизайн продукта, дизайн упаковки, дизайн окружающей среды, визуальный дизайн, дизайн услуг и т.д. Закон устанавливает, что и любое лицо (и юридическое, и физическое) вправе зарегистрировать промышленный образец². При этом отдельно говорится, что ни один несовершеннолетний человек или лицо, находящееся под ограниченной опекой, не может подать заявление или иск или инициировать любую другую процедуру в отношении регистрации дизайна, не будучи представленным своим законным представителем. При этом есть определенное условие: вышеизложенное не применяется, если несовершеннолетнему или лицу, находящемуся под ограниченной опекой, разрешено совершать правовое действие самостоятельно.

Отдельно указывается, что после регистрации действие патента на промышленный образец действительно в течение 20 лет без дополнительного продления.

После рассмотрения основных положений и понятий можно сделать следующий вывод. В рассматриваемых странах понятия товарного знака и промышленного образца близки по смыслу, во многих аспектах правовая охрана сходна. Но есть и различия, как, например, возможность получить свидетельство на товарный знак обычному физическому лицу без оформления статуса индивидуального предпринимателя (как пример – Патентный закон Китая).

Сроки действия промышленных образцов в рассматриваемых странах различаются. В России срок предоставляемой охраны для данного объекта самый большой – 25 лет. В Южной Корее этот срок составляет 20 лет, в Китае – 15 лет.

² Закон об охране промышленных образцов Южной Кореи в редакции от 19.10.2021г./Перевод на английский язык. [Электронный ресурс] URL:law.go.kr.

В таблице приведено сопоставление основных характеристик упомянутых объектов в трех рассмотренных странах.

Таблица

**Товарный знак и промышленный образец
в России, Китае и Корее**

Страна Объект	Россия	Китай	Корея
Товарный знак			
Правообладатель (субъект)	Юридическое лицо или индивидуальный предприниматель	Юридическое лицо или физическое лицо (даже без оформления индивидуально-предпринимательства)	Любое юридическое лицо или физическое лицо
Характеристика объекта охраны	Словесные, изобразительные, объемные и другие обозначения или их комбинации в любом цвете или цветовом сочетании	Любое визуальное изображение, состоящее из слов, изображений, букв, чисел, трехмерных символов, комбинаций цветов или комбинация всего вышеперечисленного, а также звуковой товарный знак	Все разумные методы выражения для отличия товаров одного производителя от товаров другого: символ, буква, диаграмма, трехмерная форма или любая их комбинация, а также комбинации цветов, голограмм, движений и всех типов визуально узнаваемых знаков
Срок охраны	10 лет с даты подачи заявки с возможностью неограниченного продления сроком на 10 лет	10 лет с момента регистрации с возможностью неограниченного продления сроком на 10 лет	10 лет с момента регистрации с возможностью неограниченного продления сроком на 10 лет

Окончание таблицы

Обязательность использования	Досрочное прекращение охраны при неиспользовании в течение любых трех лет после государственной регистрации	–	Аннулирование при неиспользовании в течение трех или более лет после государственной регистрации
Промышленный образец			
Правообладатель (субъект)	Не ограничен	Не ограничен	Любое лицо кроме несовершеннолетних или лиц, находящихся под ограниченной опекой
Характеристика объекта охраны	Решение внешнего вида изделия промышленного или кустарно-ремесленного производства	Любое новое очертание формы, конфигурации или сочетание этих элементов в продукте, который создает эстетическое впечатление и пригоден к промышленному применению	Дизайн продукта, дизайн упаковки, дизайн окружающей среды, визуальный дизайн, дизайн услуг и т.д.
Срок охраны	5 лет с возможностью неоднократного продления сроком на 5 лет, но не более 25 лет с даты подачи заявки	15 лет без возможности продления	20 лет без возможности продления

На основе вышеизложенного можно предложить следующее дополнение в отечественное понятие промышленного образца из корейского законодательства: «дизайн окружающей среды, визуальный дизайн, дизайн услуг и т.д.»

Что касается отечественного законодательства по товарным знакам, то видится целесообразной попытка узаконить возможность для отечественных физических лиц оформлять товарный знак на себя без оформления индивидуального предпринимательства. Согласно ст. 1478 ГК РФ, в настоящее время зарегистрировать свои права на товарный знак могут только юридические лица и индивидуальные предприниматели. Но уже с 23 июня 2023 г. у самозанятых граждан появится возможность регистрации товарного знака без приобретения статуса индивидуального предпринимателя.³

Список источников

1. Комментарий к Гражданскому кодексу РФ. Части 4. Под ред. О.Н. Садикова, М.Ю. Тихомирова. – М.: Юринформцентр. 2008. С. 189.
2. Официальный сайт Управления по патентам Государственного совета КНР. [Электронный ресурс] URL:<http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201905/dacf65eec798444e821a1e06a347f3ee.shtml> (дата обращения: 02.09.2022).
3. Еременко В.И. О правовой охране интеллектуальной собственности в КНР // Изобретательство. 2012. № 11. С. 10.
4. Комментарии к закону о товарных знаках Корейского ведомства интеллектуальной собственности Товарные знаки и образцы Корейского ведомства интеллектуальной собственности > корейская система ИС > товарные знаки [Электронный ресурс] URL:kipo.go.kr (дата обращения: 02.10.2022).

References

1. Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu RF. Chasti 4. Pod red. O.N. Sadikova, M.Yu. Tikhomirova. Moscow: Yurinformtsentr. 2008. S. 189 (in Russ.).

³ Федеральный закон от 28.06.2022 № 193-ФЗ «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». Официальный интернет-портал правовой информации, URL:<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206280033?index=0&rangeSize=1>.

2. Official website of the Patent Office of the State Council of the People's Republic of China. [online] URL:<http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201905/dacf65eyec798444e821a1e06a347f3eye.shtml> (02.09.2022).
3. Eremenko V.I. O pravovoy okhrane intellektual'noy sobstvennosti v KNR. *Izobretatel'stvo*. 2012. № 11. S. 10 (in Russ.).
4. Comments on Trademark Law of the Korean Intellectual Property Office Trademarks and Designs of the Korean Intellectual Property Office > Korean IP System > Trademarks [online] URL:kipo.go.kr (02.10.2022).

Статья поступила 15.11.2022, принята к публикации: 17.11.2022.

© Орлова В.В., Ревинский О.В., 2022

СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

Правовые аспекты личного бренда

Научная статья

УДК 347.77

Юрий Валериевич Рахлей,

Российская государственная академия

интеллектуальной собственности, Москва, Россия

преподаватель

rakhley.y.v@rgiis.ru

Аннотация. *В статье рассматривается правовая природа широко используемого в последнее время понятия «личный бренд», проводится аналогия с видами средств индивидуализации.*

Ключевые слова: личный бренд, товарный знак, средства индивидуализации, интеллектуальная собственность, право на имя.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР № 2-ГЗ-2021 «Современные проблемы в медиасфере с позиции права интеллектуальной собственности».

Для цитирования: Рахлей Ю.В. Правовые аспекты личного бренда // Копирайт. 2022. № 4. С. 134–146.

Legal aspects of a personal brand

Yuri V. Rakhley,

Russian State Academy of Intellectual Property,

Moscow Russia

teacher

rakhley.y.v@rgiis.ru

Abstract. *The article examines the legal nature of the concept of «personal brand», which has been widely used recently, and draws an analogy with the types of means of individualization.*

Key words: personal brand, trademark, means of individualization, intellectual property, the right to a name.

Funding: The work was carried out within the framework of research work No. 2-GZ-2021 «Modern problems in the media sphere from the perspective of intellectual property rights».

For citation: Rakhley Yu.V. Legal aspects of a personal brand // Copyright. 2022. No. 4. P. 134–146.

Имя – уникальный идентификатор личности. Природа имени исследуется самыми разными науками – от философии и психологии до маркетинга. Отдельные аспекты использования имени регулируются законодательными нормами. Вместе с тем некоторые способы такого использования не имеют специальной регуляторики и вызывают сложности при разрешении споров в случае столкновения интересов различных субъектов.

В 2012 г. в Гражданский кодекс Российской Федерации ¹ (далее – ГК РФ) соответствующим федеральным

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 1994 г., № 32, ст. 3301; 1996 г., № 5, ст. 410; 2001 г., № 49, ст. 4552; № 52 (часть 1), ст. 5496).

законом² были внесены изменения, касающиеся, в том числе, права на имя гражданина. Так, статья 19 была дополнена пунктом 4 следующего содержания: «Имя физического лица или его псевдоним могут быть использованы с согласия этого лица другими лицами в их творческой деятельности, предпринимательской или иной экономической деятельности, способами, исключающими введение в заблуждение третьих лиц относительно тождества граждан, а также исключающими злоупотребление правом в других формах».

Именно такое изменение позволило полагать, что имя и псевдоним могут быть потенциально оборотоспособными активами.

Одновременно специалисты высказывают мнение, что подобное толкование не является верным. Так, Э.П. Гаврилов полагает, что право на имя осталось необоротоспособным, а в обороте может участвовать лишь сходный (полностью или частично) с именем некий символ, который иногда представляет собой и известный псевдоним известного гражданина [1].

В праве интеллектуальной собственности вопросы имени и псевдонима лица поднимаются применительно к праву авторства и правам на товарные знаки. При этом в последнее десятилетие сформировался устойчивый маркетинговый тренд на привлечение потребителя не столько к продукту, сколько к лицу, создающему данный продукт. Понятие «личный бренд» позволяет говорить о некотором социокультурном феномене, который может одновременно исследоваться как с позиции менеджмента, так и права.

Понятие «бренд» ряд специалистов наделяют в той или иной степени правовыми признаками. К примеру, А.С. Ворожевич высказывает мнение о том, что бренд может

² Федеральный закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ (ред. от 04.03.2013) «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 31.12.2012, № 53 (ч. 1), ст. 7627).

рассматриваться в юридическом аспекте, хотя само по себе данное понятие и является внеправовым [2]. Соотнося понятие «бренд» с близкими правовыми институтами, очевидно, что наиболее уместным является наделение его теми же признаками, которые во многом присущи товарным знакам, хотя и с оговоркой в части неидентичности по своему смыслу и природе.

Основной функцией и бренда, и товарного знака является коммуникативная, выраженная в возможности идентификации продукта на рынке среди прочих равных, формировании лояльности потребителя исходя из когнитивных особенностей маркировки.

Однако возникновение бренда – свободный процесс создания узнаваемости марки без привязки к административным процедурам и формированию границ влияния бренда на конкурентное поле с юридической точки зрения. В то время как в соответствии с п. 1 ст. 1232 ГК РФ, исключительное право на средство индивидуализации признается и охраняется при условии государственной регистрации такого средства, а ст. 1480 ГК РФ закрепляет положения о том, что правовая охрана товарному знаку предоставляется либо на основании национальной регистрации, либо на основании международной регистрации.

В этой связи, с правовой точки зрения, бренд может быть неохраноспособен как товарный знак ввиду ограничений в предоставлении правовой охраны, закрепленных ст. 1483 ГК РФ.

Одним из таких ограничений выступает недопустимость регистрации товарных знаков, тождественных или сходных до степени смешения с именем (согласно смыслу ст. 19 ГК РФ) или псевдониму (в том числе исходя из смысла п. 1 ст. 1265 и подп. 3 п. 1 ст. 1315 ГК РФ), а также производному от них обозначению, портрету или факсимиле известного

в Российской Федерации на дату подачи заявки лица, без согласия этого лица или его наследника.

Обращаясь к доктринально принятым классификациям товарных знаков, автор не встретил выделение так называемых «онимов» – слов, являющихся именами собственными, а в их ряду – лишь тех, которые связаны непосредственно с личностью человека. При этом элементами, выступающими в качестве индивидуализирующих физическое лицо, могут быть сразу несколько категорий, которые приведены в таблице.

Таблица

**Современные способы идентификации личности
в соотношении с возможностью их регистрации
в качестве товарных знаков**

№	Способ идентификации личности	Пример	Возможность регистрации в качестве товарного знака	Трудности право-применения
1.	Имя	Земфира	Всегда. Препятствие – тождественные/сходные до степени смешения	–
2.	Фамилия	Винокур	Только для не являющихся распространёнными на территории РФ	Отсутствие критериев установления распространённости
3.	Имя и фамилия (полные или сокращённые, на русском или иностранном языке)	Настя Ивлеева, Джоан К. Роулинг, Olga Vuzova	Как правило, подлежат регистрации; препятствие – тождественные/сходные до степени смешения	Могут быть признаны необлагодетельными различительной способностью, если представляют собой сочетание распространённого имени и распространённой фамилии –

Продолжение таблицы

				отсутствие четких критериев для разграничения; регистрация имен несовершеннолетних, в том числе на имя лиц, не являющихся законными представителями (продюсеров, спонсоров и т.д.)
4.	Отчество	Кузьмич	Всегда. Препятствие – тождественные/сходные до степени смещения	–
5.	Имя, отчество и фамилия	Иванов Иван Иванович	Всегда. Препятствие – тождественные/сходные до степени смещения	Регистрация имен несовершеннолетних, в том числе на имя лиц, не являющихся законными представителями (продюсеров, спонсоров и т.д.)
6.	Инициалы и фамилия	Б.Ю. Александров	Как правило, подлежат регистрации, препятствие – тождественные/сходные до степени смещения	Могут быть признаны необладающими различной способностью, если включают распространенную фамилию; регистрация

Продолжение таблицы

				имен несовершеннолетних, в том числе на имя лиц, не являющихся законными представителями (продюсеров, спонсоров и т.д.)
7.	Псевдонимы	Баста, Кристина Си, L'One	Если не является словом, характеризующим заявленные товары и услуги, не состоит из простого сочетания букв; если не является словом, регистрация и последующее использование которого может быть признано противоречащим общественным интересам, принципам гуманности и морали. Препятствие – тождественные/сходные до степени смешения	Доказывание приобретения различительной способности, в том числе результаты соцопросов (достоверность и объективность); регистрация имен несовершеннолетних, в том числе на имя лиц, не являющихся законными представителями (продюсеров, спонсоров и т.д.)
8.	Подпись		Всегда. Препятствие – тождественные/сходные до степени смешения	Регистрация имен несовершеннолетних, в том числе на имя лиц, не являющихся законными представителями

Продолжение таблицы

				(продюсеров, спонсоров и т.д.)
9.	Кличка, прозвище, в том числе сценические (не являющиеся псевдонимами)	Гном Гномыч, Красава, Снежок Воля	Если не является словом, характеризующим заявленные товары и услуги, не состоит из простого сочетания букв; если не является словом, регистрация и последующее использование которого может быть признано противоречащим общественным интересам, принципам гуманности и морали. Препятствие – тождественные/сходные до степени смешения	Регистрация имен несовершеннолетних, в том числе на имя лиц, не являющихся законными представителями (продюсеров, спонсоров и т.д.)
10.	Производные от имени/фамилии (как правило, измененные окончания -офф, добавление Ъ и пр.)	Тинькофф, Смирновъ	Всегда. Препятствие – тождественные/сходные до степени смешения	Достаточность переработки распространенных фамилий
11.	Ассоциации с личностью, исходя из осуществляемой деятельности	Примадонна	Если не является словом, характеризующим заявленные товары и услуги, не состоит из	-

			<p>простого сочетания букв; если не является словом, регистрация и последующее использование которого может быть признано противоречащим общественным интересам, принципам гуманности и морали; препятствие – тождественные/сходные до степени смешения</p>	
12.	<p>Название аккаунта в популярной социальной сети</p>	<p>Like Nastya, VerVera</p>	<p>Если не является словом, характеризующим заявленные товары и услуги, не состоит из простого сочетания букв; если не является словом, регистрация и последующее использование которого может быть признано противоречащим общественным интересам, принципам гуманности и морали. Препятствие – тождественные/сходные до степени смешения</p>	<p>Регистрация имен несовершеннолетних, в том числе на имя лиц, не являющихся законными представителями (продюсеров, спонсоров и т.д.)</p>

Окончание таблицы

13.	Составные, включающие один из выше-названных идентификаторов личности в совокупности с иными словами	«Лев против», «Егерь Кузьмич»	Как правило, подлежат регистрации. Препятствие – тождественные/сходные до степени смешения	Достаточность различительной способности дополнительного слова (слов)
14.	Изображения (видео, фотографические, рисованные, шаржевые, стилизованные), в том числе сценические образы, узнаваемые жесты, части тела (например, содержащие татуировки)		Если соответствует формальным критериям (касается «нетрадиционных» товарных знаков, например, изменяющихся), как правило, подлежат регистрации. Препятствие – тождественные/сходные до степени смешения	Степень переработки внешности известной личности при регистрации на другое лицо

Таким образом, видится необходимым расширить объектный состав идентификаторов лица, вызывающих стойкие ассоциации с его личностью. Помимо имени, псевдонима, производного от них, портрета и факсимиле, по мнению автора, также следует обращать внимание на клички и прозвища, в том числе сценические (не являющиеся псевдонимами), названия аккаунтов на популярных цифровых ресурсах, изображения, помимо портретов, в том числе сценические образы, узнаваемые жесты, части тела (например, содержащие татуировки).

Кроме того, обращает на себя внимание отсутствие в современном законодательстве определения известности

лица. При этом отдельные крупные медиаплатформы уже давно сформулировали для себя такое понятие, что подтверждается наличием функции верификации. Пройти подобную процедуру и получить так называемую «галочку» могут лишь те пользователи, кто подтвердит свою известность. Определяется она, как правило, по активности взаимодействия с контентом владельца страницы различных пользователей и их количества.

По мнению А.Д. Корчагина, В.В. Орловой и С.А. Горленко, под словом «известные» следует понимать такие объекты, о которых знают все и кто пользуется широкой известностью, славой. Основным показателем известности является, в частности, факт включения в энциклопедии и/или справочники, словари, широкое представление в периодических изданиях, радио- и телевизионных передачах [3].

В этой связи предлагается установить методологические подходы к определению известности личности на дату подачи заявки путем исследования информационного поля по соответствующему запросу, включая сведения социальных сетей, форумов, блогов, стриминговых платформ и прочих ресурсов, не являющихся по общему правилу достоверными источниками информации, не позволяющих сделать общий вывод об активности лица и насыщенности инфопространства сведениями о нем. Установление известности, по своей сути, должно быть аналогично определению различительной способности того или иного обозначения. Однако осуществить эту процедуру Роспатент может самостоятельно, без испрашивания документов у самого лица. В данном случае на первый план выходит степень осведомленности о лице конечного потребителя (в частности, пользователя сети Интернет).

При этом стоит помнить о необходимости разграничения понятий «известной личности» и «исторической личности». Историческая личность, безусловно, являясь известной, приобретает иной статус – лица, чье имя связано с репутацией

всего государства, может иметь ценность как наследие страны. Подход к регистрации в качестве товарных знаков имен исторических и известных личностей должен отличаться. В частности, регистрация имен исторических личностей должна быть недопустима в отношении аморальных товаров и услуг – организации азартных игр, интимных товаров и др. Вместе с тем, в отношении имен известных личностей подобное ограничение не должно применяться.

Таким образом, автор приходит к выводу о том, что закрепленные в статьях 19 и 1483 ГК РФ способы идентификации лица не соответствуют встречающимся сегодня способам позиционирования при продвижении товаров и услуг, связанных с личностью основателя (владельца) бизнеса (бренда). Кроме того, критерий «известности» не нашел своего закрепления в законодательстве, что может привести к двойственности толкования и правоприменения положений, закрепленных в п. 9 ст. 1483 ГК РФ.

Список источников

1. Гаврилов Э.П. О средствах индивидуализации в гражданском праве // *Хозяйство и право*. 2016. № 10. С. 80.
2. Ворожевич А.С. Защита брендов: стратегии, системы, методы: учебное пособие для магистров. – М.: Проспект, 2017. 144 с.
3. Корчагин А.Д., Орлова В.В., Горленко С.А. Комментарий к закону РФ «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров». – М.: ФИПС, 2003. С. 328.

References

1. Gavrilov E.P. O sredstvakh individualizatsii v grazhdanskom prave = On the means of individualization in civil law. *Khozyaystvo i pravo = Economy and law*. 2016. № 10. S. 80 (in Russ.).

2. Vorozhevich A.S. *Zashchita brendov: strategii, sistemy, metody: uchebnoye posobiye dlya magistrrov = Brand Protection: Strategies, Systems, Methods*. Moscow: Prospekt Publ. 2017. 144 s. (in Russ.).
3. Korchagin A.D., Orlova V.V., Gorlenko S.A. *Kommentariy k zakonu RF «O tovarnykh znakakh, znakakh obsluzhivaniya i naimenovaniyakh mest proiskhozhdeniya tovarov» = Commentary on the Law of the Russian Federation "On Trademarks, Service Marks and Appellations of Origin"*. Moscow: FIPS Publ. 2003. S. 328 (in Russ.).

Статья поступила 30.11.2022, принята к публикации: 02.12.2022.

© Рахлей Ю.В., 2022

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Система интеллектуальной собственности Сингапура

Научная статья

УДК 339.9

Анастасия Михайловна Грибанова,
Федеральная служба по интеллектуальной
собственности (Роспатент), Москва, Россия
Заместитель начальника Управления
международного сотрудничества
amgribanova@rospatent.gov.ru

Аннотация. В статье рассмотрена система интеллектуальной собственности Сингапура, взаимоотношения России и Сингапура в данной сфере и возможные направления дальнейшего сотрудничества.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, Сингапур, Российская Федерация, сотрудничество.

Финансирование: исследование выполнено в рамках НИР № 1-ГЗ-2021 «Анализ состояния и перспектив сотрудничества Российской Федерации в сфере интеллектуальной собственности со странами АСЕАН».

Для цитирования: Грибанова А.М. Система интеллектуальной собственности Сингапура // Копирайт. 2022. № 4. С. 147–156.

Intellectual Property System of Singapore

Anastasia M. Gribanova,

Federal Service for Intellectual Property (Rospatent),
Moscow, Russia

Deputy Director of the International Cooperation Department
amgribanova@rospatent.gov.ru

Abstract. *The article is devoted to the intellectual property system of Singapore, the interaction between Russia and Singapore in the field of intellectual property and possible areas of cooperation between the two countries in this field.*

Key words: intellectual property, Singapore, Russian Federation, cooperation.

Funding: The work was carried out within the framework of research work No. 1-GZ-2021 «Analysis of the state and prospects of cooperation of the Russian Federation in the field of intellectual property with the ASEAN countries».

For citation: Gribanova A.M. Intellectual Property System of Singapore // Copyright. 2022. No. 4. P. 147–156.

По данным Всемирного банка, Сингапур является страной с высоким уровнем дохода и конкурентоспособной экономикой. Для местных предпринимателей в стране создана одна из самых благоприятных в мире нормативно-правовая среда. Производство с добавленной стоимостью, особенно в секторах электроники и точного машиностроения, остается ключевым фактором роста, равно как и сектор услуг, особенно информационно-коммуникационная отрасль и финансово-страховая сфера [1].

Согласно Глобальному инновационному индексу, в 2022 г. Сингапур поднялся на 7 место в общем рейтинге (в 2019–2021 г. занимал 8 место) и на 7 место среди 48 стран с высоким доходом, по-прежнему занимает 2 место среди 17 экономик Юго-Восточной Азии, Восточной Азии и Океании [2].

Со времени принятия в 2013 г. Генерального плана по созданию хаба интеллектуальной собственности (далее – ИС) Сингапур добился больших успехов в создании экосистемы ИС, которая поддерживает инновационную деятельность и хорошо связана с мировыми рынками. Поскольку нематериальные активы и ИС стали играть все более заметную роль в качестве движущей силы экономического роста в мире, предприятия страны оснащаются инструментами и ноу-хау для эффективного управления нематериальными активами и ИС. Эти изменения предоставляют Сингапуру возможность стать хабом юридических, финансовых и современных услуг и использовать нематериальные активы и ИС для обеспечения следующего рубежа создания стоимости и роста.

В стране действует Стратегия Сингапура в области ИС (SIPS) до 2030 г., призванная способствовать укреплению позиции Сингапура как глобально-азиатского узла технологий, инноваций и предприятий, а также поддерживать более широкие цели в области научно-исследовательских инновационных предприятий.

SIPS состоит из трех основных направлений, каждое из которых затрагивает различные аспекты экономики Сингапура.

1. Укрепление позиций страны в качестве глобального хаба для нематериальных активов и ИС:

- поддержание актуальности законодательства по ИС,
- в рамках сотрудничества между странами-членами АСЕАН становление центром, способствующим повышению операционной совместимости систем ИС

в регионе, а также укреплению связей между АСЕАН и остальным миром,

- позиционирование страны в качестве места для разрешения международных споров в сфере ИС за счет увеличения числа местных экспертов в таких областях, как альтернативное разрешение споров.

2. Привлечение и развитие инновационных предприятий с использованием нематериальных активов и ИС:

- поддержка предприятий в создании и охране, управлении и коммерциализации нематериальных активов и ИС,
- создание надежной и заслуживающей доверия экосистемы оценки нематериальных активов и ИС с целью поощрения заключения сделок и помощи предприятиям в раскрытии ценности их интеллектуальных активов.

3. Создание рабочих мест и развитие ценных навыков у специалистов:

- предоставление возможности трудоустройства сингапурцам и повышение ценности их навыков и компетенций в области нематериальных активов и ИС.

Навыки в области нематериальных активов и ИС становятся все более важными в инновационной экономике. Сингапур планирует развивать управление нематериальными активами и ИС как междисциплинарный набор навыков, которыми овладевают широкие массы рабочей силы. Это послужит ключевым фактором для предприятий, позволяющим лучше управлять нематериальными активами и ИС и использовать возможности, открывающиеся в связи с ростом активности в данной сфере.

Сингапур стремится создать базу талантливых сотрудников и специалистов, внедряя комплекс программ обучения и образования в области нематериальных активов и ИС:

- программы для студентов дневных отделений высших учебных заведений,
- обучение руководителей,
- работа с ключевыми игроками отрасли над интеграцией навыков и компетенций в отношении управления нематериальными активами и ИС в должностные функции, связанные с инновациями, и стимулирование внедрения таких навыков.

Сингапур также стремится укрепить свою международную репутацию в качестве поставщика качественных навыков в области нематериальных активов и ИС за счет разработки национального стандарта по управлению такими активами [3].

Ведомство интеллектуальной собственности Сингапура (IPOS) является национальным органом, который регистрирует и администрирует права ИС. IPOS помогает предприятиям использовать нематериальные активы и ИС для развития и стремится превратить Сингапур в международный центр нематериальных активов и ИС. IPOS является уставным органом при Министерстве юстиции [3].

Деятельность IPOS сфокусирована на эффективном предоставлении различных услуг заявителям и правообладателям, в том числе по управлению ИС, которые позволят заявителям и правообладателям повысить свое конкурентное преимущество и обеспечить охрану и защиту своих прав.

IPOS предоставляет правовую охрану товарным знакам, сертификационным знакам, коллективным товарным знакам, изобретениям, промышленным образцам, географическим указаниям, сортам растений. Кроме того, IPOS также занимается вопросами авторского права, секретами производства и топологиями интегральных микросхем (в Сингапуре данные объекты не подлежат регистрации).

Ведомство выступает в качестве Международного поискового органа и Органа международной предварительной экспертизы (ISA/IPEA), что позволяет ему проводить поиск

и предварительную экспертизу международных заявок, поданных в соответствии с Договором о патентной кооперации (РСТ).

В структуре IPOС действует Трибунал по авторскому праву, который является форумом для разрешения лицензионных споров между организациями коллективного управления и пользователями. Трибунал имеет право передавать в Высший суд Сингапура любой вопрос, поступивший на его рассмотрение [3].

IPOS имеет подведомственную организацию IPOС International. Это частная компания с ограниченной ответственностью, которая стремится обеспечить будущий рост Сингапура как глобального центра по созданию, коммерциализации и управлению ИС. IPOС International обслуживает государственный сектор, инвесторов, частные предприятия, некоммерческие организации и др., предоставляя услуги по патентному поиску и анализу, обучению управлению ИС. IPOС International тесно сотрудничает с государственными и частными предприятиями по всему миру, поддерживая их при создании инноваций [4].

В 2021 г. IPOС было признано самым инновационным ведомством по ИС в мире, по версии World Trademark Review (WTR)¹.

Еще одним звеном системы ИС является Офис ВОИС в Сингапуре², который был создан в 2005 г. для обслуживания всего региона АСЕАН, содействуя использованию ИС в качестве движущей силы экономического, социального и культурного роста. Офис сотрудничает с рядом заинтересованных сторон, включая ассоциации малых и средних предприятий (далее – МСП), торговые палаты и ведомства по ИС, по вопросам организации рекламных мероприятий и обучения.

¹ См.: <https://www.worldtrademarkreview.com/rankings/wtr-1000/research>.

² См.: https://www.wipo.int/about-wipo/ru/activities_by_unit/index.jsp?id=130.

Офис ВОИС в Сингапуре играет значимую роль в экономическом, социальном и культурном развитии региона.

В 2010 г. был открыт Офис Центра ВОИС по арбитражу и посредничеству³ в Сингапуре в целях продвижения в регионе альтернативных процедур разрешения споров (ADR). Офис предлагает консультации по процессуальному разрешению споров при выборе или корректировке положений о разрешении споров и администрировании процедур в соответствии с Правилами ВОИС. Офис также содействует коммуникациям и слушаниям по судебным делам с участием сторон из региона в соответствии с Правилами ВОИС⁴.

Сингапур является лидером по участию в договорах ВОИС среди государств-членов АСЕАН. В настоящее время он присоединился к 15 договорам из 26, в том числе касающихся международных систем регистрации изобретений, товарных знаков и промышленных образцов.

Торгово-экономические отношения России и Сингапура регулируются Торговым соглашением между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Сингапур (Сингапур, 2 апреля 1966 г.). Кроме того, действует Межправительственная Российско-Сингапурская комиссия высокого уровня, в рамках работы которой могут рассматриваться вопросы ИС [5].

Вместе с тем между Роспатентом и IPOС действуют два межведомственных документа:

- Меморандум о взаимопонимании (Женева, 22 сентября 2014 г.)⁵, устанавливающий общие принципы и направления сотрудничества и призванный быть основой для дальнейшего взаимодействия ведомств,

³ Подробнее см.: <https://www.wipo.int/amc/ru/>.

⁴ См.: <https://www.wipo.int/about-wipo/en/offices/singapore/>.

⁵ См.: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/perechen-dejst-mezhved-dok.pdf>.

- Меморандум о взаимопонимании по пилотной программе «Ускоренное патентное делопроизводство (РРН)» (Женева, 22 сентября 2014 г.)⁶, в соответствии с которым ведомства начали пилотную программу РРН по патентным заявкам на изобретения, включая заявки по Договору о патентной кооперации (РСТ), переведенные на национальную фазу.

В отношении последнего документа следует отметить, что в настоящее время ведомства осуществляют сотрудничество в рамках программы Глобального ускоренного патентного делопроизводства, участие в которой не требует дополнительных письменных договоренностей.

Что касается патентной активности, то уровень подачи заявок на объекты патентного права и товарные знаки из Сингапура в Россию невысок, однако он выше, чем у других стран АСЕАН. Так, в 2020 г. сингапурские заявители подали 30 заявок на изобретения (в основном в отношении аудиовизуального оборудования) и 198 заявок на товарные знаки (по классам 9, 30, 35, 41 Ниццкой классификации).

Российские правообладатели также показывают низкую активность в отношении подачи в Сингапур заявок на регистрацию объектов патентного права. В 2020 г. было подано всего 18 заявок на изобретения, практически все в соответствии с Договором о патентной кооперации (РСТ).

Снижается и количество заявок на товарные знаки, поданные российскими заявителями в Сингапур. Если в 2016 г. было подано 123 заявки, то в 2020 г. – 71 заявка. Большинство товарных знаков зарегистрировано в 9, 16, 35, 38, 42 классах Ниццкой классификации, что частично соответствует структуре товарооборота между странами [6, 7].

Принимая во внимание вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что в Сингапуре действует развитая система ИС,

⁶ См.: https://rospatent.gov.ru/ru/news/2014-10-06-memorandum_pph.

и это позволяет ему оставаться на ведущих позициях в инновационной сфере. Поскольку Сингапур позиционирует себя как крупный хаб в сфере ИС, который предоставляет высококачественные услуги по экспертизе заявок, патентной аналитике и альтернативному разрешению споров, выстраивание сотрудничества между компетентными ведомствами России и Сингапура по данным вопросам будет полезным для совершенствования российской системы ИС.

Поскольку представляет интерес опыт Сингапура по выстраиванию клиентоцентричной системы охраны ИС, одним из направлений сотрудничества мог бы стать обмен массивами документации. В Сингапуре наблюдается рост подачи заявок на все объекты ИС, в связи с чем документация Сингапура может быть полезна для пополнения российских фондов в целях проведения поиска при экспертизе заявок. В настоящее время между ведомствами по ИС России и Сингапура такое взаимодействие не ведется.

Кроме того, на данный момент сфера ИС регулируется между странами фактически только международными договорами. В связи с этим следует рассмотреть вопрос о целесообразности включения вопросов ИС в разрабатываемые двусторонние соглашения или заключения отдельного соглашения по ИС.

Несмотря на вышеуказанное, следует принять во внимание то, что Сингапур был включен в перечень недружественных России стран⁷, и в настоящее время активного взаимодействия между компетентными органами в сфере ИС не ведется.

Список источников

1. Официальный сайт Всемирного банка. [Электронный ресурс] URL:<https://www.worldbank.org/en/> (дата обращения: 02.10.2022).

⁷ См.: <http://government.ru/news/44745/>.

2. Глобальный инновационный индекс 2022 года. Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности. [Электронный ресурс] URL:<https://www.wipo.int/> (дата обращения: 10.10.2022).
3. Официальный сайт Ведомства по интеллектуальной собственности Сингапура. [Электронный ресурс] URL:<https://www.ipos.gov.sg/> (дата обращения: 02.11.2022).
4. Официальный сайт IPOS International. [Электронный ресурс] URL:<https://www.iposinternational.com/> (дата обращения: 12.10.2022).
5. Межгосударственные отношения России и Сингапура. [Электронный ресурс] URL:<https://ria.ru/20160519/1435037997.html> (дата обращения: 12.11.2022).
6. Анализ торгово-экономической и инновационной активности Российской Федерации и государств-членов АСЕАН: монография / А. М. Грибанова, Е. В. Королева, Д. А. Бирюкова, М. М. Милехин. – Москва: РУСАЙНС, 2022. 210 с.

References

1. The World bank. [online] URL:<https://www.worldbank.org/en/> (02.10.2022).
2. Global'nyy innovatsionnyy indeks 2022 goda. Ofitsial'nyy sayt Vsemirnoy organizatsii intellektual'noy sobstvennosti. [online] URL:<https://www.wipo.int/> (10.10.2022) (in Russ.).
3. A Singapore Government Agency website. [online] URL:<https://www.ipos.gov.sg/> (02.11.2022).
4. IPOS International website. [online] URL:<https://www.iposinternational.com/> (12.10.2022).
5. Mezhhgosudarstvennyye otnosheniya Rossii i Singapura. [online] URL:<https://ria.ru/20160519/1435037997.html> (12.11.2022) (in Russ.).
6. Griбанова А.М., Королева Е.В., Бирюкова, Д.А., Милехин М.М. *Analiz torgovo-ekonomicheskoy i innovatsionnoy aktivnosti Rossiyskoy Federatsii i gosudarstv-chlenov ASEAN: monografiya = Analysis of trade, economic and innovation activity of the Russian Federation and ASEAN member states.* Moscow: *RUSAYNS publ.* 2022. 210 p. (in Russ.).

Статья поступила 30.11.2022, принята к публикации: 05.12.2022.

© Грибанова А.М., 2022

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Система интеллектуальной собственности Малайзии

Научная статья
УДК 339.9

Михаил Михайлович Милехин^{1,2}

- ¹ Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент), Москва, Россия
- ² Российская государственная академия интеллектуальной собственности, аспирант
mmilehin@rospatent.gov.ru

Аннотация. В статье рассмотрена система интеллектуальной собственности Малайзии, взаимоотношения России и Малайзии в данной сфере. Предложены возможные направления сотрудничества между странами в сфере интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, Малайзия, Российская Федерация, сотрудничество.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР № 1-ГЗ-2021 «Анализ состояния и перспектив сотрудничества Российской Федерации в сфере интеллектуальной собственности со странами АСЕАН».

Для цитирования: Милехин М.М. Система интеллектуальной собственности Малайзии // Копирайт. 2022. № 4. С. 157–167.

Intellectual Property System of Malaysia

Mikhail M. Milekhin ^{1,2}

- ¹ Federal Service for Intellectual Property (Rospatent),
Moscow, Russia
- ² Russian State Academy of Intellectual Property,
postgraduate student,
mmilehin@rospatent.gov.ru

Abstract. *The article is devoted to the intellectual property system of Malaysia, the interaction between Russia and Malaysia in the field of intellectual property and possible areas of cooperation between the two countries in this field.*

Key words: intellectual property, Malaysia, the Russian Federation, cooperation.

Funding: The work was carried out within the framework of research work No. 1-GZ-2021 «Analysis of the state and prospects of cooperation of the Russian Federation in the field of intellectual property with the ASEAN countries».

For citation: Milekhin M.M. Intellectual Property System of Malaysia // Copyright. 2022. No. 4. P. 157–167.

Малайзия – одна из самых открытых экономик мира, соотношение ее торгового оборота к ВВП с 2010 г. составляет в среднем более 130%. Открытость для торговли и инвестиций сыграла важную роль в создании рабочих мест и росте доходов: около 40% рабочих мест в Малайзии связаны с экспортной деятельностью. Средний рост экономики с 2010 г. ежегодно составляет 5,4%, и ожидается, что к 2024 г. она перейдет из категории стран с уровнем дохода выше среднего в категорию стран с высоким уровнем дохода [1].

Согласно Глобальному инновационному индексу 2022 г., в общем рейтинге стран Малайзия занимает 36 место (в 2020 г. – 33 место, в 2019 г. – 35 место), сохраняет 3 место

среди 36 экономик с уровнем дохода выше среднего и 8 место среди 17 экономик стран Юго-Восточной Азии, Восточной Азии и Океании [2].

Такие показатели являются результатом планомерно проводимой политики для достижения целей развития страны. Система интеллектуальной собственности (далее – ИС) является неотъемлемой частью экономики Малайзии и стратегического видения ее развития.

В настоящее время в Малайзии реализуется несколько стратегических документов, включающих вопросы развития ИС.

Так, Двенадцатый план Малайзии на 2021–2025 гг. (далее – Двенадцатый план) – среднесрочный план, целью которого является процветающая, инклюзивная, устойчивая Малайзия. В Двенадцатом плане основное внимание уделяется развитию цифровизации и передовых технологий, а вопросы ИС отнесены к приоритетной области «Трансформация исследований и разработок, а также интеллектуальной собственности в продукцию с высокой добавленной стоимостью». В документе подчеркивается, что научные исследования и разработки, коммерциализация и инновации играют решающую роль в стимулировании инноваций и ускорении социально-экономического развития для обеспечения лучшего качества жизни. Первостепенное внимание уделяется развитию и использованию науки, технологий и инноваций путем укрепления потенциала и возможностей научных исследований и разработок, их коммерциализации. Также планируется воспитание талантов в области науки, технологий и инноваций для улучшения результатов научных исследований и разработок [3].

В рамках стратегического направления «Укрепление потенциала и возможностей в области исследований, разработок, коммерциализации и инноваций» в соответствии с Двенадцатым планом предполагается реализация следующих мер:

- упорядочение национальных приоритетных направлений в области науки, технологий и инноваций;
- усиление финансирования исследований, разработок;
- перевод исследований и разработок, а также ИС в продукты с высокой добавленной стоимостью. В частности, за счет создания стандартизированной системы оценки ИС и лицензирования планируется обеспечить механизмы успешной коммерциализации ИС университетов и исследовательских институтов.

С Двенадцатым планом связаны такие стратегические документы, как «Национальная политика в сфере науки, технологий и инноваций на 2021–2030 гг.» и «Наука, технологии, инновации и экономика Малайзии», направленные на комплексное развитие инновационной экономики страны [4].

В 2007 г. Министерством внутренней торговли и потребительских дел Малайзии была сформулирована Национальная политика Малайзии в сфере ИС (далее – НПИС). Согласно НПИС, в целях построения экономики, основанной на знаниях, ИС должна стать одним из ключевых элементов ее развития. Внимание сфокусировано на эффективном использовании и управлении правами на ИС, тесном взаимодействии субъектов научных исследований с государственным сектором, бизнесом и промышленностью, создании различных инструментов для содействия коммерциализации ИС и повышению ее ценности, формированию квалифицированных кадров. В документе подчеркивается, что ИС должна позволить Малайзии выйти на лидирующие позиции в мире [4].

Принимая во внимание комплексный подход к решению целей и задач в сфере ИС, за последние десятилетия национальная система ИС Малайзии стала более зрелой с правовой и операционной точек зрения. Национальное законодательство Малайзии в сфере ИС было реформировано и приведено в соответствие с международными стандартами, в том числе

в целях реализации Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). Малайзия также подписала дополнительные обязательства по другим международным договорам в сфере ИС, включая присоединение к международным системам регистрации – Договору о патентной кооперации – РСТ (в 2006 г.) и Мадридской системе регистрации знаков (в 2019 г.). В настоящее время Малайзия является участницей девяти многосторонних международных договоров, администрируемых Всемирной организацией интеллектуальной собственности (далее – ВОИС).

Национальная система ИС Малайзии управляется учреждениями, имеющими различные компетенции. В частности, Министерством внутренней торговли и потребительских дел (далее – MDTCA) и Министерством науки, технологий и инноваций (MOSTI).

Вместе с тем главным координирующим ведомством является Корпорация по интеллектуальной собственности Малайзии (далее – МуIPO), созданная в 2003 г. Это государственный орган, действующий в качестве правительственного агентства при MDTCA.

МуIPO администрирует и обеспечивает соблюдение законодательства об ИС, состоящего из Закона о товарных знаках 2019 г., Закона о патентах 1983 г., Закона об авторском праве 1987 г., Закона о промышленных образцах 1996 г., Закона о топологиях интегральных микросхем 2000 г., Закона о географических указаниях 2000 г. и нормативных актов к ним.

МуIPO – единственное в Малайзии ведомство, предоставляющее услуги по регистрации ИС. МуIPO реализует программу повышения общественной осведомленности о важности охраны ИС и проводит обучение по вопросам ИС. Миссия МуIPO – обеспечить сильную правовую инфраструктуру и эффективный режим администрирования для повышения творческого потенциала и эксплуатации ИС [5].

Также МуIPO является координационным центром по вопросам политики в области ИС в правительстве Малайзии, играя ключевую роль в отношении совершенствования законодательства в сфере ИС, отстаивает интересы Малайзии в сфере ИС на международной арене [6].

МуIPO имеет штаб-квартиру в Куала-Лумпуре и ряд филиалов: в штатах Сабах и Саравак, в центральной зоне (Малакка), в северной зоне (Пенанг), в южной зоне (Джохор) и на восточном побережье (Паханг) [5].

К ведению МуIPO относятся изобретения, полезные модели, промышленные образцы, товарные знаки, географические указания, топологии интегральных микросхем, а также объекты авторского права. В отношении указанных объектов ИС МуIPO осуществляет:

- 1) объекты патентного права: участвует в Договоре о патентной кооперации (РСТ), в программе Ускоренного патентного производства (РРН) с ведомствами по ИС Японии, Кореи, Китая и Европейским патентным ведомством, а также в программе «Сотрудничество АСЕАН по патентной экспертизе – ASPEC»;
- 2) товарные знаки: регистрирует товарные знаки, в том числе коллективные, и сертификационные знаки, является участником Мадридской системы международной регистрации знаков;
- 3) авторское право: регистрирует объекты авторского права. Владелец авторских прав может использовать систему добровольного уведомления о наличии авторского права. По результатам подачи уведомления МуIPO выдает соответствующий сертификат. При МуIPO действует трибунал по авторским правам.

При МуIPO функционирует Академия интеллектуальной собственности, которая обеспечивает комплексную и сбалансированную подготовку специалистов по ИС в интересах широкого круга бенефициаров, будь то национальные

учреждения или отдельные лица из государственного и частного секторов [5].

Одной из инициатив МуIPO является создание по поручению правительства портала IPR Marketplace (торговая площадка по ИС) для формирования связей между частными лицами, инвесторами и предприятиями в области коммерциализации ИС.

Портал IPR Marketplace предоставляет информационные и образовательные инструменты для коммерциализации ИС на глобальной рыночной платформе, а также возможность размещения информации о патентах, товарных знаках и авторских правах, доступных для передачи прав на них и лицензирования [5, 7].

В 2015 г. МуIPO совместно с ВОИС запустила проект по созданию и развитию сети Центров поддержки технологий и инноваций (ЦПТИ) в Малайзии. ЦПТИ предоставляют учреждениям доступ к высококачественной технологической информации и сопутствующим услугам, помогая им использовать свой инновационный потенциал и создавать, охранять и управлять правами на ИС.

Конечной целью деятельности ЦПТИ является полная интеграция технологической информации для устранения повторения существующих исследований и технологий. Инициатива ЦПТИ также позволяет выявить технологические пробелы в патентной информации, чтобы оптимально использовать исследовательские ресурсы для их устранения.

МуIPO выступает посредником ВОИС по координации деятельности национальной сети ЦПТИ.

В 2021 г. сеть ЦПТИ выросла с 15 до 19 учреждений, организовала и поддержала 20 обучающих мероприятий в стране, главным образом по вопросам передачи технологии, коммерциализации ИС, оценки ИС и инноваций. Более 60 сотрудников ЦПТИ прошли обучение на дистанционных курсах Академии ВОИС [2, 5].

Касательно взаимодействия Малайзии и России можно отметить, что торгово-экономические отношения двух стран регулируются межправительственным Соглашением об экономическом сотрудничестве (Куала-Лумпур, 13 апреля 2000 г.). Также действует Совместная Российско-Малайзийская комиссия по экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству¹, в рамках работы которой могут рассматриваться вопросы ИС.

В настоящее время между Россией и Малайзией нет межправительственных соглашений, непосредственно регулирующих вопросы ИС. Вместе с тем действует ряд соглашений, содержащих положения о научно-техническом сотрудничестве. В этой связи нормативно-правовую базу сотрудничества между странами в сфере ИС в основном составляют девять многосторонних международных договоров, администрируемых ВОИС.

Малайзия не является крупным торговым партнером России. Стоимость объема экспорта товаров из Малайзии в нашу страну варьировалась в пределах \$530–877 млн в течение 5 лет (2015–2020 гг.). Импорт товаров из России за тот же период колебался от \$757 млн до \$1160 млн [8]. При этом основные группы товаров, экспортируемые из России в Малайзию, – минеральные продукты (нефть и нефтепродукты), товары, идущие под секретным кодом, металлы и изделия из них, продукция химической промышленности.

Инновационная активность между странами также невелика. Уровень подачи малайзийских заявок на объекты патентного права из Малайзии в Россию находится практически на нулевой отметке. Немногим выше количество заявок

¹ См.: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Малайзии о создании Совместной Российско-Малайзийской комиссии по экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству от 21.11. 2015 (вступило в силу 21 ноября 2015 г.) [Электронный ресурс] URL:<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201511240009>.

на товарные знаки. В свою очередь, и российские правообладатели показывают низкую активность в отношении подачи в Малайзию заявок на объекты патентного права. В 2020 г. были поданы 33 заявки на изобретения (почти все в соответствии с Договором о патентной кооперации – РСТ). В основном патенты выдавались в таких областях техники, как фармацевтическая продукция и биотехнологии.

В 2020 г. в Малайзии было выдано 85 свидетельств на товарные знаки заявителям из России. Большинство товарных знаков зарегистрировано в 5, 9, 35 классах Ниццкой классификации, что в целом соответствует структуре товарооборота между странами [8].

На основе анализа системы ИС в Малайзии можно сделать вывод о том, что Малайзия является быстроразвивающейся страной, нацеленной на построение экономики, основанной на знаниях, в которой значимую роль играет эффективное управление и использование ИС, как на национальном уровне системы, так и в плане выхода на ключевые международные позиции. Несмотря на разветвленную систему государственных органов и других организаций, вырабатывающих и реализующих политику в сфере ИС, просматривается серьезная комплексная проработка общегосударственных целей и задач, а также необходимых мер для их достижения.

В связи с этим для российской стороны может представлять интерес сотрудничество с компетентными органами Малайзии в сфере ИС, в первую очередь с МуIPO, по следующим вопросам:

- выстраивание стратегии развития национальной системы ИС с учетом общегосударственных целей и задач;
- коммерциализация ИС, в том числе через электронные торговые площадки;
- разработка национальных стандартов проведения оценки ИС;

- разработка различных финансовых инструментов для поддержки и стимулирования новаторов и предпринимателей в части эффективного использования ИС;
- развитие регионов, в том числе с использованием ресурсов ЦПТИ;
- подготовка высококвалифицированных кадров в сфере ИС и повышение общественной осведомленности об особенностях института ИС.

Также интерес может представлять малайзийский опыт реализации совместных международных проектов по выстраиванию единого патентно-информационного пространства в рамках одного региона, повышению качества экспертизы заявок на объекты ИС за счет присоединения к различным международным инициативам.

Список источников

1. Официальный сайт Всемирного банка. [Электронный ресурс] URL:<https://www.worldbank.org/en/> (дата обращения: 10.10.2022).
2. Официальный сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности. [Электронный ресурс] URL:<https://www.wipo.int/> (дата обращения: 25.10.2022).
3. Официальный сайт 12-го Плана Малайзии на 2021–2025 гг. [Электронный ресурс] URL:<https://rmke12.epu.gov.my/en/> (дата обращения: 24.10.2022).
4. Официальный сайт Министерства внутренней торговли и потребительских дел Малайзии. [Электронный ресурс] URL:<https://www.kpdnhep.gov.my/en/> (дата обращения: 24.10.2022).
5. Официальный сайт Корпорации по интеллектуальной собственности Малайзии. [Электронный ресурс] URL:<https://www.myipo.gov.my/en/home/> (дата обращения: 02.10.2022).
6. OECD, Boosting Malaysia's National Intellectual Property System for Innovation, Published on September 28, 2015. [Электронный ресурс] URL:<https://www.oecd.org/sti/boosting-malaysia-s-national->

intellectual-property-system-for-innovation-9789264239227-en.htm
(дата обращения: 20.10.2022).

7. Портал IPR Marketplace Корпорации по интеллектуальной собственности Малайзии. [Электронный ресурс] URL:<http://iprmarketplace.myipo.gov.my/> (дата обращения: 21.10.2022).
8. Анализ торгово-экономической и инновационной активности Российской Федерации и государств-членов АСЕАН: монография / А.М. Грибанова, Е.В. Королева, Д.А. Бирюкова, М.М. Милехин. – Москва: РУСАЙНС. 2022. 210 с.

References

1. Official website of World Bank. [online] URL:<https://www.worldbank.org/en/> (10.10.2022).
2. Official website of WIPO. [online] URL:<https://www.wipo.int/> (25.10.2022).
3. Malaysia 12th Plan 2021–2025 official website. [online] URL:<https://rmke12.epu.gov.my/en/> (24.10.2022).
4. Official website of the Malaysian Ministry of Internal Trade and Consumer Affairs. [online] URL:<https://www.kpdnhep.gov.my/en/> (24.10.2022).
5. Malaysian Intellectual Property Corporation official website. [online] URL:<https://www.myipo.gov.my/en/home/> (02.10.2022).
6. OECD, Boosting Malaysia's National Intellectual Property System for Innovation, Published on September 28, 2015. [online] URL:<https://www.oecd.org/sti/boosting-malaysia-s-national-intellectual-property-system-for-innovation-9789264239227-en.htm> (20.10.2022).
7. Malaysian Intellectual Property Corporation IPR Marketplace Portal. [online] URL:<http://iprmarketplace.myipo.gov.my/> (21.10.2022).
8. Griбанова А.М., Королева Е.В., Бирюкова Д.А., Милехин М.М. Analysis of trade, economic and innovation activity of the Russian Federation and ASEAN member states = *Analiz torgovo-ekonomicheskoy i innovatsionnoy aktivnosti Rossiyskoy Federatsii i gosudarstvo-chlenov ASEAN: monografiya*. Moscow: RUSAYNS publ. 2022. 210 p. (in Russ.).

Статья поступила 25.11.2022, принята к публикации: 05.12.2022.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Региональные правовые акты АСЕАН в сфере интеллектуальной собственности: их значение для интеграционных процессов

Научная статья

УДК 346.7

Татьяна Юрьевна Ларина,

Российская государственная академия

интеллектуальной собственности, Москва, Россия

кандидат юридических наук, доцент

larina@rgiis.ru

Аннотация. *В статье проанализированы отдельные региональные правовые акты в сфере интеллектуальной собственности АСЕАН, выявлено их значение для становления региональной системы интеллектуальной собственности.*

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, охрана интеллектуальной собственности, региональное сотрудничество, региональная система регистрации, патенты, товарный знак.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках НИР № 1-ГЗ-2021 «Анализ состояния и перспектив сотрудничества Российской Федерации в сфере интеллектуальной собственности со странами АСЕАН».

Для цитирования: Ларина Т.Ю. Региональные правовые акты АСЕАН в сфере интеллектуальной собственности: их значение для интеграционных процессов // Копирайт. 2022. № 4. С. 168–175.

ASEAN regional legal acts in the field of intellectual property: their significance for integration processes

Tatyana Yu. Larina,
Russian State Academy of Intellectual Property,
Moscow, Russia
PhD in Law, Associate Professor
larina@rgiis.ru

Abstract. *The article analyzes individual regional legal acts in the field of ASEAN intellectual property, reveals their importance for the formation of a regional system of intellectual property.*

Key words: intellectual property, intellectual property protection, regional cooperation, regional registration system, patents, trademark.

Funding: The work was carried out within the framework of research work No. 1-GZ-2021 «Analysis of the state and prospects of cooperation of the Russian Federation in the field of intellectual property with the ASEAN countries».

For citation: Larina T.Yu. ASEAN regional legal acts in the field of intellectual property: their significance for integration processes // Copyright. 2022. No. 4. P. 168–175.

Развитие сферы интеллектуальной собственности зависит от множества факторов, в т.ч. от действий международных организаций, целями и задачами которых выступают создание эффективной модели охраны и защиты интеллектуальной

собственности. Примером такой международной организации является АСЕАН.

В развитии сферы интеллектуальной собственности стран-участниц АСЕАН наблюдается определенная неоднородность, которая проявляется в принципиально разном состоянии их правовых механизмов: от развитой инфраструктуры охраны, защиты, регистрации прав на объекты интеллектуальной собственности в Сингапуре и Малайзии до неоднозначного закрепления правового режима объектов интеллектуальной собственности в Лаосе и Мьянме. Именно такое неоднородное развитие интеллектуальной собственности государств-участников АСЕАН и ставит перед этим международным объединением новые вызовы, направленные на создание межгосударственного сотрудничества с учетом особенностей стран.

Данное сотрудничество основывается на документах, определяющих векторы развития стран-участниц АСЕАН, в том числе сферы интеллектуальной собственности. Одним из таких документов является рамочное соглашение АСЕАН о сотрудничестве в области интеллектуальной собственности, подписанное 15 декабря 1995 г. в Таиланде [1]. Правовой акт преследует следующие цели:

- укрепление сотрудничества в сфере интеллектуальной собственности между странами региона, увеличение роста региональной и мировой торговли объектами интеллектуальной собственности;
- содействие региональному сотрудничеству в сфере интеллектуальной собственности, как на государственном, так и на частном уровнях (например, при передаче опыта создания арбитражных центров по разрешению споров);
- изучение возможностей продвижения технологических инноваций, их передача, прежде всего, между странами-участницами АСЕАН;

- создание региональной патентной системы;
- создание механизмов региональной регистрации товарных знаков;
- проведение консультационных мероприятий на региональном уровне, направленных на обсуждение правовых режимов интеллектуальной собственности стран-участниц АСЕАН, с целью выработки единых стандартов.

В анализируемом рамочном соглашении 1995 г. АСЕАН для межгосударственного сотрудничества избраны такие сферы интеллектуальной собственности, как: авторские и смежные права, изобретения и промышленные образцы, а также товарные знаки, географические указания, ноу-хау, топологии интегральных микросхем.

АСЕАН ставит для себя также задачи по разработке и внедрению наилучших практик в области управления интеллектуальной собственностью, выработке единых механизмов защиты прав интеллектуальной собственности, создание региональной системы получения патентов на изобретения и промышленные образцы, а также региональной системы регистрации товарных знаков. В качестве перспективного аспекта сотрудничества АСЕАН в соглашении называется создание судебной системы разрешения споров в сфере интеллектуальной собственности.

В Плане Экономического сообщества АСЕАН до 2025 г. [2] одним из важнейших векторов регионального развития АСЕАН названо создание региональной модели охраны, защиты и регистрации прав на объекты интеллектуальной собственности, отвечающей мировым стандартам.

Эта задача отражена и в другом региональном правовом акте под названием «План действий АСЕАН: решение задач «Единого видения, Единой идентичности, Единого сообщества» с помощью интеллектуальной собственности на 2016–2025 годы» [3] (далее – План действий). В документе

отражены также следующие приоритетные направления межгосударственного сотрудничества стран-участниц АСЕАН:

- модернизация ведомств интеллектуальной собственности государств-участников;
- создание регионального режима интеллектуальной собственности;
- организация инклюзивной экосистемы интеллектуальной собственности;
- выявление и развитие перспективных механизмов коммерциализации объектов интеллектуальной собственности, в том числе географических указаний и традиционных знаний.

В 2021 г. после проведения опроса стран-участниц АСЕАН План действий претерпел определенную модернизацию. Новыми направлениями были обозначены:

- повышение финансовой стабильности ведомств интеллектуальной собственности стран-участниц;
- акцент на развитие системы управления авторскими правами;
- внедрение региональных информационных баз в сфере авторского права;
- технико-экономическое построение региональной патентной системы;
- развитие обмена информацией между странами АСЕАН в сфере интеллектуальной собственности;
- разработка руководящих принципов АСЕАН по защите прав интеллектуальной собственности;
- цифровизация сферы интеллектуальной собственности.

Все направления деятельности, которые к 2021 г. стали низкоприоритетными, были исключены из Плана действий, а отдельные направления для достижения наилучших результатов сотрудничества – изменены или переформулированы. Необходимо отметить, что данный документ постоянно актуализирует направления сотрудничества и исследовательской

работы (например, сравнительное исследование генетических ресурсов, традиционных знаний и традиционных выражений культуры при поддержке программы экономического сотрудничества австралийско-новозеландской зоны свободной торговли (AANZETA) [4]).

Построение региональной модели охраны прав интеллектуальной собственности, механизмов их защиты, а также создание региональных регистрационных систем объектов интеллектуальной собственности АСЕАН требуют больших финансовых вложений, организационных, человеческих ресурсов, четкого осмысления проблемных моментов при реализации программных положений, содержащихся в правовых документах региона [5].

Анализ региональных международных правовых актов АСЕАН, направленных на регламентацию сферы интеллектуальной собственности, позволил сделать следующие выводы.

Программные положения изложены достаточно полно, но носят характер единичных мер, направленных на быстрое устранение существующих препятствий в межгосударственном сотрудничестве региона, и не учитывают специфику отдельных стран. Поэтому, принимая во внимание неоднородность регулирования сферы интеллектуальной собственности в странах рассматриваемого региона, следует пошагово прописать все мероприятия, направленные на унификацию и гармонизацию правового режима интеллектуальной собственности для всех стран АСЕАН.

Для достижения целей и задач, прописанных в рассматриваемых программных документах международного регионального уровня, необходимо создать отдельные акты планирования по каждой цели, стоящей перед АСЕАН в сфере интеллектуальной собственности. Например, в плане по созданию региональной регистрационной системы товарных знаков – определить мероприятия, которые необходимо осуществить, бюджет, сроки выполнения и т.д. Более детальная

проработка каждой цели позволит в достаточно сжатые сроки на региональном уровне создать развитую, эффективную систему интеллектуальной собственности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. ASEAN. Framework Agreement on Intellectual Property Cooperation. 2012. Mode of access [Электронный ресурс]. URL:https://www.asean.org/static_post=asean-framework-agreementon-intellectual-property-cooperation-bangkok-thailand.15-december (дата обращения: 08.10.2022).
2. ASEAN. Socio-cultural community. Blueprint 2025 [Электронный ресурс] URL:<https://www.asean.org/wp-content/uploads/2012/05/8.-March-2016-ASCC-Blueprint-2025.pdf> (дата обращения: 28.10.2022).
3. The Asean Intellectual Property Rights (Ipr) Action Plan 2016–2025. Updates To The Asean IPR Action Plan (Version 2.0) [Электронный ресурс]. URL:<https://www.aseanip.org/Portals/0/PDF/ASEAN%20IPR%20Action%20Plan%202016-2025%20v2.0.pdf?ver=2021-06-10-135518-427> (дата обращения: 08.11.2022).
4. Janke T. et al. Comparative Study of existing Genetic Resources (GR), Traditional Knowledge (TK) and Traditional Cultural Expressions (TCE) legislation and approaches with recommendations for best practice model national policies and laws. [Электронный ресурс]. https://www.aseanip.org/Portals/0/PDF/Comparative-Study-GRTKTCE_Final-For-Public.pdf (дата обращения: 08.09.2022).
5. Грибанова А.М., Королева Е.В., Чабыкина Е.А. Россия и АСЕАН: инновационно-технологический вектор сотрудничества // Копирайт. 2021. № 4. С. 59–67.

References

1. ASEAN. Framework Agreement on Intellectual Property Cooperation. 2012. Mode of access [online]. URL:https://www.asean.org/static_post=asean-framework-agreementon-intellectual-property-cooperation-bangkok-thailand.15-december (08.10.2022).
2. ASEAN. Socio-cultural community. Blueprint 2025 [online] URL:<https://www.asean.org/wp-content/uploads/2012/05/8.-March-2016-ASCC-Blueprint-2025.pdf> (28.10.2022).

3. The Asean Intellectual Property Rights (Ipr) Action Plan 2016–2025. Updates To The Asean IPR Action Plan (Version 2.0) [online]. URL:<https://www.aseanip.org/Portals/0/PDF/ASEAN%20IPR%20Action%20Plan%202016-2025%20v2.0.pdf?ver=2021-06-10-135518-427> (08.11.2022).
4. Janke T. et al. Comparative Study of existing Genetic Resources (GR), Traditional Knowledge (TK) and Traditional Cultural Expressions (TCE) legislation and approaches with recommendations for best practice model national policies and laws. [online]. URL:https://www.aseanip.org/Portals/0/PDF/Comparative-Study-GRTKTCE_Final-For-Public.pdf (08.09.2022).
5. Gribanova A.M., Koroleva E.V., Chabykina E.A. Rossiya i ASEAN: innovatsionno-tekhnologicheskii vektor sotrudnichestva = Russia and ASEAN: innovative and technological vector of cooperation. *Copyright*. 2021. No 4. S. 59–67 (in Russ.).

Статья поступила 29.11.2022, принята к публикации: 05.12.2022.

© Ларина Т.Ю., 2022

Копирайт

Вестник
Российской государственной академии
интеллектуальной собственности

Научное издание

Выпускающий редактор *О.А. Флягина*

Подписано в печать 12.12.2022. Формат 70x100/16
Печать офсетная. Объем 11,0 усл. п.л. Тираж 1000 экз.
Зак.

ФГБОУ ВО РГАИС 117279, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 55а

Отпечатано в ФГБУ Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6